

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

6 (124)

НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ

*Зло войны и благо мира до такой степени известны людям,
что с тех пор, как мы знаем людей,
самым лучшим пожеланием было приветствие «мир вам».*

Л.Н. Толстой

В НОМЕРЕ:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Борис ШИГИН. С Новым годом — Годом литературы! 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Роман РЯБОВ. Леонардо (сфумато). Стихи	5
Дмитрий ДАРИН. Пельмени. Рассказы	20
Валерий МИХАЙЛОВ. И песня не кончается. Стихи	30
Анатолий АГАРКОВ. В поисках простых истин	34
Альдо ПАЛАЦЦЕСКИ. Бистинио и синьор маркиз. Рассказ.	
Перевод Ф. Самарина	46
Виктория КАЛЯШИНА. Красный сок. Стихи	68
Клуб прозаиков «РостОК». Рассказы	73

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Юрий АГАПОВ. Сердца четырех. Воспоминания	102
Владимир АНТИПОВ. Ответ внуку. Стихи	115

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Николай БЛОХИН. На воды в Пятигорск	119
Николай СЕРАФИМОВ. Версии места дуэли Лермонтова	136
Мария САВИНА. Мой Лермонтов	141

ПАМЯТЬ

Александр ХРАБРОВИЦКИЙ. Салтыков-Щедрин в Пензе.	
К 150-летию назначения М. Е. Салтыкова-Щедрина	
председателем Пензенской казенной палаты	146
Вячеслав НЕФЁДОВ «Искусство будить любознательность».	
К 85-летию со дня рождения Л. В. Меркович	150
Лидия ДОРОШИНА. Россиянка. Памяти Г. В. Смирновой-Трубиной	160

ДЕБЮТ

Сергей ФИЛИН. Я люблю, когда небо танцует. Стихи	162
Юрий ГУЗЁНИН. Волки. Рассказы	167

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Светлана ПРОСЕКОВА. Варенька и Яша. Истории для детей	175
Алина АЛЕКСАНДРОВА. Линия жизни. Рассказ	179

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Валерий СУХОВ. Разговор с Дмитрием Дариным	183
Эдуард АНАШКИН. Мир, который построим мы	189
Алексей СУХОВ. Захар Прилепин в Пензе	194

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Светланы ПОПЕЕВОЙ	197
-------------------------------	-----

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Новогоднее ассорти. Стихи	200
Об авторах	219

Борис ШИГИН

С НОВЫМ ГОДОМ — ГОДОМ ЛИТЕРАТУРЫ!

2015 год в России объявлен Годом литературы. Указ о его проведении подписал Владимир Путин. «Рассчитываю, что Год литературы станет ярким проектом, объединяющим общество», — заявил Президент РФ.

Праздник длиною в год? Скорее, работа! И очень напряжённая. Почему-то некоторые литературные функционеры думают, что в этом году на них обрушится манна небесная. Отнюдь! Федеральное агентство по массовым коммуникациям и печати уже проинформировало о планах проведения Литературного года в России. В 2015 году состоятся интересные масштабные мероприятия, среди которых такие проекты, как «Книги в больницы» и «Литературная карта России», международный форум писателей «Литературная Евразия» и «Библионочь-2015», проект «Лето с книгой» и конкурс «Литературная столица России», празднование «Всемирного Дня Книги». Кстати, такой день пройдёт в России впервые. Подчеркивается важность насыщения Литературного года содержательными и познавательными мероприятиями по всей стране. «Многие регионы уже провели огромную подготовительную работу, — отметил глава Федерального агентства Михаил Сеславинский. — На сегодняшний день поступило немало предложений по списку мероприятий в Год литературы из более чем сорока субъектов РФ. Примечательно, что в большей части предложений нет просьб о дополнительном бюджетном финансировании».

А теперь вопрос: что мы, пензенские литераторы, библиотекари, учителя сделали для того, чтобы полноценно включиться в эту важнейшую работу? Думаю, немало. У нас есть проект «В русле «Суры», который живёт и действует уже 10 лет. Есть опыт работы в школах и больницах, много лет мы несём журналы и книги в детские лагеря,

КОЛОНИКА РЕДАКТОРА

производственные и студенческие аудитории. Семьдесят шесть встреч с читателями, на которых побывало 4915 человек, — только в 2013 году! Думаю, цифры эти говорят о многом. Но сделать необходимо куда больше. Уверен, центрами этой работы в Пензенской области станут управления культуры и образования, областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, Литературный музей, журнал «Сура» и его творческие объединения, региональные отделения писательских союзов. А раз так, сводный план действий нам бы не помешал. При этом, да простят меня коллеги, я абсолютно уверен, что не писатели, а именно книжечки станут опорой в этой работе. Потому что научить читать может каждый грамотный человек, а вот научить любить литературу — только влюблённый в неё, влюблённый в чтение! Именно таких людей должны найти мы и уговорить их отдать часть своего времени «совместному чтению» с теми, кто ещё не болен этой прекрасной болезнью. Если хотите, речь должна идти об эпидемии, прекрасной эпидемии любви к книге, к чтению, к литературе! Конечно же, наш литературный журнал будет рассказывать вам о тех, кто «заболеет, но к врачам обращаться не станет». Остается надеяться, что вся эта совместная и большая работа существенно повысит интерес пензяков к классической и современной литературе и чтению. Ради этого всё и затевалось.

С Новым годом вас, уважаемые читатели, с Годом литературы!

Роман РЯБОВ

**ЛЕОНАРДО
(СФУМАТО)**

Стихи

*Перья поднимут людей,
как птиц, к небесам...*

**Леонардо да Винчи.
Предсказания. 1000. I, 65 г.**

Погода меняется. Облачность
Растаскана хлопьями по небу.
На салочки зайчиков солнечных
С карнизов любуются голуби.

Они говорливы, без памяти
От дерзости мартовских фокусов
И, пробуя сами, срываются,
Раскинувши крылья над пропастью.

И, круг заложив, на снижение
Идут. И мелькают под окнами.
Все ближе земля. Все блаженнее
Игра с ветряными потоками.

Ручьям угрожая завалами
Камнями их тел, их чернилами,
Весна начинается с малого —
С касания. С точки и линии.

* * *

...губы, брови, молоко,
Пятна солнечной кашицы,
Мухи в небе потолков.
Двери, тропы, маки, птицы.

Камни, корни, водопад,
Листья лилий молчаливых,
Крошки хлеба, виноград,
Лодки, лошади, оливы.

Реки, горы, облака,
Дымка, дали, очертанья,
Всхлипы ветра, дрожь глотка,
Захватившего дыханье.

Лица, жесты, имена,
Ересь новых занавесок,
Окна глаз. С веретена —
Накипь шерсти. Вечер. Песня.
Ад и рай. Добро и зло.
Роли, позы, гениальность.
Дом на склоне. Чернозем.
Одиночество и память.

Шестеренки, города.
Тайна смерти и рожденья.
И восставшая вода.
И никчемность сбережений.

И размытый силуэт
На пороге. Или это
Лишь черта, чернильный след?
Мать с букетом пустоцвета.

Завитки ее волос,
Замирающие в танце,
Лабиринты лент, полос,
Узелки лозы и пальцев.

Сколько нужно быть в пути,
Как вытягиваться к цели,
Чтобы снова дорasti
До Вселенной колыбели?

* * *

...побеги пятнадцатилетия,
Пора моего ученичества,
Вращенье на месте, на вертеле
Чужой для меня мастерской.

Встают за фигурами ангелов
Античные тени язычества —
Ни райского круга, ни адова —
Меня удивлять простотой.

До слез воскрешением трогая
Глаза господина Верроккю,
Мои — до бессонницы — тогами
И молятся карандашу.
Давно ли с богами соседи мы?
Никто не торопит со сроками.
Поэтому «Леду и лебедя»
Когда-нибудь я напишу.

Я вижу, как море, грядущее.
Во мне берегами уверены
Стареющие и растущие,
Мелькая в проеме окна.
Мой дух зацелован Мадоннами,
И пусть говорят, что — Венерами,
И даже — Содомом. Бездонное
Не вычерпать ложкой ума.

Плоды двадцатипятилетия,
Свернув молоко ученичества,
Тебе обещают бессмертие
Десятком набросков на дню.
Ты вписан улыбками матери
В природную книгу величества.
Так все чудеса — обязательны,
В основе своей. На корню.

Да разве не чудо — крылатиться
С железною необходимостью,
С таким же здоровьем, характером,
С упорством к работе пера?
Не набело — бегло — без отчества,
Но все это на люди вынести,
Спасая твое одиночество
От хищников зла и добра.

Видать, не помрешь ты от скромности...
Тут дело не в коршуне — в пасквиле.
Какой-то писака бессовестный
Анализ увидит во сне.

Но живопись — опыт внимательных,
Богиня, набухшая красками.
А ты растираешь их пальцами
И веришь, как богу, себе.

* * *

...не он — она была раздета.
За дымкой тонких покрывал
Она лишилась силуэта,
А ты ее драпировал.
Над куполами Брунеллески
Ее распахнутой груди
Ты все картонами шутил...
В пустой трапезной сохла фреска.
Когда ты раб, работа — ад,
Ты пустословием заштрихован.
А значит, истинный талант
Не брат горячности дешевой.

Она была раздета. С ветром
В окно вносило пыльный день.
И пахло цветом, как запретом.
И бездарь в обстановке этой
Давно бы взялся за ремень.
Но рыжий свет шагал по телу,
Стекал на жилки шеи с губ,
Скользил ключицей, прыгал влево
И воевал с углами тумб.
На след его из позолоты
Перстом указывал отвес.
Крошился грифель. В синь небес
Взлетала кампанила Джотто.

Но под твоим карандашом
В лучах, в пыли, в осколках пота,
Давя зевоту до икоты,
Валился город нагишом.
Она касалась драпировки,
Велась по контуру игра,
И липли тени на обновку
Движенья влажного бедра.
А ты, с листом в руках, в сторонке
Стоял, блаженней дурака,

И зарисовывал ребенка
С натуры спелого пупка.

* * *

...опять он с этим миром нянчится,
Опять с петель снимает двери.
И сердцем прыгает за мячиком,
И дышит бронхами деревьев.

И пьет события. Деталями
Он околован, как апрелем,
Еще Платоном не представленный
В «Афинской школе» Рафаэля.

Ни с кем вокруг не видя разницы,
В душе он чувствует избыток.
И ткань талантливо вздувается
Короткой розовой туникой.

Чуть позже он толпою вынесен
Кривою улочкой на площадь.
Белила. Облака на выпасе.
И свет Флоренцию полощет.

Он вдохновлен необходимостью
Вещей, существованья, быта.
И рад до слез телячьей вырезке,
Решая тут же с колоритом.

В ручьях прическа Леды путаясь,
Захлебываясь дел авралом,
Он не заканчивает рукопись
По теме вен и жил каналов.

«Кто создал этот мир заманчивым?»
И, словно кладами взволнован,
Он роет горы по задачнику
Своих ролей, судьбы и школы.

Навеки с опытом повенчанный,
Наукой в живописи бредя,
Как в мастерскую душным вечером,
Войдет в тома энциклопедий.

Опять холсту стоять навытяжку,
Замяг судьбу обычной тряпки.
Как ни растягивай — не выдержит
Набросков «мозговой атаки».

Леса строительные — высокочки,
Вся мудрость века — суеверье...
На верхотуре гений с кисточкой
Глаза закрыл, как подмастерье.

Он спит. По фрескам бродят трещины.
И стол у старого камина,
Не помня пустоты и женщины,
Завален чертежами крыльев.

* * *

...я легионы веду за собой —
Целые площади, улицы, церкви —
Демонов праздников и фейерверков
В город тяну карнавальной гурьбой.

Радуйтесь пятнам цветных фонарей
И, отсекая каррарские глыбы,
Губы тяните в гримасах улыбок,
Пяля на торсы тряпье дикарей.

Звездную дрожь и глухой чернозем,
Конское ржанье, сценический топот...
Так до рожденья шедевра потопа
Славно на мелочи мы изойдем.

Вам ли не знать, кто за этим стоит,
Отчим причин — кукловод и механик,
Нити событий держащий руками
И захлебнувшийся ролью навзрыд.

Больше, чем «здрасьте» иль просто знаком,
Я с этим гением скромной Вселенной.
Как окрыляет, бодрит он и пенит,
Как углубляет растительный тон.

Как, обливаясь ручьями волос,
В щели дверные святые косятся,
Как убирают картон декораций,
Где я бессмертье свое перерос.

* * *

«...забудь о хлебе, режь ломтями сердце мне,
Я твой должник и вечный ученик.
Цвети на всю Италию, Флоренция,
Людских потоков город и родник», —

Так он шептал, молился, заговаривал
Свою судьбу, а проще — ремесло.
И длился день. И был облапан маревом.
И шло существованье колесом.

Куда ни глянь — за башнями и арками,
Среди дворцов, боттег, судов, церквей —
Тянулись нити, спутанные Парками,
Метались лица взмахами бровей.

Шныряли псы, коты орали истово,
И, не чураясь модного тряпья,
По площадям прогуливаясь истина,
За ней гурьбой катилась ребятня.

Давились в жизнь воротами парадными,
Волна толпы валила за волной,
А он стоял и в лица всем заглядывал,
Придерживая книжечку рукой.

За бытием шпиона без стеснения,
С уничтоженья делая эскиз,
Он подбирал ключи к их повторениям
И не решался выполоскать кисть.

И каждый слой ложился беспокойнее,
И каждый штрих казался не у дел...
Шедевров ли предчувствя агонию,
Он на безликость права не имел?

* * *
...когда я стану неизвестным
И спрячу в листьях и траве
Мою холеную телесность,
И жизнь моя приснится мне.

Приснятся мне мои картины,
И недостроенный паром,

И хлеба вкус, и запах винный,
И кисть в погоне за пером.

В который раз вдали от дома
И ближе, чем когда-нибудь,
Зайду я за спину былому —
В лицо не бывшему взглянуть.

Когда непонятным останусь,
В тисках окладов и оправ,
Оставив будущему зависть
И сам себя не разгадав,

Приснятся мне макушки пиний,
Горбы предгорий, туч клубы,
Где я, отрекшийся от линий,
Не стер черту своей судьбы.

Когда столетье сбросит кожу,
Я оценю без лишних слов
Улыбку мудрости дороже
Великолепья городов.

Дороже золота. Чудесней
Разгадки тайны бытия...
Когда я стану неизвестным,
Когда великим буду я.

* * *

— ...почему ты так печален, Леонардо?
И зачем ты занят темами затмений?
Тяготят ли тебя молнии разряды
Или губят застоявшееся время?

— Есть заботы, коим нечего при свете
В ноги кланяться, растрачивая силы,
Черный ветер детям пропасти свидетель,
Но другим делам понадобятся крылья.

— Все ль ты тот же лев, голодный наблюдатель?
Или найдено отчаянное средство:
Оградиться узелками от распятий?
От любви ли, Леонардо, это бегство?

— Надо думать, все готово для отъезда:
В сундуке среди вещей — письмо и список,
А вон те наброски лучше бы изрезать,
И вот эти листья — в клочья. Да и мысли.

Что ж, Флоренция, прощай иль до свиданья —
Не к лицу обоим слезные разливы,
Расстаемся без обид и оправданий.
Время лечит и калечит справедливо.

* * *

...пора встрыхнуться — солнце в городе,
А ты валяешься поленом,
Окно зазеленело молодью,
И пыльный луч уперся в стену.

Он занят ступками и плошками,
И под столом сидит в засаде,
И, раздосадованный крошками,
Лизнул десяток виноградин.

Попал в ведро с водой, но вымахнул,
Роняя клочья позолоты
На щеки путти, вздутых выдохом,
На молот, лютню, переплеты.

Он сушит грунт на досках грушевых,
Не допуская трещин в волос,
Он знает цель пути воздушного
И, как слепой, идет на голос.

На запах масла, красок. Крышами
Скользит и прячется в посуду,
Он не отбрасывает лишнего,
Он чует важное повсюду.

Не шарь в карманах неудачником,
Указом солнечной короны
На вещи капать свет назначено
Тебе и всем твоим знакомым.

* * *

...окно не открывалось,
А стрелка шла к семи,

Раскачивался август
За грозьями семьи,

Стреляя, как лучами,
По грохоту колес
Спесивыми смычками
И косточками ос.

Стекло дрожало в раме.
Тридцатая заря
Свивалась, как пергамент,
Символикой соря.

И плавали предметы
Походками невест.
Валялись три монеты,
И красок кис замес.

Соседствовали яды
С оливковой тоской.
И был таков порядок
В старинной мастерской.

Упрямым богомольцем
С расширенным зрачком
В окно ломилось солнце
И падало ничком.

Считаясь с этой ранью,
Проем не рвал груди,
Стекло дрожало в раме...
А где-то позади

Бурлил поток шедевра,
Врезаясь в рев культур
Сквозь темперную веру
И заговоры кур.

* * *

...в городе ветер метет духоту,
Гонит по улицам горе за гарью.
Ангелы, бесы ли — невмоготу,
Мне безразлично, кто варево варит.

Что там за пляски на теплых костях?
Кто разорался про адово пекло?
Может, кому-то, а нам не простят
Наших богов и рассветов поблеклых.

Солнце чернеет. Над пропастью рва
Бродят, как тени, бесхозные роли,
Нынче искусство — сухая трава
Или дровишки для Савонаролы.

Это чума. Время поводырей.
С тайнами мира случайные встречи
Втоттаны в пепел. В проемы дверей
Тянет по свету душком человечьим.

* * *

Спросите у неба лекарства от смерти,
А у человека — отравы для жизни;
Кто красками занят, тот будет и светел,
В толпе или в зарослях — узнан и признан.

Спросите любого — художник в почете,
Он чист и опрятен в боттеге у моря.
А скульптор — как мельник. Как пекарь печет он
Венерины руки. Венерины хвори.

Фигурки из глины — как будто для казни.
О, мир терракоты и мраморный юмор!
И столько повсюду раздавленных связей,
И трупов, и грязи, что некуда плонуть.

Я слышу (мне кажется) шепот причины,
Над стадом бараньим — поющие плети:
«Есть первые вещи. И ты заучи их,
Коль скоро отыщешь в деталях и детях.

В кругу ежедневных задач и занятий,
Сдаваемых времени тел и позиций —
Все так и должно быть. Старайся узнать их,
Попробуй запомнить, не глядя на лица.

Так учатся вкладывать силы и душу,
И так избегают ненужных союзов;
За коршуном прыгай. От блошек и мушек
Спасайся. Иначе — ты признан и узнан.

У самой вершины в пещере разнежась,
Ты снова почувствуешь, как водопадом
С привычных движений срывается свежесть
И с найденных формул стекает прохлада».

* * *

...войди в прохладу Санта-Кроче,
Как в день осенний — чистой нотой,
Забыв, как сон, нервюры ночи,
Остановись у фресок Джотто.

Взгляни на стрельчатые окна,
Минуя улицы и крыши, —
Там свет, заваливаясь боком,
Колонной падает на ниши.

Как он притягивает тени,
Как удивляет стены лаской,
Как держит плошки на коленях,
Свои замешивая краски.

Он не вытягивает нервы,
В жару и пыль не бредит морем...
Учись. Ты тоже будешь первым
В потоке лиц, имен, историй.

У неба или водоема,
К природе лишь питая ревность,
Учись пространству и объемам,
Слегка задерживая зрелость.

Когда поймешь, что ты бессрочен,
И хлынет время липким потом,
Войди под своды Санта-Кроче,
Остановись у фресок Джотто.

* * *

... а утром он проснулся стариком,
И, заслонясь от прошлого утесом,
Пока его ничто не отвлекло,
Он сделал этот памятный набросок.

Среди нагроможденья разных книг,
Канатов и оптических приборов

Ему приснился первый ученик
С замашками талантливого вора.

В своей манере — точно и легко,
Тенями провоцируя бумагу,
Как время — на количество витков,
Он выгнул пару профилей в параграф.

Неужто это присказка к судьбе?
А может быть, для путника — харчевня?
Так рукопись бесценна о себе.
И сложен о познании учебник.

Телами драпировку населив,
Дав лицам выраженья без нажима,
Он встал и вышел. Двери мастерских
Зевали, заедая и пружиня.

В мясные лавки плыли палачи,
Страдали трубы дымом и одышкой.
В тот день он взял к себе в ученики
Совсем невыносимого мальчишку.

А на столе тускнело серебро
Карандаша. Набросок был осознан.
Повернутое к зрителю ребром,
Там зеркало дробило средний возраст.

Давала мудрость глупости росток,
Хрустело что-то в юноше от старца;
И гнул свое распластанный листок,
Мертвея, как потрескавшийся панцирь.

* * *

... я был там. И видел своими глазами,
Как спали над склонами лозы с вязаньем,
Как туч табуны уходили галопом
К рассветной излучине на водопой;
Скалистые складки лежали накидкой
На теле земли. И лепились улитки
Разбуженных литер на пальцы, потопом
Картин угрожая бумаге слепой.

Я был там. И видел глазами своими,
Как до горизонта был соткан из линий
Пейзаж, как старательно прятал он сетки
Никем не открытых пока перспектив;
С обрыва срывались и падали камни,
И сосны стояли над миром и ранью,
А гулкое эхо вносило заметку
О краткости жизни и долгом пути.

Я видел глазами и сердцем. Я был там,
Где плиты истории были облиты,
Как воском и лаком, слоистыми льдами,
И с губ неохотно сходили слова;
Тянуло с вершин одиночеством, жутью
Замершего знанья. Отпрянув от прутьев
Моих примечаний, как сдавленных далей,
Пугалась обманчивая синева.

На схемах корней я раскладывал карты
Своих государств, на которых с азартом
Рождались и гибли, как вспышки, народы,
И время скользило на новый виток.
И там, где для прочих был хаос движений,
Мой опыт усматривал план положений,
Я чуял нутром все задумки природы,
Едва успевая заполнить листок.

Суммируя смыслы подобных дурачеств,
Я целые мили долин перепачкал
И с радостью нынче уйду в подмастерья
К портному, забыв о дворах королей;
Зато я запомню, что мир — бесконечен,
Что верно я сдерживал реки и речи,
Решаясь на точки, баюкая перья,
У левого края страницы моей.

P.S.

...вот теперь скажи, на что
Ты способна, кисть немая,
Облысевшая с левшой
И оглохшая от лая
Комментаторов слепых?
Чем ты сможешь оправдаться,

Оседая словно жмых
В масле их мистификаций?
Ты теперь сухая жердь
Над колодцем вдохновений.
Что — шедевр? Всего лишь смерть
Красок и прикосновений.

А он лежит за милями, во Франции,
А он стоит за временем на выставках,
И нет ему, как прежде, девятнадцати,
И пусто на планете, как на выселках.
Он сдавлен переплетами и ставнями,
Досадуя, в историю допущенный,
Что тесно на страницах раскрываемых
И жутко на ладонях у грядущего.
Что в перьях утонувшая фантазия
Не вынесла гнезда цивилизации.
Осталось потребление. И праздники.
И пальцы суетливой реставрации.
На черта ли все валится, на Бога ли...
А он летит за облаком, за ливнями,
Доступностью подробностей растроганный,
Достигнутым единством осчастливленный.

Врет ослепшее перо
Даже про тарелку супа,
А тем паче за крылом
Не расправит руки трупа.
Хоть топчи его пятой,
Он останется без риска
В черноземе под плитой,
Как в картинах — независим.
Попадавший под запрет
И размытый словно призрак,
Даже через сотни лет
Норовит принудить к жизни.

Дмитрий ДАРИН

ПЕЛЬМЕНИ

Рассказы

ЗАВЕЩАНИЕ

У деда Силантия были красивые имя и борода. Ну, имя — понятно. А борода была под стать — важная, можно сказать степенная. Не метлой, не лопатой, и уж не очесок какой.

Как белая волна — стекала с лица и впадала прямо в пояс. Торжественная борода. Правда, больше ничего красивого у деда Силантия не было. Пятистенка крепкая еще, не кренилась, но было уже в ней что-то уходящее. То ли обшарпанное крыльцо, то ли дух от старых циновок, то ли бревна, кое-где насквозь потрескавшиеся. Внутри было чисто и пусто. Печь, у окна с облупленной белой рамой — стол, полуистертая kleenka на столе... что еще... пара табуреток. Тахта в дальнем углу. Каждую ночь, когда дед Силантий ложился почивать, тахта вместе со скрипом выдавала пыль. Столько пыли, что сложно не закашляться. Тогда кровать скрипела еще больше, словно жалуясь хозяину на бессрочную службу. Неуютно было в избе, но дед Силантий этого уже давно не замечал. Кормился рыбой с речки, картошкой с огорода, тушенкой, что раньше привозил сын, а потом, когда сын скоропостижно умер от саркомы, редкими консервами из сельпо. Внук Андрей не привозил ничего. Хотя нет, привез новые поплавки да лесу в позапрошлом где, а из продуктов чего-то не догадался. Андрей работал в городе — не райцентре, а в самой Москве, в какой-то важной организации. Он говорил, да Силантий не запомнил. К этим мудреным названиям ухо у него было не приспособлено. Андрей приезжал с девушкой, сказал: невеста. Женился он или нет, Силантий не знал — на свадьбу его не звали, и письмом тоже известий не было. Может, женился, ну а, мож, и нет

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Дмитрия Дарина с 50-летием, желает здоровья и творческих успехов.

— у этих молодых да современных все как-то непрочно. Вот у них — Силантия и Меланью — было прочней железа. Еще бы — раз железо их и связало. Дед Силантий был тогда не дедом, а лейтенантом. И лежал раненый в госпитальной палатке, практически на передовой. А Меланью перевязку делала — бойко так, умело, и старалась боли лишней не причинять. Ему тогда подо Гдовом осколком полплеча разворотило. Хирург вынул все, что смог. Меланью перевязывала уже, как мессеры налетели. Им хоть красный крест, хоть какой — бомбят в удовольствие. Палатку снесло к чертям, кровати поопрокидывало. И вот сидит Меланью на его кровати в чистом поле под бомбами, молится, а он, полуපевязанный, здоровой рукой Меланью ладошку сжал, глаза закрыл и тоже «Отче наш» вспоминает. Хирург мимо пробегает, орет благим матом — не молиться, бежать надо со всех ног! Тут ему голову и снесло. Начисто. Как доброй косой ромашку. А они так остались на кровати — он лежа, она сидя.

Хотя в земле и крови — и лицо, и халат, значит. А все одно — оба белые, белее сметаны. И ведь даже не задело, испугом отделались. А когда мессера ушли, он уже ладошку Меланью не выпустил. Загадал: живы останутся — женится на ней. Она тогда еще на него глазами брызнула, но ничего супротив не сказала и руку не отняла. Потом только, когда свадьбу играли, призналась: то же самое загадала да у Господа молила, чтоб не разлучал. И если погибнуть, так вместе, тут же. Может, под этот загад и оставил их Всевышний на земле. «Силантий-да-Меланью» у соседей в присловье вошло, как «Иван-да-Марья», настолько дружно жили, душа в душу, как ладонь в ладонь. Силантий раньше плотничал, да так плотничал — глазам на радость, заказчику — в удовольствие. Работал когда с инструментом — руки пели. Часто людям и за спасибо не отказывал, когда заказов не густо было. Не все, правда, красоту понимали. Колян — сосед наискосок — завсегда бычился, когда Силантий ему предлагал то кровлю на доме подлатать, то водосток банный починить, то забор поправить.

— Не лезь! Моё! Захочу — сам починю. А не захочу — нехай валится.

Силантий фыркал.

— Так ведь некрасиво, мил человек! Глянь — ендову повело совсем, следующую зиму не переживет, крепить надо.

— Тебе-то чего? — настаивал сосед. — Моё! Некрасивое, а моё! Своё тревожь, моё не трожь!

— В некрасивом доме и жисть некрасивая!

— А ты мою жисть не трогай! Не тебе дадена!

Силантий пожимал плечами и отступался. Соседскую крышу действительно на Богоявление завалило. Колян пыхал молчаливой злобой, поднимал стропила, сделал кое-как и тут же запил. Потом Силантий слышал — чуть ли не его винил Колян в этом, говорил: заломил Силантий цену небесную, а не по-божески. Так и прожил Колян до самой смерти с переломанной баней да кривым, словно запойным, забором. С Силантием и Меланьей не здоровался

и бабе своей, Антонине, заказал. А как помер через пару лет от пьянства, так Силантий, у вдовы не спрашивая, все наладил.

— Как строишь, так и живешь! — сказал напоследок. От платы, как и до того говорил, отказался.

Меланья, правда, дармовой работы не одобряла. Пилить не пилила, но мужу выговаривала:

— Ты не понимаешь, что ли? Не ценят люди. А то еще — и обижаются.

— За что же людям на мою работу обижаться? — недоумевал Силантий.

— Отплатить им нечем, в долгу себя чувствуют. Обязаны будто. Ну а коли совесть есть, то нескромно им как-то в должниках слыть-то.

Силантий оглаживал свою бороду, но понять женины резоны никак не мог. Совесть, по его разумению, не для этого была предназначена. Но долго они все равно не спорили, кто-то да переводил на другое. Чаще Меланья — и чаще всего на свою работу. Точнее сказать, на свою зарплату. Платили ей как почтальонше меньше трех тысяч. Надбавки какие-то полагались, но их так никто и не видел, а потом и вовсе отменили. Так и померла — прямо там, на почте. Кто-то из очереди наорал, посыпки своей не дождавшись. Будто Меланья за всю российскую почту в ответе. Охнула только, прижала охапку писем к сердцу, да так и осела — с чужими письмами в руках. Ни одного не выронила. Врачи сказали: острая сердечная недостаточность. Силантий на кладбище тогда подумал: у человека, который своей злой другой умеет убить, вот у кого сердечная недостаточность. А земля таких носит.

Последние десять лет ходил Силантий на женину могилку каждый Божий день. Следил, ухаживал. За домом своим уже не так следил, как раньше, душу не вкладывал. Душа с Меланьей ушла. Порядок, как мог, держал, не давал покрываться ни дому, ни себе. Но все же без Меланьи это был уже не дом, а так... жилище. Земля, конечно, всех переждет. А пока — жить нужно. Но чтобы понять — как, — и приходил на могилку Силантий. Сидел, молча вздыхал в свою роскошную бороду. А как что приятное из жизни совсем не вспоминалось, улыбался — тоже в бороду, слишком. А в ведро поччурял, что скоро и ему за Меланьей. Потому решил дед Силантий написать завещание.

Встал в тот день обычно — с зарей, но ни на реку, ни на погост не пошел, даже на двор не выглянул. Долго искал подходящую бумагу, не нашел, вырвал лист из старой Меланьиной тетрадки. Той, куда покойница записывала все расходы, покупки нужные да сбережения с пенсии. Не успела закончить тетрадь Меланья, кончились ее земные расходы раньше. Вот такой листочек в линейку и вырвал дед Силантий — последний баланс сводить. Послоняявил карандаш, потом все-таки пошарил в ящике стола — достал авторучку. Завещание — документ серьезный, стираться не должен. Вывел, сопя над листом: «Моя последняя воля», вырвал лист, написал по-другому: «Завещание гражданина Клименко Силантия Архиповича» — и задумался. Долго так сидел дед Силантий, с ручкой в старых коряжистых пальцах, глядя в пустой лист. Не над тем думал,

что отписать по духовной, а над тем — кому. Вернее, кому — было ясно: внука был один. Не просто один внук, а из всей родни — один. Невестку Силантий не жаловал, особенно с тех пор, когда эта столичная мамзель на Меланьины поминки не приехала. Сын-то в Москву через нее попал. И столичную прописку по женитьбе получил. Старики были раз у них — когда внук Андрюша родился. Меланья много чего напекла, меду взяла, всяких гостинцев по узелку. А эта, московская-то, с расфуфыренным именем Эльвира, бросила все в холодильник, не глядя. Потом еще Силантий в Москве был — уже у Андрея. Еще до той девахи, с которой он их в деревне навещал. Нужно было Силантию одну бумагу выхлопотать — для всего села. Знали все, что у него внучок при начальстве, вот и снарядили — что-то по пашням, между двумя районами ничейная земля образовалась. Отдать в надежные руки, ответа дождаться и привезти. Бумагу-то отвез Силантий, а вот ответа не дождался, конечно. Но и Андрей упреждал: нет никакого смысла в Москве сидеть, ответ вам в район и так официально придет. Силантий тоже так думал, но для порядку решил неделю «посидеть». Внук, конечно, не обрадовался, но квартира у него из двух комнат была, бабы на тот момент рядом не наблюдалось, так что стерпелись.

Походил Силантий по Москве, поездил. Огромный город, ничего не скажешь. Дома под облака, а вот люди мелковаты. То ли в сравнении, то ли еще как... не по росту, конечно, а по сердцу. Точнее Силантий и сам бы не мог точно определить. Но что-то такое было в здешних людях... примесь какая-то. К примеру, стояли они в пробке на окружной дороге. МКАД, если коротко назвать. Андрей, который был за рулем, чертыхался направо и налево, на него тоже огрызались. Ну, это понятно. Хотя они и не спешили особо, нервы все же не железные. Потом с левого ряда их «скорая» подвинула. С сигналами да фарами. Большого, верно, везли или, наоборот, за больным ехали. И все бы ничего, да Андрей и еще несколько таких же ловких «скорую» пропустили — и за ней на большой скорости, как за ледоколом по чистой воде. Силантию стало неловко. Выходило, что они чьей-то бедой пользуются. Поделился с внуком. Андрей только усмехнулся. Силантию показалось — не без превосходства.

— Ты чего, дедуль? Это ж Москва. Тут хлебалом щелкать нельзя. Либо ты, либо тебя. Мы вреда никому не делаем, закон не нарушаем. Так что расслабься.

«Либо тебя... прям, как на войне», — подумал Силантий, но вслух возражать не стал. Но и «расслабляться» не хотелось. Закон законом, но на фронте таких пронырливых не любили. А внук добавил еще:

— Еще ведь неизвестно, кого везут — больного или блатного. Сейчас они за деньги мимо пробок народ возят, который побогаче. Как такси, только с гирляндами. А если и к больному, так ему такой счет выпишут — мне сосед жалился как-то, — что еще подумаешь: может, сразу помереть легче было бы. Сосед грит: приезжает докторша — этакая цаца, красивая, надущенная, напомаженная, халатиком своим беленьким шелестит, прям как невеста фатой.

Силантий поерзал на сиденье. Вспомнил Меланью в халате тогда, под налетом. На фронте «цац» не было, а были санитарки, медсестры, сестрички. Их солдаты любили по-братски, берегли, за «цацу» могли запросто каску в мозги вмять — где-нибудь в дальнем окопе.

Или вот еще — тоже на дороге. Ехали по какому-то проспекту или улице, но очень широкой. Женщина — пожилая, почти старуха, — не по подземному переходу пошла, а по верху, прямо между машинами. По глупости, конечно, по бабской. И чего ее понесло? Упала в аккурат на середине, так машин десять объехали ее, пока какой-то паренек не остановился, вышел да помог на ноги встать. А Андрей на того паренька обозлился. Из-за таких козлов, говорит, все пробки в Москве и случаются. Даже посигналил, чтобы, значит, быстрей старухе помогал. Силантий огладил бороду и подумал, что его Андрей тоже бы объехал, не задумываясь.

Про телевизор вообще говорить нечего. Внук научил, какие на пульте кнопки, какие стрелки жать, какие не трогать. И программ куча — по новому назвать: каналов. У него-то всего три было, центральные, в основном новости и включал Силантий. А когда погас телевизор — ламповый еще, во время этой клятой перестройки, так и не стал чинить. Не то что тратиться не хотел, а такие новости жить мешали. Старой радиоточки вполне хватало ему, чтобы понимать, что на белом свете творится. А сейчас смотрел Силантий в московской квартире эти новомодные каналы и ничего не понимал. Нет, о чем шла речь, было, в общем, ясно. Непонятно только, отчего смеются и чему хлопают. Кто пел — так голосов нет, одно кривлянье, а женское — так почти голое. И чем меньше на такой фифе одежды, тем меньше она умела петь, а восторгов, наоборот, больше. Шутили так же из телевизора — не смешно как-то. Но вместе аплодисментов хохот — будто ему подсказывают, в каком месте смеяться нужно. Вот разговоры разные, споры — интереснее уже показалось. Как будто в деревне на сходе — так же все кричат и слушают того, кто перекричит всех. И так же бабы кудахчут, и чем громче, тем глупее. Как вернулся к себе, так ничего и не вспомнил, что показывали — как внук выражался — по «ящику». А внук и ржал, и причмокивал на этих голых безголосых, а как новости пускали — ругал высшую власть смячными словами. Хотя вроде с этой самой власти и питался.

Но, как бы там ни было, родни боле у деда Силантия не числилось. Чтобы наследство отписать, значит. Так и просидел до темноты дед Силантий над листком в клеточку, думал, корпел. Кроме избы, еще что-то нужно было внуку передать. Совет не совет — кто стариковские советы сейчас слушать будет? Но чувствовал: одной избы мало. Дед Силантий зажег лампу. Потом выключил. Может, в темноте лучше бы ему думалось. Но в темноте вспоминать хорошо, а не думать. Поэтому снова включил Силантий лампу, придинул к тетрадке поближе, чтобы глаза, значит, не устали раньше времени, и провел который раз ручку.

...По лампе и почуяла соседка неладное. Никогда дед Силантий днем свет жечь не стал бы. Бригада из района приехала не быстро, но к вечеру все же добралась. Оформили все, как полагается, удостоверили, выписали справку. Антонина заверила, что тут похоронит, поэтому не повезли. Участковый тоже не замаялся — все было просто и даже обычно. Лишь когда извлек из-под белесой бороды листок бумаги, поскреб затылок. Но, повернувшись в руках, никуда подшивать не стал, только головой покачал. Действительно, кто ж такое завещает: «Добрых людей вокруг тебя, внучек, и сердца, чтобы добро хранить, а еще...». Тоже мне «последняя воля». Участковый усмехнулся на «добрых людей», оглянулся, куда бы деть, и, не найдя лучшего места, бросил листок в печку.

ПЕЛЬМЕНИ

— Я тебе обратно говорю: тута никто не присядет! Ненавидят все друг дружку, как псы! Хуже — как собаки!

Говоривший это мужик, вернее говоря, мужичок, был щуплого вида, в телогрейке, несмотря на теплую еще погоду. Для убедительности он размахивал правой рукой с защемленным в ней картузом, что издалека могло напомнить выступление Ленина на митинге какого-то завода. В данном случае митинг состоял из двоих — «Ленина» и второго мужика, помястей и покряжестей.

— Петро, чего разоряешься, тютя?

— А вот такой народ. Дикий народ. Родня не родня, а часу не пройдет, как перегрызутся! И чего это мне зазря скамейку тута ставить?

Тот, кто покряжистей был и поспокойней, слов тратил меньше:

— А присядет кто? Вона и тень, тютя!

Петро — хозяин дома и осины, облокотившейся на жидкий забор, — замотал головой и рубанул картузом:

— Не буду я ничего ставить. Кто присядет-то? Ты — и так ко мне зайдешь, а кто чужой — мимо пройдет. И нечая задерживаться. Чего задерживаться тута? А бабы сядут — начнут языки чесать, как белье полоскать. Мне же первому кости промоют: Петро там выпил, с той прошелся, с тем погавкался. Еще мою Варьку вовлекут, не... И так бабский язык как репей, так ты что хошь — чтоб я этот репей под своей калиткой развел?

Кряжистый пожал плечами.

— От тютя. Так на радость же. Кто с сельпо идет с пакетами — присядет, доброе слово к тебе скажет.

Петро громко усмехнулся: мол, ему ли людей не знать.

— Доброе слово ныне только за деньги скажут. А задарма — только Капка рыжая, и обратно бабам же. Давеча отпускала — так очередь с улицы выстроилась. Не могла с какой-то товаркой набрехаться. И потом — чего такого в нашем чапке можно набрать, чтобы передыхать? Крупы или спичек? А чтоб водка руки оттягивала — ты когда такой праздник видал? Даже пельмени — и то кончились давеча. Варьке своей обещал, да не принес. Я Капке: вылаживай, мол,

из закромов, шо осталось. А эта рыжая су... щность только руками разводит: грит, только яйца остались. Я обратно: вылаживай яйца! А она мне: я тебе то же самое хотела предложить. И бабы гогочут вокруг, чисто гуси!

Спокойный кивнул: язык продавщицы их сельпо Капитолины цветистостью не уступал вулканически-огненным волосам.

— А с церкви кто пойдет? Вот с Пасхи пойдет, да и присядет здесь. Церква тоже по дороге небось.

Петро постучал себе картузом по лбу:

— После Пасхи разговляться надоно, а не по скамейкам рассиживаться. Чужим тем более. И до Пасхи — знашь, вона зима еще. И кто на твоей скамейке будет зимой ж...пу холонить, а, Рябой?

Если приглядеться, то, действительно, на широком лице второго можно было заметить старые, почти зажившие вмятинки, словно от маленьких дробинок. Видимо, прозвище заменило имя в незапамятные времена. Рябой пожал налитыми плечами.

— Ну, как хошь. Я чё? Я зайду, если чё.

— Заходь, заходь, завсегда. Вот, кстати, что сейчас зашел. Дело есть.

— Дело? Какое дело, тютя?

— А вот важное! — Петро потряс картузом перед своим носом. — У тебя, к примеру, пельмени дома есть?

Рябой пожал плечами:

— Нема.

— Вот! И у меня нема. Даже у Капы в чапке теперь нема. А мужики позавчера в Лихой балке за старой фермой во-о-от такого русака видели, — Петро развел руками, как делают обычно рыбаки, а не охотники.

— Ишо?

— Не постигашь, Рябой? Мы этого русака с тобой завтра самотопом возьмем, пока кто-то другой не позарился, так пельменей и наготовим. До Нового дня хватит, если мужики не врут. А если и привирают малехо, так до зимнего Николы. Так шо — тесто за тобой.

Рябой хмыкнул:

— А как не возьмем, тютя?

— Как это — не возьмем? Ишь, маловер... Ишо как возьмем. Лёжка у него там. Как не взять? Тепленького. С зайчихой, — Петро озорно подмигнул.

— Снимем с бабы евойной, так он в полуумии все свои петли да сметки позабудет. Или тебе чего — тесто лень делать?

Рябой, еще заметно сомневаясь, пробурчал, что, мол, не лень, но мука последняя.

— Ну, тем более, — окончательно рубанул картузом Петро, — на дело пойдет, чего зря последнему лежать. Ты вот шо — ты сегодня сделай, завтра с рас-светом и наладимся. С собой возьми, там прямо на ферме и скатаем.

— Аварить, тютя? Тоже там?

Петро надел картуз, показывая, что недалекие вопросы собеседника его утомили и митинг окончен.

— Ну а то как же? Пока найдем, пока сгоним, пока шкуру снимем... Что ж нам — голодными целый день шастать? Там сварим, там и съедим часть. Ключ там недалеко, хвороста завались. Половину зайца-то легче нести, небось? Постигаш уже?

Рябой улыбнулся — дескать, постиг.

— А шо останется — Капке отдадим. На продажу. Такая что хошь продаст. А нам — магарыч. Umей жить, Рябой! — для верности усмехнулся: — Не тютей.

Бутылка, венчавшая всю операцию, убедила Рябого окончательно.

— Ладно, тютя. Я завтра до петухов постучусь.

На том разошлись. А на следующее утро, еще затемно, Рябой подходил к Петровой хате. В правой руке он нес ведро с тестом — оттягивавшее руку даже такому ражему детине, каким был Рябой. Окинув взглядом место у забора, где шел давешний спор о скамейке и куда сейчас удобно было бы поставить ведро, Рябой взялся за калитку. Но заходить не пришлось. Петро словно ждал за штакетником: вышел бодро, перекидывая с плеча на плечо старомодную «Белочку»¹ — единственную фамильную реликвию. На свежем воздухе сразу стал ощутим перегар — видимо, Петро решил перед охотой погреться изнутри. Как Варвара, обычно зоркая на партизанскую рюмку, неглядела, было не ясно. Рябой укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Петро, не замечая этих тонкостей, накинул на калитку проволочную петлю и пошел первым.

На жухлой траве уже посверкивал первый иней — будто зима прислала вперед себя некий задаток. Шли поэтому с похрустом, но нужды осторожничать не было — до Лихой балки раньше рассвета не добрались бы, а случайная добыча друзей не интересовала. Вообще, Петро слыл знатным охотником — брал и зайца, и лису, и кабана и без зверя с охоты почти не возвращался. Была у него когда-то и собака — красавица лайка по кличке Берта. Берта поднимала за сезон до семидесяти зайцев — на зависть любой гончей. Петро ходил с ней и на лису, и на куницу, и на кабана и не мог нарадоваться. С ней часами мог разговаривать, гладил так, как жену не гладил. Варвара то ли в шутку, то ли всерьез даже ревновала мужа к ней. Но на восьмом году собачьей жизни — в самую зрелость — Берта была кем-то отравлена. Из зависти или из ревности — Петро допытываться не стал, ушел в запой. На всякий случай побил жену, хотя та божилась и клялась детьми, что ни при чем. Из запоя вышел через неделю, неожиданно и даже резко. Сходил в баню, парился всю ночь, потом спал до вечера и больше в этом году к бутылке не притрагивался. Новую собаку заводить не стал — боялся, если повторится подобное, запоем не ограничится. Знал наверняка: кого-нибудь пристрелит. Тюрьмы Петро не боялся. Боялся, пристрелит не того, кого надо, не разобравшись. Потом, когда отпустило, стал

¹ Двуствольное пуле-дробовое ружье ИЖ-56 «Белочка» Ижевского механического завода. Выпускалось с 1956 г. до середины 60-х годов прошлого века.

понемногу выпивать, но не взахлеб, а исключительно по душевному желанию. Жена Варя такие желания чуяла задолго и, как могла, предотвращала. В целом жизнь получалась малопьющая. По русской мере, конечно.

Рябой, в отличие от своего спутника, был убежденным холостяком. С женой Петро Варей он был связан дальним родством, и родство это было у него единственным. Родители умерли еще молодыми. Отца заразили в районной больнице, когда он единственный раз в жизни обратился к врачам. Поехал лечить зубы, а вернулся с неизлечимым гепатитом. Через него заразилась и мать. Когда выяснилось, в чем дело, было уже поздно. Рябой был тогда еще не рябым, а подростком по имени Проша. Братьев и сестер у него не было. Варя помогала вместо старшей сестры, как-то выдюжили. Петро ездил потом в ту больницу, искал зубоправа. Но к тому моменту докторша из больницы уже уволилась, главврач сменился, спрашивать было не с кого. И ведь надо же — проклята та лечебница была, что ли, но вернулся оттуда Прохор тоже с «подарочком» — ветряной оспой, ветрянкой, проще говоря. От нее и оспинки на лице остались, оттуда и кличка привязалась. С тех пор Рябой никаким докторам не верил, считал за врагов и, может, от того и не болел вовсю. Не болел, но здоровье на других не тратил, на баб тем более. Смотрел, как в деревне мужиков хомутиали да ездили, — так не хотел. Для хозяйства баба нужна, понятное дело, но пока сам управлялся. Может, оттого никогда не выходил из равновесия и дружелюбия к соседям не терял.

Перехватив ведро с тестом другой рукой, Рябой собрался спросить, далеко ли еще. Хотя и сам еще мальчишкой на ту старую ферму бегал, но для облегчения ноши другого, как спросить, не оставалось. Прохор протерпел еще метров двести.

— Петро, долго еще топать? Замотался нести, тютя!

Петро даже не обернулся — поднял руку с растопыренными пальцами. Что это означало — пять минут, пять часов или пять километров — было непонятно. Прохор решил про себя, что, если через пять минут они не придут на место, он потребует привала. Но требовать ничего не пришлось — через несколько шагов Петро остановился сам.

— Так, Рябой. Ща курнем и начнем поднимать нашего русака. Он, подлец, в затишье лежит, за фермой где-нибудь, мордой к ветру. Так что ты возьмешь правее по склону, против ветра будешь заходить. Малик² увидишь, не смотри, все равно запутает, просто окружай со своей стороны. Поднимешь на меня, я его и достану. Постиг?

— Ну а чё. Понятно, тютя. Только ведро тут оставлю?

— Не, Рябой. — Петро достал «Приму». — Заяц далеко увести может. Потом ищи твое ведро. Так что с собой тащи.

² Заячий след (охотн.). При ветре заяц ложится обязательно где-нибудь в затишье, мордой к ветру (ветер, дующий по шерсти, не так холдит зверька). Поскольку же заяц лежит мордой к ветру, подходить к нему следует сзади, против ветра, чтобы зверек не заметил охотника.

Прохор, не скрывая удовольствия, втянул сизый дымок. Небо незаметно посветлело и стало как раз такого же цвета — сизым. Петро зачем-то снял крышку, потопал пальцем по тесту и неопределенно крякнул. Нужно было понимать, что претензий к тесту нет. Первая сигаретка самая короткая, скоро мужики втоптали окурки в примерзшую землю, Петро снял с плеча легендарную «Белочку», Прохор зацепил ведро и пошел по верху балки в указанную сторону. И ведь прав оказался Петро: не успела показаться заброшенная ферма, как шагах в ста от Прохора что-то в траве шурхнуло, и помчался вперед крупный — не обманули те мужики — заяц размером с лисицу, не меньше. Матерый русак, русачище! Прохор хотел крикнуть, да в горле что-то запершило. Размахивая ведром, как огромным кадилом, он бросился за зайцем, и тут же громыхнул выстрел. Прохор остановился, чтоб не попасть ненароком под огонь, и тут же ухнуло снова. Русак прыгнул в сторону и почесал в высокую траву за логом. Когда снизу балки показался Петро, на ходу перезаряжая ружье, Прохор окончательно понял, что заяц ушел. Ушел, так и не перейдя в следующее положенное ему агрегатное состояние — пельмени. Петро не стал ничего говорить, развел руками и достал «Приму». Прохор тоже не стал ничего говорить — как следует раскрутив ведро с тестом, отчего стал похож на олимпийского метателя молота, забросил его далеко в заиндеевшую траву.

— Ты чего, Рябой?

Прохор молча повернулся и пошел крупным шагом обратно в село. Петро курил и вслед не смотрел. Рябой потом не заворачивал в сторону Петровой хаты больше недели. А когда все-таки зашел по соседскому делу, то первое, что бросилось в глаза, — небольшая крепкая скамейка, срубленная из дубового комля. Прохор сбросил рукавицей тонкий снег, присел, осмотрелся и улыбнулся во все рябое лицо:

— Другое дело... тютя!

Валерий МИХАЙЛОВ

И ПЕСНЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Стихи

* * *

Мы на камне взошли,
На песке, на крови...
Зацепились...
Песни в звёзды ушли,
А мольбам небеса приоткрылись.
Эти степи нагие окрест,
Лепо или нелепо,
Как судьбы опрокинутый крест,
Смотрят в небо.
Полынок одинокий дрожит...
Ни дорог и ни люда...
Воздух светом навеки прошит
И туда, и оттуда.

* * *

Всё только начинается...
Плыёт по небу солнышко,
Листок летит, качается —
Прозрачной молви пёрышко.
Две бабочки сиреневых,
Две стрекозы малиновых
По-над землёй слетаются
И снова разлетаются
В объятьях крепдешиновых.
На воздухе колышемом —
Напевом еле слышимым
Их крылышек касание,
Шуршанье, трепетание...

А солнышко осеннее —
Как в золоте весеннее,
И неба бесконечнее
Летучее мгновение.
Листок летит, качается,
На ветерке колышется —
И песня не кончается,
А видится и слышится.

ЗОЛОТАЯ ДРЕМОТА

Худой, как совесть, ветхий неводишко
Закидывал я в море-окиян,
И, на удачу не надеясь слишком,
Сидел себе, от брызг солёных пьян.
Дышала даль отверженной свободой,
Катилось солнце на лихой волне,
И золотою мыслил я дремотой,
И ничего не нужно было мне.
Сквозь ячей сновали рыбы стаи,
И тайною плескала глубина,
И рыбка выплывала золотая,
И что-то говорила мне она.
Как блики в синем воздухе живые,
Ко мне летели, будто бы свои,
Слова её округло-золотые,
И были они только о любви.

* * *

Сиротским случайным быльём
Твой холмик порос молчаливый,
Сгорающим живьём
На пекле неторопливом.
Тебе расцветал клеверок,
Поникли седые головки.
Шиповника стебелёк
Как жест изогнулся неловкий.
Вот рыжий бежит муравей...
Зачем он всегда озабочен?..
Что может быть смерти длинней!
Что может быть жизни короче!

И сизая в дым стрекоза
К кресту прилепилась нечаянно,
Бессмысленно пяля глаза
На самую горькую тайну.

ГОЛОС

Тёплой свечкою в белом тумане
Голос девичий песню поёт,
И по речке в предутренней рани
Словно чистый кораблик плывёт.
Что за песня? Напева и слова
В белом омуте не разгадать,
Только кажется: сердце готово
Всю-то жизнь этой песне внимать.
Мир туманом затянут, как рана,
Тёплой млечною тишию дыша...
Как из белого сна, из тумана
Выплывает навстречу душа...

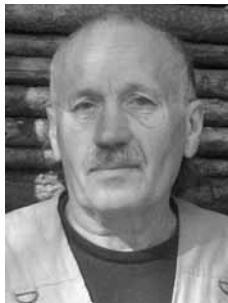
* * *

Дорога уходит в забытое поле,
Где рожь под луной серебром колосится,
И в отсвете этом разлито такое,
Как будто б ничто никогда не случится.
Не здесь ли допрежь, до сознанья, до жизни,
Ты брёл босиком, чуя свежие росы,
И смертной тоскою болел по отчизне,
Сминая травы неприметные слёзы...
Уплыли в моря тихоструйные реки,
Ведь велено водам по миру скитаться,
Но с чем ты, казалось, расстался навеки,
С тем больше тебе никогда не расстаться.
Дорога уходит не в поле, а в небо...
Пусть поле себе на земле остаётся...
И эхо несётся над волнами хлеба:
— Душа не прервётся! Душа не прервётся!

ПАСЛЁН

Арбузы, полосатые как тигры,
Дышали алым сахаром внутри,

Рассыпчатым, как солнечные искры,
Как сгусток пламенеющей зари.
А в дынях жил медовый зной бархана,
Раскосым золотом горел в веках,
Что вывел суры сладкие Корана
На их шершавых, как песок, боках.
И виноград как радостные слёзы,
Где в глубине зеленоватых вод,
Сквозь времени мерцающие грозы
Биясь, сердечко-косточка плывёт.
Мы улади растительной все — дети,
И радуги, и неги — испокон...
Но первой моей ягодой на свете
Был незаметный, словно жизнь, паслён.
По-за картошкой в нашем огороде,
На самых на задворках, где сарай,
Сам по себе он рос, как тень в природе,
И угощал как будто невзначай.
И гроздочек чёрно-лиловых сладость,
Чуть кисловатых, пряных, как трава,
Такую близкую дарила радость,
Что до сих пор понятна мне едва.

Анатолий АГАРКОВ

В ПОИСКАХ ПРОСТЫХ ИСТИН

Природа не терпит вакуума — уходят силы, приходит мудрость. Силою можно построить дом, защитить его. А мудростью? Мудростью надо делиться.

В основе моей повести жизнь, посвященная поиску истин, их осмыслинию и оценке. И эта тема превращает подшивку писем в духовное наследие прямому потомку.

Кому предназначена эта книга, посвященная сыну?

Успешным людям, твердо стоящим на ногах и знающим, для чего они там стоят, эта повесть будет неинтересна. Разочарованным, смятенным, ищущим себя и истину, есть смысл в ней заглянуть. Скорее всего, чтение будет нелегким. Любителям разжеванного чтива повесть рекомендуется отложить до той поры, когда возникнет неодолимое желание покопаться в себе и найти ответы на вопросы: кто я? какой? для чего живу? Тогда, возможно, и этот труд будет кстати. Хотя самому автору по пути самопознания уйти удалось недалеко — ибо путь этот в бесконечность.

От автора

БОЖЕСТВО ОТ ВДОХНОВЕНИЯ (ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ)

*Реальность — это то, во что ты веришь.
Бернар Вербер*

Знаешь что, давай и мы расслабимся немного — дадим волю фантазии и выпьем легкого вина из амфоры со дна Понта Эвксинского. Пить будем по-эллински — несколько капель на бокал воды. И для полноты антуража — палиатив здесь не годится — опять перенесемся на берег Подборного.

Бывал здесь много раз и никак не могу привыкнуть — всегда нахожу что-нибудь новое, удивительное для себя: прям до холода под ложечкой, до пересечения дыхания с сердцебиением. Так заводит — просто жуть с ружьем!

Ты посмотри, красотища какая! Ветра нет, а волны не спеша моют пену на песчаный брег. Возьми в ладонь — видишь: она белая как снег и мылкая на ощупь. Это свойство щелочной воды, которая как зеркало в волновом обрамлении: скроишь своему отражению рожицу, а оно в долгую остается.

В дымке испарений чуть колышется сказочная перспектива берегов лесных. И удивительный покой. А как легко дышится! И настроение — абсолютного довольства жизнью. Верно? Такое здесь случается трижды раз на дюжину.

Или скажешь: немотивированные эмоции? Ну да, все познается в сравнении. Может, ты без ума от «пейзажей» мегаполиса — от них заражаешься энергией, более похожей на суету. Кажется, именно это явление Фрейд называл сублимацией. А по мне так: растворилась она в воздухе, сила нечистая! Ибо кто жизнь познал, не будет торопиться.

Ты прислушайся: кукушка ворожит — ну, совершеннейшая парвеню!

Кукушка-кукушечка, сколько лет мне осталось жить? Один, два, три, четыре... не переставай, пожалуйста... восемнадцать, девятнадцать, двадцать... ой, не переставай, щедрая ты моя!.. Жажда бессмертия рванула по экспоненте.

И, сколько бы ни осталось мало, хочется прожить их здесь, в общении с природой, у которой есть такой мудрый закон: все когда-нибудь кончается. Начинается, продолжается и заканчивается. Все проходит: и печаль, и радость — ничто не вечно в этом мире. Как все гениальное просто. Но далеко не все простое — гениально. И нет ничего тайного, что не стало бы явным. Например, срок жизни. Как говорится, не рассчитывай на многое — не будешь разочарован.

Мысль материальна. Кто сказал? Ну, точно не дурак: знал, что говорит, — чувствуешь вкус напитка тех времен, когда почитали естество, а духовность не считали верой в Бога? Так давай выпьем за ту эпоху, когда душа и тело были двуедины, а не двулики, как теперь. К месту сказать, моя личная народная примета: если начать беседу с глотка доброго вина, то разговор не будет зрящим.

Это, скажем так, концептуальное начало.

О чём поговорим? Давай, если не против, «за духовность».

Отец мой, коммунист, не разрешил меня крестить. Но время шло, и подошло — задуматься: а дальше что? куда с нажитым? Ведь в саване карманов нет, а жизнь так устроена — мы друг у друга учимся: один дом построил, другому хочется; один машину купил.... В результате вырастаем, какие есть — как близнецы похожие и с одинаковым набором ценностей: дом, машина, жена, скотина....

В то время как в каждом из нас достаточно таланта, чтобы стать лучшим в чем-то и непохожим на других. Проблема лишь в том, как его в себе ссыкать. Тот, кто не понимает как, годами мечтается туда-сюда и лишь закапывает

себя еще глубже в рутину бытия. Поэтому лучшими и непохожими на других становятся не все — очень многие просто хоронят себя при жизни и остаются ни с чем. Все получается лишь у тех, кто верит в свои способности с самого начала. Из тех же, кто не верит в себя и свои возможности, ничего путного не получается.

Но веры одной — жизнь доказывает — увы, не хватает.

При всей широте талантов наших кто-то рождается, чтобы музыку сочинять, кто-то — прохожих грабить, кто-то — дома строить и в футбол играть, кто-то — в магазине рыбой торговать или ракеты в космос отправлять. При правильном выборе жизненного пути, когда вроде все должно получаться здорово, чаще всего встречаются на жизненном пути непредвиденные обстоятельства, и все загаданное — к чертам собачьим...

...Вот нынче модным стало в церковь ходить. Так, может, и мы с тобой?

Думаешь, вдруг мысли о Боге взяли и пришли? Нет, дорогой! Я уже всю голову нас kvозь продумал. С одной стороны, Его как бы нет; а с другой — люди то, что, дураки все? Иль считаешь, что в церковь хитрецы одни ходят — хотят как-то Боженьку облапошить: мол, я поклоны Тебе, а Ты мне за это пошли здоровья, денег и удачу. Получается не вера, а торговля. Вот когда действительно возникнет душевная потребность, то...

Впрочем, и те, которые искренне думают, что их кто-то спасет, потом разочаровываются. А ведь способности человека переносить трудности безграничны. Главное — надеяться и верить в себя и уметь применять их, эти способности....

Но давай по порядку.

Любопытство Пандоры наслало на человечество страшные болезни, несчастья и зло. Ей удалось захлопнуть крышку, прежде чем улетела надежда. И это единственное, что у нас осталось от дара Богов, — так гласит мифология.

И мой жизненный опыт подтверждает: надежда есть у всех, всегда, во всем. Даже когда уж совсем ничего не остается — как говорят, ни единого шанса, будет она — очень верная штука. Надежда человека крепче всего в жизни держит и вытащит из любой напасти — болезни, беды, отчаяния. Только надо ее как следует потренировать и подпитать — как, например, ослабленные мышцы. И тогда, окрепнув, она превратится в веру — в хорошее, в себя... или в добрую и всемогущую силу. Назовем ее Богом...

Вот бы развеселились мои коллеги по Увельскому райкому партии, представив, что когда-нибудь я озабочусь мыслью: а есть ли Бог? Наверное, не поверили бы — ведь слыл среди них жестким прагматиком. Да и сам не поверил бы, заикнувшись кто тогда.

Вот какая от Бога польза? В рай к нему, как в кремлевский санаторий, то ли попадешь, то ли нет, но в церковь ходи, свечи ставь, поклоны бей — сплошной расход времени и средств. А ведь не дурак сказал: «Не мечтайте о несбыточном — вдруг ваша мечта исполнится». Попадешь в рай — и что там?

Нет, я не нытик и не мизантроп — просто хочу разобраться, что к чему, что людей заводит из поколения в поколение. Пусть кому-то изыски мои пустыми покажутся, доброго слова не стоящими, но, когда знаешь, что делаешь и для чего, как-то спокойнее на душе. И потом, со школьной скамьи, когда ударником был, в голову вбил: нет пределов разуму человеческому — до всего можно докопаться, если взяться. Стало быть, и этот знак вопроса есть шанс разогнать в восхищательный.

И не надо думать, что характером склонный — мол, все верят, а я единственный сомневаюсь и ищу возможность заявить об этом. А кто подумает — чихать на того хотел. И кто боится Божьей кары, пусть продолжает. Тут ведь как: поверишь — сбудется. Да и как может склонником стать бывший отличник боевой и политической подготовки морчастей пограничных войск?

Пусть неважно я подкован в вопросах теологии — не удосужился, каюсь, — но собственное представление о мироздании таки имею.

Начнем с того, что теология — тоже наука и, как наука, имеет свои законы, главный из которых — утешать страждущих. А нестраждущий к Богу не сунется — незачем, раз все уж есть и ничего за это не будет. Гром грянет — вот тогда мужик и крестится. Но не это интересно. Душу греет эволюция религии — как она туполобо, до смертной казни инакомыслящих, отстаивала постулаты о плоскости Земли, о ее центральной роли во Вселенной и тому подобной, ныне признаваемой ереси.

Еще занимательнее ее история. Сначала были государства-города и у каждого свой бог-покровитель: в Афинах — Паллада, Аполлон в Трое, ну и так далее тому подобное. Объединились крепости в большие царства — появился единый бог-утешитель. С возникновением буржуев, умеющих считать и зарабатывать, религия стала покладистой — в Лету канули церковная десятина и индульгенции: пошел Боженька на службу к деньгам имущим. Где и состоит ныне на взаимовыгодной основе.

При таких взглядах на религию подозреваю обоснованный вопрос: мол, какого лешего зову тебя креститься? Да лишь по той простой причине, что символом мужества в твоей душе не Рэмбо Джон, надеюсь, а Коловрат Евпатий. Православие — вот что сохранило для нас духовное наследие наших предков.

Религия, сын мой, — это культура, а не массовый психоз. И Православие — самобытность славянская. Наши попы спасли ее, не пойдя по пути католических падре с их целибатом. Наши всегда любили женщин, и, если это взаимно, почему нет? Это своеобразное проявление жизнелюбия во всех его смыслах.

Ты любишь жизнь? Так почему ж не хочешь стать одной веры с дедом Егором, в Петровской звоннице крещенным в 1918 году? Или с прадедом Кузьмой Васильевичем, в том же году, но месяцами раньше погившим недобровольцем в колчаковском ополчении? Или с крепостным пррапрапром, выигранным в карты питерским кутилой графом Мордвиновым и пригнанным новоселом на Южный Урал из деревеньки курской в эпоху царствования блестательной Екатерины?

Что потомкам своим будешь рассказывать — какого рода-племени они? Иль, думаешь, нам погордиться нечем? Скажу надменно: ты не прав, и приведу пример. Дом, который построил руками своими Федор Кузьмич, старший брат твоего деда, с тридцатых годов до перестройки был украшением центральной улицы села Петровка. Бог даст — век простоят. Как строитель, зацени — ведь рублен из сосны...

А не знаешь, что говорить, не говори ничего — не дурак сказал. Пусть это не сильно педагогично, но я уверен, кровь славянская и гены предков... Словом, закон природы — судьба и на печи найдет. Со временем все само к ним придет, к дочкам твоим, внучкам моим, — и понимание, и желание понять, кто мы, откуда и для чего на этой Земле. Поймут и умножат дела добрые доброго рода. Не дурак сказал: человек жив, покуда о нем помнят.

И это правильно. Дом Федора Кузьмича Агаркова снесут, а о нем самом, его красавице жене полячке Марте (в обиходе Матрена) и других «курякАх» и казаках из рода Богатыревых будут читать многие, очень многие — тысяч сто, наверное, человек или двести — и рассказывать своим детям и внукам. Хорошо будут думать о героях моего романа «Самои» — с удовольствием и благодарно, потому что знали наши предки, как быть счастливыми. Не всем удалось, правда, но это уже «происки» обстоятельств...

Впрочем, стоп. Мы, кажется, о духовности затеяли, а не о родственниках — о них-то могу сколь угодно. На эту тему никакой силы воли нет: готов без конца рассказывать об истории своего рода, сияя «как лужа под солнцем» — заявили мне такое однажды. Но не смутили: ведь брехать не пахать — в смысле, языком, а не насчет правды.

Для настроя на тему сделаю то, что лучше всего у меня получается — маленько лирическое отступление.

Есть ли в природе запах чудеснее аромата свежескошенной травы? Дивно пахнет жарким летом и осенней свежестью, клубникой, арбузом... и счастьем! Настоящее наслаждение для носа! Так пахнет дождливое воскресенье, когда не хочется (да особо-то не нужно!) вылезать из-под одеяла и куда-то топать. Так пахнет белье с мороза. Так...

Упадешь в ряд, литовкой подбитый, закроешь глаза, вдохнешь полной грудью — Господи, верую!

Из множества звуков летнего леса: шелеста листвы, стрекота сорок иль перестука дятлов — самый лиричный — утренняя песня соловья. Едва солнечные лучи позолотят верхушки деревьев, невидимый в густой зелени певец начинает свои серенады, удивительно красивые и волнующие — настоящее наслаждение для слуха! На радостное сердцебиение пробуждающегося леса похожа эта замечательная песня.

Полон жизни заповедный Хомутининский бор: выводят трели дрозды, пересвистываются рябчики, красочные малиновки насмехаются над невзрачными воробьями, стратегическим бомбардировщиком натужно гудит шмель,

пролетая над ухом. Но когда запоет соловей, смолкают все, и хочется воскликнуть: Господи, верую!

Каждый год в конце августа и сентябре Земля пересекает хвост кометы, и случается метеоритный дождь, похожий на фантастический фейерверк — быстрые стежки на полотне ночного неба. Завораживающее зрелище: ежеминутно вспыхивает серебряный штрих — скобка, восклицательный знак, запятая; знаки препинания, написанные светом для слов, которые так трудно произнести. Над Подборным это зрелище сродни неземному — там небосклон ярче и ближе, утверждают очевидцы, и я с ними согласен. Звездопад — настояще наслаждение для глаз! Хотя на самом деле не звезды падают, а космические камни, которые влетают в атмосферу и загораются от трения.

То, что мы видим, загадывая желание, просто след в атмосфере от осколка, но так и хочется воскликнуть: Господи, верую!

Допустим? Или урбанизированным такие эмоции не по силам?

Слушай дальше.

Приснилось мне, будто каким-то блатом попал в Чистилище. Сам-то живой еще — мне на землю грешную можно вернуться, а вот душу решил пристроить.

— Не примете, — спрашиваю смотрящего, — душу безгрешную в кущи райские до срока? Обязуюсь ничем ее не подвести за остатние дни свои.

Тот долго не артачился.

— Стой смирино! — велит.

Чик! — и вынул из меня душу.

Та немножко подергалась, посопротивлялась — потеряв тело, выглядела жалкой. Села на скамеечку у входа и пригорюнилась.

— Отдохнешь в раю, — смотрящий ее утешает, — подлечишься, и мы тебе новое тело подыщем. А от этого, — строго так зыркнул на меня, — никакой пользы Господу: одна обуза.

«Обуза для Бога» подошла к душе осиротевшей.

— Прости, — говорю. — Он прав — здесь тебе лучше будет, чем со мной.

— А как же ты?

— Пока не знаю.

— Не боишся пожалеть потом? Я плохо понимаю, что ты задумал, но считаю: поступаешь неразумно. Тебе не жалко, что меня отдадут другому?

— Не раньше, чем я избавлю этот свет от себя любимого — а потом уж все равно. Зато ты отдохнешь в козырном месте — в люксе, может быть, или первом классе. Для тебя ж стараюсь, дурочка! А то попадет шлея под хвост иль бес в ребро — такое гульбище учиню на старости лет, что полетишь ты кувырком в тартарары на кипящую маргарином сковородку.

Душа покачала головой:

— И все-таки ты совершил ошибку. Разве мы плохо жили с тобой?

— Не увлажняй пространство, и так сырьо.

Тут смотрящий за Чистилищем мне жестом: прочь, мол, пошел.
Не обращая на него внимания, шепнул душе:
— Плохо будет, беги отсюда иль знать дай — я за тобой вернусь.
Душа еле слышно вздохнула и украдкою слезу смахнула.
— Отсюда, надо думать, не сбежишь. Приходи, если сможешь, на свиданку
— хоть иногда будем общаться.

Я кивнул и потрепал бедолагу по плечу, потом повернулся к смотрящему:
— Могу навещать ее?

— Здесь хороший уход: трехразовое питание, каждый день прогулки на
свежем воздухе — тебе не о чём беспокоиться.

Беспокойство за сердце тут же схватило:

— Э, ты чего говоришь? Здесь же рай, а не тюрьма!

Но слов моих никто не слышал — ибо проснулся я. Как водится, в поту хо-
лодном.

Что к чему?

Нет, ну а правда — как там, за Вратами, все организовано?

И существует ли вообще душа человеческая? И если да, то конечно она или
бесконечна? Исчезает она с нашей смертью или таки переживает плоть и как-
то существует дальше? Может, в другой оболочке?

Ответов на эти вопросы у меня нет. Я лишь знаю наверняка, что у меня
есть сознание и подсознание — как два полушария мозга. Сознание оцени-
вает внешний мир, мои возможности и принимает решение по обстоятельст-
вам. Подсознание оценивает деятельность его и критикует (чаще всего). Вот
так и живу в постоянной зависимости от согласия или вражды двух этих начал
самого себя. И замечаю: двойная зависимость не только причина психическо-
го дискомфорта, но и физических хворей, в совокупности разрушающих мое
драгоценное здоровье. А примирить их волей настолько же пустое занятие, как,
допустим, мелочь на ощупь пересчитать в обоих карманах сразу.

Если и у всех такое, то не эти ль два начала породили и питают веру в Доб-
ро и Зло, Бога и Дьявола?

Кто я? Где я? И зачем? Отними у человека возможность отвечать на эти воп-
росы, и в нем ничего не останется, кроме страха и веры в потустороннюю силу.

Но давай разложим все по полочкам.

Тело у нас от обезьяны — тут с Дарвином не поспоришь. Ум — тоже про-
дукт эволюции. Но бытует мнение: если даже достаточно мозгов, то без души
интеллект субъекта на уровне дрозофилы.

Ты когда-нибудь представлял себя животным? Я, к примеру, слишком люб-
лю одиночество, чтобы рыскать в стае волчьей. Хотел бы стать водоплавающим
лебедем и поселиться на озере Подборном. И это не из «Гадкого утенка» Андер-
сена, а из Знака Земли о выходе Животворящих Сил — из символа Пятизерья.
Я чувствую, здесь мое место — во всем целом мире одно-разъединственное.

Красиво? А ты как хотел!

Итак, тело лебедя, душа от Бога... Разум? А на черта он мне? Не зря в старину говорили: «Если хочешь увидеть, как Создатель смеется, запланируй что-нибудь». В современной «интерпретации» — стоит только... «просвистеть». Так что не нужны мозги — живем не планово, а как придется: инстинктами, птичьими законами, велением Божиим, то бишь обстоятельствами.

В общем, все здорово — вода, солнце, сам весь в перьях. Одно лишь плохо — не почувствуешь греховность свою. А ведь без этого не будет и полноты ощущения в себе праведника. Жизнь наша так устроена, на контрастах: вкус еды познается после голода, любовь — после разлуки, счастье — вслед за бедой...

Стоп-стоп-стоп, не здесь ли собака-то покопалась?

Тебе известно, что у подлости особый вкус? Приторный, горький и всегда разочаровывающий — ну, будто редька в шоколаде. Только не уму это определить. Они ведь как устроены, наши мозги: что в рот пролезло, то и полезно. И на мир смотрят с точки зрения простого удобства.

Совесть — есть такая нравственная категория — сортирует наши поступки на порядочные и не очень. Она и судья наш, и палач; она дает возможность посмеяться над собой — ведь так? Она решает, какое качество жизни кому приличествует, по принципу: не тот дурак, кто дурак, а тот дурак, кто не дурак, да дурак!

Не понятно? Да и мне тоже.

Чье дитя совесть наша — ума или души?

Возможно, это вопрос теологический, ибо тут сталкиваемся с проблемой детерминизма — определяется ли наше поведение свыше или каждый свой шаг мы делаем самостоятельно? По-другому — своим ли разумом организуем жизнь или волею обстоятельств? Кто автор этих обстоятельств — Высшая Сила или броунское движение нас самих в земном пространстве? Откуда берутся веющие сны? Кто придумал интуицию? И почему я — это я, а не Петров-Сидоров-Иванов? Может, душа, дарованная Свыше, и делает меня разъединственным в огромном мире и чем-то отличает от других?

По складу характера я собственник-реалист: мне не надо чужого — то есть к черту проблемы все мировые, но я обязательно должен знать, что там внутри меня, откуда и для чего? И что от себя самого следует ожидать? Прежде чем лишить реальности непонятное, стоит еще и еще раз напрячь мозги. Мне кажется достойной в жизни цель — выстроить порядок из хаоса внутри себя.

Поиск правды приводит к оправданной лжи.

Беспорядок мудрей иногда, чем порядок.

Смерть — единственный способ обжаловать жизнь.

Счастье — приторно. Трезвый покой — в меру сладок.

Бескорыстия нет — в каждом скрыт эгоист.

Отвращение к истине — выродка признак.

Люди — кисти, мир — краски, душа — чистый лист.

Отрицание смысла — венец атеизма.

Одиночество — плод размышлений шальных.
Человек не животное. Нет! Паразит...
Лишь больной может видеть повсюду больных.
Цель конечная — смерть. Жизнь — всего лишь транзит.
Беспричинная грусть — эхо небытия.
Бог крадет наши мысли в ночи — словно тать...
Ненормальный кричит: «Все, что есть, — это я!»
Став Собой, Человек научился страдать...
Умный ищет ответы, а мудрый — покой.
В глубине наших душ — бессознательный страх.
Небо дышит избитой смертельной тоской.
Наша вера сгорела в церковных кострах...
Ни намека на связь нету в этих словах...
Даже чистое золото тонет в грязи.
Люди в грезах своих — ходят на головах.
То, что издали видно, не видно вблизи.
В паутине познанья сомненье — паук.
Все закончится благополучно...
Не у каждого — свой мир внутри и вокруг.
Беспорядок не может быть скучным!!!

(М. Картышов)

Вот уж где голову легко сломать — нагорожено! Но стоит подумать.

Тургенев бы это назвал глубоким разочарованием души, Достоевский — бредом сумасшедшего, а сам автор — «Система хаоса».

Для человеческой мысли нет преград во Времени или Пространстве. Мысль может в один миг охватить все на свете — даже пережить Вечность. Однако, выбрав неверный путь, она попадает в Бесконечность, не имеющую результата. Тоже, наверное, игра обстоятельств?

Как тебе такая версия?

Окружающий мир — абсолютно реален, но душа, данная Высшей Силой, рисует из него фантастические картины субъективного восприятия. И потому одним он кажется прекрасным, другим убогим, третьим безжалостно-жестоким... Ну, и так далее. Тут все дело в личном восприятии. Отсюда и реакция на обстоятельства, и мерило нравственности поступков (в обиходе — совесть).

Как понять характер человеческой мысли? Что его определяет?

Я ведь запросто мог родиться в каком-нибудь городке пыльного Техаса — корячиться день-деньской на какой-нибудь автомойке и вечерами пропивать заработанное в прокуренном салуне. И хоть в карманах, как в башке, сплошь прорехи, а предел мечтаний кредитная карточка, надувался б гордостью, что я американец, то есть исключительный парень — куда до меня остальному миру?

Будь сценаристом, сочинил бы для своей версии «америкэн боя» замечательный сериал с рабочим названием «Приключения янки в поисках души».

Смысл идеи: когда находишь ее (душу то есть), теряешь покой; когда распро-стишься с ней — спокойно живешь, попивая текилу.

Представь, сон про душу имел продолжение.

Явилась как-то ночной порой, села у кровати и вопрошаet:

— Ну, как ты тут жил без меня?

Моя радостная улыбка должна была засвидетельствовать: ничто не может стереть страниц, написанных вместе, несказанно рад, мол, встрече с тобой! Только в словах не хватило мажора.

— Так себе: ни зла, ни добра много не сделал. Ты вернулась, сбежав?

— Понял, наконец, от чего отказался? От сути своей. Человек, который не знает, кто он, — не человек, а ходячий мираж. И ради чего жить такому?

— Для тебя ж старался!

— Сделал доброе дело! — усмехнулась душа. — Тоже мне, страховой агент Деточкин.

— А ты поняла там, рядом с Богом, кто из нас курица, а кто яйцо, — ты меня сделала мною или я тебя вот такой?

— Ты о чем сейчас, в свой последний час?

— Хорошая тема! — я изумился. — Ты пришла напугать?

— Пришла сказать, что другому теперь меня отдают, а твой жизненный срок, увы, истек.

— Потрясающе!

Удивительное спокойствие от наступающего собственного конца света ов-ладело сознанием. Настал, стало быть, мой черед. Бессмертие, конечно же, подозревалось, но всерьез не ожидалось — сказка про волшебника Изумруд-ного города и та правдоподобнее.

Я потер лоб и задумался. Состоялась ли жизнь моя? Если засесть за мемуары, на добрый десяток романов событий, пожалуй, хватит. Но все ли я понял, над чем ломал голову? Ответил ли на главный вопрос — тварь я дрожащая или право имею?

В молодости думал, что обязательно стану знаменитым — в политике, в бизнесе, в ратных делах.... Да мало ли где, но обязательно лучшим из всех. И женщины все в мечтах эротических — наипервейшие раскрасавицы. Зло наказывал, защищая Трою от свирепых данайцев, изгоняя бледнолицых, ал-чущих золота в Новом Свете, — не было пределов фантазиям. И везде и во всем у меня абгемахт, ибо знал ошибки предшественников, у которых не получилось.

Свою жизнь писал с чистого листа и в результате имею не то, что хотелось.

Но себя ли винить? Завиню обстоятельства. А они от кого? Так и не понял, стало быть... Как говорят в интервью западным СМИ наши сбитые летчики, попавшие в плен, «учите, братцы, матчать — ох и бывают больно!». Нелепость, до-стигшая совершенства, — не засесть ли за Библию? Только поздно теперь...

— Ну, ладно, пора, — говорит мне душа. — Не могу представить, что мы больше уже не увидимся. Даже не знаю, что сказать напоследок — ничего подходящего в голову не приходит. Ты мне, признаться, нравился, хоть и мнил о себе несусветно. Прощай...

Чернота ночи проглотила ее, как крокодил зазевавшуюся лысуху.

Мой сон плавно перешел в явь. Проснулся с мыслью, что еще не готов покинуть мир этот — не чувствую усталости сознания, каких-то неизлечимых болезней в теле. Мне не за что ненавидеть жизнь. Поезд, под который захочется броситься, еще не набрал оборотов. А если появится вдруг и сейчас, я просто на него сяду и поеду жить дальше. Ведь, кажется, только-только нашел свою точку равновесия.

Но, Боже, как прекрасна жизнь, когда она уходит!

Даже такая. Было все у меня — нищета и достаток. Находки и потери. И разочарования. И бесценные приобретения — в прямом и переносном смысле. Все было, кроме скучи. Совсем нескучной была моя жизнь. Считаю без пафоса: для счастья нужно совсем немного — оптимизм рассудка и чуток фантазии в голове.

Говорят, человеку удается либо первая половина жизни, либо вторая. А мне грех на что-то жаловаться — детство прошло замечательно, а юность романтично. И второй доволен вполне: хватает ума не упрекать судьбу.

Решить бы последнюю проблему — как же быть с верой?

Может, ты посоветуешь? Может, совок проклятый сидит во мне и душит надежды на встречу с Богом? Может, ментальность ущербная такая: присягнул одной вере, так на всю жизнь? Или этот вопрос из разряда умственных парадоксов и клинической дебильности — взялся вроде бы наставлять, а сам совета прошу? Любой конформизм удобен в отношениях отца и сына, пока он не доходит до абсурда, то есть до своей противоположности. Почти по Некрасову напрашивается твой ответ: «Тебя, слыши ты, клинит, а мне-то к чему?»

Но вернемся к простому мирскому.

Не случись перестройки и последующих событий, я, может быть, до сих пор с увлечением строил бы коммунизм и не заморачивался по поводу существования Отца Небесного. Прежние партайгеноссе теперь в КПРФ — не все, конечно, но есть. Обижаются: что же ты перекрасился? В уши дуют: мы-то еще о-го-го! Мы всколыхнем народ!

Да где там! Обратного хода жизнь не дает. Хотя печаль по советскому строю уютная и бесстressedовая: вся страна в затяжном прыжке в светлое будущее напивалась, блевала и чувствовала себя счастливой. О Боге тогда и не думалось, о верующих снисходительно: «чем бы дитя ни тешилось».

Потом КПСС объявили вне закона, и наступили жуткие времена в России. Все торговали: бабки с лотка, кооперативные ларьки на каждом углу; толпы бандитов, грабящих все, что движется; появились бомжи и нищие; все кидали всех — слово «порядочность» вызывало гомерический хохот. Гадко было смот-

реть на приватизацию — когда хитрованы растаскивали по карманам то, что строили миром.

От этого ехала крыша. Общественные отношения и сознание людей стремительно мутировали. И до меня наконец дошло: коммунизма не будет.

Верить кому? Верить во что?

Ясно было одно — дальше так продолжаться не может: нельзя ненавидеть все на свете, где-то надо искать отдушину. Однако жизнь наша так устроена: кто бы какими путями ни шел, каждый в конце получает свое — Бога, богатство, самого себя; кто-то в бомжи подался, кем-то кладбище омолодили.

Новая тенденция появилась в духовности — раньше в церковь шли, хоть и с оглядкой на общественное мнение, но с чистыми помыслами; теперь — по уши извалявшись в грязи, испробовав все страсти (сиречь грехи) смертные. Зачем? Неужто душу грешную пристроить надеются? Что-то не верится в раскаяние. Как от таких прихожан попы не изошли испариной? Наверное, желтый дьявол промокал им тонзуру. Впрочем, нецепляясь к слову, блеснув эрудицией: тонзуру православные попы, знаю, не имут.

Однако следует отдать им должное: падение КПСС не приветствовал колокольный звон — церковь оказалась выше мелкой радости над лютым поверженным врагом. И это было главным, что подвинуло меня к религии: благородство — высшее из качеств человечности. Чувствовал тогда: если б не был партийным, стал бы прихожанином, и не важно, что веры нет в Царя Небесного, вдруг бы себя убедил потом...

...Пусть будет Бог! Не на небеси рабовладельцем, не строгим судией, с икон взирающим. Пусть будет Он в душе — советчиком и совестью со всеми заповедями. И покреститься надо нам — пусть будет это антураж, дань моде, ну а по мне: дань памяти нашим предкам.

Поверь мне сейчас на слово, и у тебя впереди будет целая жизнь на осмысление: прав я сейчас или таки заблуждаюсь. Было бы обидно в складки савана заворачивать итоги мозгодробительных умозаключений. Мозгодробительных — в смысле, до головной боли.

Впрочем, не место о хворях здесь: здесь нет места хворям — ведь мы сейчас с тобой в краю Пятиозерья! Да за бокалом вина — твое здоровье!

Альдо ПАЛАЦЧЕСКИ

БИСТИНО И СИНЬОР МАРКИЗ

Рассказ

— Нунция... послушай-ка, Нунция... я тут, понимаешь, маркиза как-то... Ну, случайно... на короткой... хм!.. ноге, что ли... В общем, повстречал.

«Ага!» — буркнула Нунция, не оборачиваясь, прилипнув намертво к очагу, нанося самые распоследние штрихи в очередную вкуснятину, скажем, к обеду. А может, и к ужину. В общем, к тому чудному мгновению, когда столик любовно обнимает нежнейшая, белейшая — чистый снег, а не скатерть, а столик возле окна, такого миленького окошечка, а за ним — чудный крошечный садик, а за столиком на двоих душа поет...

Нунции обыкновенно всегда было глубоко наплевать на эти самые внезапные встречи. Иногда только, когда на нее находило благодущие, могла добавить к этому «ага!» что-то вроде: «Ну, и как он там вообще?» И то таким тоном, которым дают понять: мол, ты давай там пошустрее мямли, чего там и как: дел чертова прорва.

В этот раз Бистино, выдвинувшись чуть дальше положенного, — обыкновенно в кухню ему нос совать было воспрещено, — затоптался на пороге: духу войти целиком не хватало. И вместо того, чтобы произнести чего-нибудь подобающее мужику его габаритов, прошелестел:

— Ну вот, видишь ли, я его увидал, то есть повстречал, то есть я ему сказал кое-что.

Бистино даже некоторым образом светился, будто только что с ангелом поздоровался. Будто в целом мире до того он вообще никого никогда не встречал и словечком не перекинулся. Будто бы вообще жизнь только что началась, а до этого — так, мелкие частные обстоятельства.

— Очень приятно, — довольно сухо отозвалась Нунция, отчаянно подскакивая над очагом.

Бистино был не просто очень высок, это был верзила, страшилище ростом на вершок выше дверного косяка. Стоял он, пригнув-

шись, чтоб ненароком не снести косяк макушкой, и здорово смахивал на на-шкодившего детёныша циклопа. Глаз с Нунции, которая приплясывала перед очагом, едва доставая носом края плиты, Бистино не спускал. А Нунция изо всех сил тянулась на цыпочках, чтоб рассмотреть, как оно там булькает, как оно там шкворчит в глубокой сковороде.

Когда Бистино, бывало, приближался, самый кончик чепца Нунции доставал ему... ну, чуть выше пупка.

То была чета, слепленная из совершенно разных человеческих пород и, может быть, именно потому в высшей степени счастливая и милейшая.

— Он у тебя чего-нибудь спрашивал? — выдержав ледянную паузу, Нунция пришиплила муженька к полу, как закон преступника.

Бистино разинул было рот, чтоб соврать, но еще пуще оробел и выпалил:

— Я заплатил ему за кофе, ну, за чашечку, ну, и там за тарелку пасты.

— А он, видать, проголодался? А?

Сказав это «а?» известно как: будто иглой по стеклу, супруга завершила его долгим вздохом.

— Спаси нас, Боже, от подобных встреч! Будь уверен, тебе за это не воз-дастся.

Острый, тренированным нюхом Нунция точно знала, что муженек чего-то не договаривает. Наверняка дело было не в одной чашечке кофе и не в одной тарелке пасты.

Бистино вмиг сообразил, что колоться надо до конца, и сделался рохлей.

— Да ты понимаешь... вот какая штука... так уж вышло... — забормотал он, стараясь как-нибудь скрыть и даже извинить сердечный свой порыв, а вместе с ним найти извинения и синьору маркизу, который выпил и закусил за счет семейного бюджета. А еще и за монетку в одну лиру, что сунул ему в карман — таким образом, что это будто бы он дает ему в долг.

Справедливости ради скажем, что иной раз Нунция, которая души в своем Бистино все-таки не чаяла, давала ему понять: мол, Бог уж с тобой, давай, дубина, рассказывай про своего маркиза. И его, как воды вешние сквозь плотину, прорывало:

— Если б ты только видела... Если б ты только видела его...

Но опять же справедливости ради заметим: не тут-то было. Вместо того чтоб дать выговориться, Нунция без конца его прерывала, вставляя там и сям разные замечания.

— Что имеем, не храним, потерявши плачем! Ох-ох-ошеньки! Сам виноват, на себя и пеняй! — время от времени провозглашала она, сидя за столом, словно бы вынося высший приговор вообще всему, что касалось маркиза, а заодно притормаживая супруга, хотя сама же и подтолкнула его к словоизвержению. И тот, ну вылитый пацан, румяный и свеженький, несмотря на то что был 55 лет от роду, со светлыми глазами, которые лучились добротой и чистотой, замирал на полуслове с открытым ртом. Хоть Бистино в сто раз превосходил эту пигалицу физически, силой духа по сравнению с ней он был чисто птенчик.

Этой самой резкостью, которая обнаруживалась в единственном случае, а именно когда начиналась болтовня про синьора маркиза, Нунция ясно давала понять: у нее есть жизненные принципы, то есть она верит в силу добродетели, а с этим делом шутки плохи. Когда ненароком в разговоре высказывало имя маркиза, это означало не просто покушение, а именно злостное покушение на добродетель, и тут уж Нунция бросалась на Бистино как разъяренная кошка. А во всех других случаях не сыскать было жены более любящей и нежной, а самое главное, гордой в высшей степени тем, что есть у нее сокровище, личное, приватное: муженек 55 лет от роду, дубинушка стоеросовая, ладненький, свеженький, как налитой китайский огурец подобающего размера, в полном расцвете сил и мужской крепости.

...Бистино никак не мог взять в толк, как можно не испытывать ну совершенно никакого уважения и сострадания к столь значительной личности, по отношению к которой сам он питал эти, и не только эти, чувства сверх всякой меры. Это же, думал Бистино, та самая жалость, которую всякий добрый христианин обязан питьать ко всякой твари Божьей, причем без исключения. Но сам Бистино эту самую жалость питал исключительно к одной только овце стада Господня — к маркизу.

Дело в том, что из всех смыслов жизни, которых чертова куча, у него имелось всего только два. Жена да синьор маркиз, память о котором сидела в нем крепче, чем шило в заднице. На беду, жена у Бистино смотрела в корень, звезд с небес не хватала, с детства была ушлой и сметливой, так что враз оценила убытки от этого второго смысла, усугубленного состраданием. Его-то она, как ни билась, а никак не могла истребить в простой и круглой, ясной и безыскусной душе супруга.

А сострадание между тем росло день ото дня, как тесто в кастрюле.

Бочку мёда обыкновенно портит ложка дегтя. В благочестивой жизни этого семейства этой ложкой был синьор маркиз. Пятно на поверхности безмятежного и чистого семейного моря. И с каждым днем оно разрасталось прямо-таки с дьявольской силой.

А вот княгиня, упокой, Господи, ее душу на пажитях своих, наоборот, делалась с каждым днем белее белого снега. Непорочной. Даже непорочной дважды, можно сказать, ибо, будучи целых 86 лет сущим ангелом на земле, в раю пребывала она тому уж лет пять. И оставила по себе заранее райские кущи для преданной служанки Нунции, а именно вот этот хорошо прибранный и чистенький домик, пожизненный пенсион ровно в 10 лир в день и еще сотню разных приятных мелочей.

Понятно, с каким вкусом Нунция отводила душу, повествуя о добродетелях княгини, и сколько часов подряд это могло продолжаться. Бистино в таких случаях внимал, как малыши внимают волшебным сказкам, поскольку в глубине души сам он покойницу и в грош не ставил, хотя отслужил у нее целых 10 лет. Она его всегда раздражала, во-первых, из-за того, что он ее ревновал к жене, а во-вторых, и это главное, что эта старая сволочь низвергла в ничтожество, довела до ручки его маркиза. Для Бистино она оставалась каргой, сквалыгой, настоящей

грымзой, со всей ее, чтобы ей провалиться, добродетелью. Но надо было быть паниккой, покорно выслушивая панегирики в честь этой мегеры со стороны Нунции, и все для того, чтобы редко — очень редко! — в моменты наибольшего благорасположения она позволяла ему открыть рот насчет маркиза.

С другой стороны, Нунция никак не могла вбить в голову Бистино элементарную вещь: как же можно вообще сравнивать женщину, которая целых 86 лет была примером благородства и мудрости, смирения и скромности, доброты и благочестия, с человеком, вобравшим в себя все семью, и даже больше, смертных грехов. С тем, кто, получив еще в юности блестящее наследство, профукал не только его, а единственным чохом спускал вообще все, что время от времени подкидывала ему судьба, даже то, что годилось разве для поддержки штанов. И вот теперь 70-летний, ввергнутый в позор и отчаяние, перебивался он жалкими подачками от каких-то дальних родственников и кое-каких друзей, от которых он прежде нос воротил, да еще подаяниями тех, кто случайно попадался ему на пути или получал от него жалобные письма.

Доведенный до ручки, дошел он до того, что выпрашивал как бы в долг сотню лир или даже пятьдесят с обещанием непременно вернуть как-нибудь при встрече, но получал 10, а то и 5. Иногда сочинял он унизительнейшие прошения, вымаливая себе вспомоществование, какое-нибудь социальное пособие, но оно ему либо не назначалось вовсе, либо приходило в ничтожном размере. А если порой, в минуты страшного отчаяния, все же осмеливался он толкнуться в дверь к кому-нибудь из друзей, дверь эта оказывалась нагло запертой. И, спускаясь, бывало, по гулкой лестнице вниз, один-одинешенек, хватаясь за богатые перила, которые поддерживала монументальная балюстрада, припоминая в этом богатстве и монументальности самого себя, неся на плечах лохмотья проигранной, утерянной гордости и собственного достоинства, бормотал он себе под нос с горькой иронией, причем по-французски:

— То, видишь ли, они устали, то им незддоровится, то они болеют... Да! Хиреет, чахнет наш народ!..

Допустим, выпадал ему счастливый случай повстречать какого-нибудь стаинного приятеля, человека душевного, который с большим тактом совал ему в карман пиджака лир эдак 50, так ведь и мысли не было у него припрятать их или же заплатить хозяину гостиницы в счет долга. Как только денежки попадали в карман, тут же под это дело он набирал новых долгов, потом принимал на ход ноги где-нибудь рюмочку-другую, а потом уж на всех парусах летел в один из тысячи трактир, чтоб там выпить, как следует, за здоровье какого-нибудь завсегдатая. Маркиз обыкновенно шествовал к столику неспешно, важно, надув щеки, знакомец тут же подскакивал с вопросом, от которого маркиз раздувался пуще прежнего:

— Что, брат, получил еще одно наследство?

И, возвратившись в гостиницу в совершенно непотребном виде, вылезал прямо перед входом не из чего-нибудь, а из такси, чем приводил в ярость хозяина, который тут же, не стесняясь в выражениях, припоминал ему, сколько и за

что тот ему должен. Тогда маркиз, вручая ему последние деньги, сопровождал это словами: «Трачу много, зато живу достойно». Конечно, по-французски.

Ну и как можно было говорить про такого засранца Нунции, которая бережно хранила в сердце своем память о святой женщины и еще, как реликвию, портрет ее в красивой серебристой рамочке прямо над буфетом?

У Бистино тоже был портрет маркиза, когда тот был молод. Ах, какой бравый был молодец, какой был господин! Но портрет этот Бистино держал запрятанным в самый дальний угол того ящика в комоде, где валялся всякий хлам и где жена его никогда не найдет. Этот портрет был его личной, очень личной собственностью.

Когда Бистино наконец решился покинуть синьора маркиза, то случилось это, когда у того уж не было никакого дома, а жил он на перекладных, к тому же и задолжал ему за 18 месяцев, да и вообще в кармане была вошь на аркане. Тогда-то и поступил он кучером к княгине. Княгиня держала кобылу вплоть до конца своих дней, держала вопреки всему, упрямо приговаривая, чтотише едешь — дальше будешь, потому что и так спешить некуда, ибо конец у всех один. Бистино в самое последнее время, поскольку питал к лошадям некое неопределенное уважение и обожание, стыдился возить эту старуху на прогулки, лавируя среди машин.

Старуха заботилась больше о том, чтобы ее слуги выглядели презентабельно, и непременно желала, чтобы и кучер, и гувернантка имели бы облик пышный, внушительный и декоративный. Тогда-то бравый кучер, который в свои 40 был еще свеж как персик, так он был мужествен, могуч и благодушен, поразил Нунцию в самое сердце, которая с тех самых пор держала его подальше от всяких там сюрпризов.

Во всем существе девушки, которая вплоть до того дня вообще не знала, что есть на свете глагол «любить», любовь сказалась весьма странным образом: она принялась реветь. Ни с того ни с сего... Сунет, бывало, личико в ладони — и давай реветь. Взахлеб, словно бы любовь — невероятный грех, светопреставление и непотребное бесстыдство.

Ну, в первую-то голову из-за того, что годы у нее были уж не те. А главное, и вот это-то именно и было, собственно, занозой и поводом для стыда, — это то, что угораздило ее влюбиться в мужчину ну уж очень статного. В красавца метр девяносто с гаком росту. Как же это она, такая малюсенькая, крошечка такая, будет заниматься любовью с эдаким обломом? Одно с другим несовместно, а потому постыдно, порочно и бесчестно. По такому поводу случалось ей рыдать целыми сутками, периодами, безутешно, как в день Страшного суда, и эту потребность лить слезы никак она не могла преодолеть.

Княгиня, заметив как-то странную ее взволнованность и бледный вид, позволила девушку к себе и очень душевно, с улыбкой доброго пастыря, отпускающего грехи, приступила к обряду исповеди. «Сердцу не прикажешь», — изрекла

княгиня в итоге. Мало ли чего случается в этом мире, бывает, и в 45 лет женщина, крохотная и ладненькая как пупсик, возьмет да и влюбится в облома.

Потом переговорила с Бистино с глазу на глаз и тут же, прямо на месте, назначила день свадьбы: в ее, мол, доме никаких шуры-муры, а все должно быть строго по закону. Бистино дважды повторять было не надо. Не сказать, чтоб он уж и впрямь так расположен был жениться на перезрелой, да и не очень симпатичной, да от горшка два вершка старой деве, но почуял, что уж насчет чего другого, а уж тут с княгиней шутить не стоит.

И если чего у них теперь и было в собственности, то это именно от княгини: хорошенъкий милый домик в четыре комнатки, с садиком, опущенным кустами роз, в котором Бистино развлекался, выращивая зелень, помидоры и кое-какие фрукты.

— Ну, красотульки ж вы мои! Лапоньки! — приговаривал он всякий раз, выходя к ним, чтоб лишний раз повидаться. — Ах ты, моя картинка, конфетка ты моя!

Четыре комнаты, мебели навалом, одна — просто расчудесная гостиная, еще — маленький зал, она же спальная, да кухня. Да к тому же маленькая комната, которую Нунция всегда держала в полной готовности, чтоб сдавать каким-нибудь постояльцам, — к примеру, студенту или порядочной девушке, но только в том случае, если доходы на жизнь станут сокращаться.

Но доходов хватало, и хватало прилично, так что ни в чем себе не надо было отказывать. А все потому, что это княгиня оставила им 10 лир в день по жизненной ренты. А еще чуть ли не ежедневно, прежде чем помереть, извлекала чего-нибудь из своего комода: брошку, еще одну, булавочку — в общем, всякую бабскую ерунду:

— Держи-ка, Нунция, бери-бери, не пьялься! — это чтоб дети не углядели, как она раздает так много всяких вещиц гувернантке, пусть даже и любящей и преданной, но гувернантке.

Таким вот образом Нунция на сберкнижке скопила за 40 лет приличное состояньице, все честно заработанные деньги, не потратив ни копейки даже на гардероб, потому что от княгини осталось ей много чего. Покойница была дамой её комплекции, снизу только малость подшить, так что платья, сарафаны и прочее, а также нижнее белье, даже туфли и чулки пришлились Нунции в самую пору: не сносить и за сто лет, коли Господь позволит прожить этакую прорву лет.

К тому же и комнатёнка была уж готова, чтоб сдать ее студентику либо какой-нибудь барышне, хотя в данный момент необходимости особой в том не было, даже совсем наоборот: дома полная чаша, а свобода в собственном доме стоила куда больше, чем могли бы заплатить студенты да барышни. В общем, комнатушку эту Нунция держала так, на всякий случай.

— Ты б только видела... Ты б видела только его башмаки... Каши просят! — при этом мысленным взором Бистино обозревал огромный шкаф из прежних времен, в котором у маркиза были свалены в кучу сорок пар разнообразных

башмаков. — Занюханный!.. Одежонка черт-те какая... пуговиц на пиджаке и то нет... штаны в заплатках... и заплатки-то кое-какие — видно, сам и латал.

И вновь перед мысленным взором его проплыли четыре огромных шкафа из специальной залы, отведенной под гардероб, битком забитых костюмами, плащами и шляпами хозяина. От всех времен, изо всех мест, на любой случай жизни, как то подобает человеку в высшей степени светскому, элегантному: шутка сказать, целая сотня одних только рубашек и не меньше двух сотен галстуков!

— Ты бы видела только его воротничок! А рубашка!.. А уж манжеты-то... огрызки, ей-богу, до того скручены, засалены — вермишель, а не манжеты...

Нунция только качала головой да горько улыбалась, как бы ответствуя на всякую новую подробность и давая понять: «Ну да, как же, вот то-то и оно!»

— А знаешь, куда он пристроился на ночлег? В номера, куда водят вот этих самых дамочек.

Нунция, которая все качала головой как заведенная, будто на кнопку села со всего размаха:

— Тебе, надо думать, самому-то в голову не взбрело его там навестить?

— Да упаси и помилуй! — пулей выпалил Бистино, чувствуя прямую и явную угрозу. — Понимаешь, его ведь выгнали отовсюду, потому как у него на оплату денег ни полушки. В гостинице платить надо три лиры за ночь, а он хозяину задолжал триста, вот он его и засунул в какой-то чулан без окошка. Он даже по вечерам вынужден, понимаешь, раздеваться вптымах, при свете огарка. Если огарок найдет. А коли не найдет, то вообще во тьме кромешной. А хозяин у него еще когда лампу электрическую отобрал, чтоб он по ночам не читал в постели.

Забыв про дамочек, Нунция снова взялась качать головой: вот то-то, мол, и оно...

То-то и оно, что таким макаром и кончают дни свои в помойке человеческой. Среди отбросов. То-то и оно, что так-то и заканчивают жизнь свою во тьме духовной, когда не разобрать, где день, а где ночь: то-то и оно!

Молодость Бистино к жизни маркиза была приторочена, привязана и прикручена морским узлом. Он был из его мужиков, и с пятнадцати лет, с мальчишества, поступил к нему на конюшню. Потом, приметив, из какого теста парень сделан, маркиз назначил его быть и конюхом, и гувернером, принял его в свой ближний круг, сделал доверенным лицом, то есть поверенным в делах тайных и амурных. Бистино заполнял жизнь хозяина собою и знал всё и обо всем. Где что поправить, куда сбегать, чего добыть, он всегда был тут как тут, все заранее предвидел и всем рулил.

Он даже был с маркизом в путешествии, объехал с ним всю Европу, но так ничего там и не повидал, не то что хозяин. Из мира, который раскинулся перед ним, не вынес он ничего, что потрясло бы его понятия, представления, обогатило бы и так далее: к примеру, изменило бы вкусы, привычки либо мысли

— в общем, образ жизни. Будто бы он там был в полном одиночестве. Или, что более правильно, один, но со всей хозяйствской обстановкой, с платьями, башмаками и всем прочим. А главное, с лошадьми. Если маркиз был для Бистино камнем краеугольным, то все остальное место было занято лошадьми. Лошади — вот к кому питал он после маркиза истинно христианскую любовь, человечность, лошади были его продолжением. Он и на мир-то смотрел глазами своих жеребцов и кобыл, и самый мир виделся ему исключительно как мир лошадей. Лошади на пышных выездах, на конкурсах, на известнейших заездах и турнирах. Лошади в неимоверном количестве гостиниц в разных городах, целые табуны лошадей на скачках, когда дым коромыслом, не разобрать ничего. А когда просили его порассказать, как там оно в заграницах, то он говорил лишь о том, что поразило только его личное воображение, что только он один и мог ухватить. То есть говорил он о лошадиных нравах. О конских характерах, о кобыльих манерах, и с таким чувством, так своеобразно, городил такую ахинею...

Выходило, что мир держится на лошадях, а возможно, для них-то и создан, а настоящий человек — это лошадь.

Вставал вопрос, не конским ли этим самым забиты его мозги, чтоб делать подобные сравнения. Но он на самом деле глядел на мир именно сквозь такую призму, как и подобает слуге высшей марки, а был им целых, слава тебе Господи, двадцать пять годков!

Ну разве мог Бистино забыть златые дни?

Понятно, что при такой жизни, когда вышел срок, пораскинул Бистино мозгами, да и женился, была не была, пусть и не на самой красивой, да и в возрасте, и росточком-то — на ладонь посади, другой прихлопнешь... но зато очень башковитой женщине — в общем, уж лучше так, чем вообще никак.

Если б только знала об этом Нунция! Она кое-что понимала, естественно. Понимала, но не желала этого не только допускать, а даже думать о том, даже самой себе шепнуть по секрету, дабы не сглазить. И упаси Бог, если бы Бистино на этот счет чего-нибудь бы ляпнул! Ревнива она была, как всякая бывшая старая дева, и на руку скора.

Маркиз был бабник хоть куда, проб негде ставить, Дон Жуан там погулять вышел. Самые шикарные женщины мира становились его любовницами, причем еще до того, как он их таковыми делал натурально... Там, где к ногам его падала синьора, следом тут же падала и гувернантка. Казалось, соблюдался некий незыблемый порядок вещей: хватало двух взглядов, пары слов, и все они валились к нему под ноги как перезрелые груши.

Бистино же был при Доне Жуане верным слугою, причем одним из самых лучших в каталоге такого сорта слуг, коли составить их рейтинг. А кроме того, Бистино и сам-то был писаный красавец и, сохранив свежесть и безмятежность деревенского жителя, превратился в слугу весьма элегантного, прямотаки безупречного, который к тому же управлялся с лошадьми изящно, виртуозно, любо-дорого посмотреть.

Синьор маркиз и Бистино гордились друг другом, питая друг к другу чувство глубокого взаимного удовлетворения, они обожали постоянно менять личины, как в комедии дель арте, — в общем, в дуэте этом каждый был на своем месте. Это взаимопонимание и взаимолюбование подчас давало себя обнаружить всякими легкими штришками вроде улыбочки, хитренькой, неуловимой, или как бы случайного шлепка по спине. И в этой-то улыбочке либо в случайному прикосновении скрыты были именно вот эти самые слова:

— Какая же приятная штука жизнь и как здорово ею жить, дружище!

Ну, как мог Бистино позабыть этакие-то вещи?..

А нынче! Глаза б не видели... высох, как сучок, выцвел, пожелтел, ссугулился, и духу-то в нем уж не осталось, чтоб хоть слово молвить; приболел, видно, прилично, вообще стал вполовину того, что было, прямо и не признать, да и из ума, кажется, совсем выжил.

Напасти сыпались на маркиза со всех сторон. Не жизнь, а одно сплошное огорчение, ну и настроение, соответственно, ни к черту: то одно за глотку схватит, то другое. Векселя, ипотечные кредиты, долги по оплате того-сего, всякие авантюры (то либо слишком уж сложные, то из тех, что всегда кончаются ничем), разные неотложные дела, все впопыхах, все с напрягом. И всегда у него под рукой был Бистино, у него вообще никого не было, кроме него, Бистино был его семьей, и эта семья лежала на могучих плечах славного Бистино.

Бистино и рад бы был их подставлять, но...

Но!

Бистино сам был тем еще раззвездаем. Разляляйство его имело такую физиономию, что хозяйская одежда никогда не была в порядке, туфли всегда были плохо начищены, лошадей перед выездом он никогда не осматривал на предмет лоска, поручения выполнял шиворот-навыворот. Маркиз обыкновенно ворчал-ворчал, пыжился-крепился, а потом брал башмак или сапог, да и по горбу: «Я ж тебе!»

Бистино же вместо того чтоб закручиниться, любил, когда маркиз вот так, по-семейному, отводил душу. Ах, эти милые вспышки гнева! Затрещины, подзатыльники, оплеухи! Вот в эти-то самые моменты, больше чем во всякие другие, Бистино ощущал и понимал, что он, собственно, значит для маркиза и кого он в своем лице представляет, чувствовал свое с ним единство, свою необходимость, — в такие моменты Бистино был счастливее всех счастливцев. В общем, подводя черту, Бистино чувствовал, что для маркиза существует только он один на всем белом свете и только он один его и любит, а уж как он за это любил маркиза, словами не передать.

Гнев и ужасные сцены являли некий особенный вид истинной любви, высшим выражением которой был башмак, который обрушивался на хребет Бистино.

На самом деле, едва маркиз малость входил в русло, умиротворялся и становился спокойным, как сквозь всю его безалаберность и явную придурь проглядывала душа, щедрая, широкая и благородная. Он становился прямо-

таки барином, сердечным и веселым, лёгким на подъём, а к тому же остро чувствовал потребность тут же выказать свое раскаяние, как-нибудь эдак присты свои извинения. Так-то вот он без конца одаривал Бистино деньгами, отдал ему два своих галстука и еще настоящую шкатулку для сигар, которая как-то подвернулась маркизу под руку вместо башмака. И вручил он ее Бистино, похлопав при том по плечу по-свойски, и произнес при этом какие-то очень теплые слова, которые говорят только близким друзьям, и не каким-нибудь, а своим в доску. Короче говоря, вот эти внезапные вспышки хозяйствской ярости прочней цемента скрепили взаимную привязанность. Бистино в это верил свято, как в то, что солнце встает на востоке, потому что сердце у него было незамысловатое, а простое сердце никогда не может ошибаться.

И вот сидел он на кухне, жена шустрила у плиты, а перед глазами разом проплывали все картины прошлой жизни, и говорил Бистино будто сам с собою, не находя слов, чтоб высказать то, что его обуревало.

— Бедолага... А ведь чего только не имел!

Подразумевалось, что хозяин имел вообще все, чем человеку суждено обладать, чтоб быть счастливым: лошади, игорные дома, женщины, вино рекой, вкусная еда...

А теперь что ж, подхватил, ко всему, еще какую-то заразу, отчего у него образовалась слабость в руках, на вид вообще стал полумертвый, и надо бы его, по уму-то, в постельке подержать, как младенца грудного.

— Бедолага!.. И ведь чего только у него не было... все ведь имел, ну вот все... — все повторял и повторял он как заведенный.

— Да уж, как же, бедолага, держи карман шире! — мгновенно вставала на дыбы Нунция. — Вот за все то, что было, теперь и расплата! В этом мире за все надо платить, не все коту масленица! — она поддела половником и плюхнула в миски дымящийся супчик, и Бистино осторожно, в задумчивости и крайнем расстройстве, подошел к столу поближе. — Рано или поздно, а хвост тебе прищемят, не сейчас, так в другой раз, уж тут не сомневайтесь! Есть кому платить, а есть кому и взыскать, — приговаривала она, пряча сковороду под плиту. — Кое-кто и заплатит-то всего разок, да так, что мало не покажется!

Нунция, однако, была женщиной запасливой, а такого рода женщины всегда и из всего любят извлекать пользу. Надо было извлечь ее и из страсти по маркизу.

И вот в один прекрасный день из Нунции — вдруг, а ничто не предвещало — выскоцила одна фраза. Всего-навсего одна, но для Бистино будто небеса разверзлись и хлынула оттуда манна. Ни повторить эту фразу про себя, ни поверить в то, что выскоцила она изо рта Нунции, Бистино не мог. Он даже не то чтобы ушипнул, но так, незаметно, довольно плотно себя ощупал: не снится ли.

— Как-нибудь в воскресенье надо бы нам пригласить, что ли, этого твоего маркиза на обед. Оголодал, небось, ну так что ж, от нас не убудет.

Сначала комок в горле, потом, как только сумел прдохнуть, Бистино подпрыгнул на месте и давай скакать по всему дому, как это проделывают от великих чувств коты, псы или малые детишки. Он выскочил даже в садик, соседи тут же высунулись из окон посмотреть, что там стряслось, а Бистино пританцовывал, тискал Нунцию так и этак и хохотал, как от щекотки.

— Отстань! Пусти! — пищала Нунция. — Мне больно! Да отстань же ты, наконец!

Но, вместо того чтобы поставить ее на пол, Бистино носился с ней на руках по всем комнатам и твердил, как сомнамбула:

— Ух, как мы его примем, вот посмотришь, а он придет, я-то знаю, вот чтобы мне провалиться, а придет, не может он не прийти, уж я-то его знаю...

Нунция между тем очень хорошо понимала, какое немыслимое утешение она ниспосыпает муженьку, и на попятный теперь не пойдешь. «Ну, поглядим, посмотрим, чего из всего этого выйдет, — думала она про себя, качаясь в вышине, на руках у Бистино. — Мир, чай, не перевернется, коли разок этот сморчок у нас отобедает».

А когда Бистино поставил ее на пол, вслух сказала:

— Вот и я говорю, что придет. Голод не тетка!

Маркиз выказал охотное желание побывать у четы в гостях, но без тени улыбки. Рот его был больше не способен растягиваться в улыбках. И в то воскресенье, в назначенный час, отправился он к старому слуге, где поджидал его очень даже недурной обед, в горьких размышлениях о том, что, как прежде, такой, настоящий домашний, обед со смаком вкусить он уж не сможет. Все его ощущения будто провалились в тартарары, сил не было никаких, ничего в нем не осталось, кроме одной сплошной хворобы, скрутившей его в три погибели: призрак, а не человек.

Маркиз по приходу выказал признательность так натурально, тепло и естественно, что сомнений не было: даже будучи в несчастных обстоятельствах, он все еще истинный синьор. Причем сделал это до такой степени натурально, что будто это не он, а к нему пришли в гости на обед, отчего в рядах Бистино и Нунции произошло некое замешательство, которое уступило место тому самому смущению, какое обыкновенно испытывают слуги в присутствии хозяина.

Бистино глядел на маркиза с восторгом, во все глаза, не веря им; во все время обеда почти не ел и все ждал того, что никак не появлялось: хоть какого-нибудь признака радости на пергаментном, выцветшем, истомленном лице старого хозяина. А если и брался за какое-нибудь блюдо, так только чтоб предложить его синьору маркизу, а тот весьма учтиво, но хмуро и твердо отказывался.

Недоволен он приемом, что ли?

«Синьор маркиз то, синьор маркиз сё», — без конца повторял Бистино, и голос его парил в пространстве между восторгом и замешательством. Нунция смотрела и помалкивала.

Надо сказать, маркиз не очень-то и раньше любил, когда его без нужды слишком часто величали полным титулом, а теперь и подавно. Звучало как изде-

вка... Но, всячески демонстрируя эту свою нелюбовь, добивался как раз обратного: выставлял напоказ несчастное житье-бытье свое, как обыкновенно бывает, когда совершенно голый человек стыдливо прикрывает причинное место.

Нунция, поглощенная этой игрой, которая, кто ее знает, как еще развернется и чем закончится, глядела на них во все глаза, про себя делая всякие замечания.

Взгляд на маркиза: «Вот и дошел ты до ручки со своими выкрутасами!»

На женевьи: «Ну, чего ты на него уставился! Чего такого тебе так уж по сердцу в этом чучеле, в пугале огородном!»

Но мало-помалу сердце ее стало наполняться некой, поначалу смутной, но все-таки жалостью к этому, так сказать, гостю, и обновленным, как бы просветленным этой самой жалостью, чувством нежности к мужу. Но мгновенно запретила сама себе все это ощущать, потому что одновременно с жалостью и нежностью нахлынуло на нее чуть ли не раскаяние оттого, что уж чего-то слишком она распустила нюни.

После обеда мужчины вышли из-за стола почти синхронно и синхронно же удалились. Нунция осталась дома, ибо устала от приготовлений, которых неизбежно требовал такого sorta прием; кроме того, надо было вообще прибраться: обед был накрыт в гостиной, с великой торжественностью.

Единственное, чего страстно хотел и жаждал Бистино, так это чтоб старый его хозяин снял тяжесть с души своей и повеселел бы. Бистино бы душу ему отдал запросто, если б это помогло, хоть как-нибудь, вернуть маркизу бодрость духа и прежний вкус к жизни. Но бедняга был таким же, как и в течение всего обеда, то есть очень не в себе, а оно выражалось в тягостном и мрачном немногословии.

Бистино главным образом мечтал завести разговор о былом, о прошлом, о днях златых. И все подыскивал, вернее старался соорудить, повод для того, чтоб такой разговор начался. Шутка ли, двадцать пять лет жизни бок о бок: путешествия, приключения, лошади, женщины, гулянки...

Но было понятно, что маркизу это все было не просто до лампочки, а намного выше, и вещи, которые так сильно волнуют Бистино, для него не существовали теперь и вовсе. Слегка зажигался он, только когда речь заходила о настоящем, стало быть, о его печальных обстоятельствах. О непотребных условиях. О совершенно хамском, пошлом склеродействе хозяина гостиницы. О недостойном своем пристанище. О кузене из Сиены, который должен же поддерживать его материально, но ни хрена не поддерживает, а если чего и присыпает, то курам на смех. А если и присыпал, то только после того, как маркиз грозился сдаться в дом престарелых. И то сначала пообещал пятьсот пятьдесят лир в месяц, чтоб спасти честь и достоинство всего рода, а после того назначил всего-то пятьдесят, и еще сотню приплачивал, но очень уж редко, и отговаривался, подлец, что урожай-де год от году все хуже и хуже...

Таков же точно и один друг его из Милана, ну богатейший же человек, который... да, присыпал ему время от времени кое-какое вспомоществование, но все больше письма писал, длиннющие. А в них вкладывал денежку, на которую только самое необходимое и купишь.

Все прочие, когда унижался и просил, притворялись глухими, а иногда и просто издевались... Никто не то чтобы его не принимал у себя, а даже и выслушать не хотел. А не то подавали, как нищему на паперти.

Вот, собственно, чем были заняты мозги маркиза, и до чего Бистино вообще дела не было никакого.

Потом благородная чета пригласила маркиза на воскресный обед во второй раз, затем и в третий, в четвертый. Наконец, увидев, что, вообще говоря, приглашать его можно не в зал, а на кухню, как было заведено, Нунция позволила звать его на обеды во все воскресенья.

Хороший овощной супчик на крепком бульоне, в чем Нунция знала толк — превзойти ее по части супа было невозможно. Ясно, что маркиз на него-то и оказался особенно падок. К супчику он стал питать глубокое понимание и прочувствоанную потребность. Супчик давал ему духовное и физическое удовлетворение, супчику он был безмерно благодарен. После последней ложки маркиз казался несколько приподнятым, в смысле духа, и на всем облике у него как бы большими буквами написано было: сътость. И это при том, что обычно ему достаточно было нескольких кусочков чего-нибудь, да и то он подчас выплевывал по неохоте жевать — не было больше неутомимой его, баснословной прожорливости. Желудок съежился, ибо долгое время был необитаем...

— Язык проглотите, пальчики оближете, будто архангел во чрево поцелует! — приговаривала Нунция с известной долей иронии, которую ну никак не могла в себе унять, хотя маркиз вправду ощущал прикосновение ангельских уст к желудку. На самом-то деле, приглашая маркиза покушать и откусывать, Нунция этими словами просто переиначивала уже известную поговорку, которая принимала некое иное, весьма любопытное обличье: «Не потопаешь — не пополаешь». И гордилась изобретением такого рода парадокса.

Так оно и шло, пока в одно прекрасное воскресенье, к превеликому удивлению и небывалой радости, даже ликованию Бистино, синьор маркиз не взялся ни с того ни с сего, на белом глазу, хохотать. Заметим, по-французски и обращаясь именно к Бистино:

— Ах-ха-ха-х! Коко! Свинка!

«С чего бы это он? Должно, рехнулся, — подумала Нунция, которой приходилось видеть припадочных. Стропила покосились. Надо б людей кликнуть, чтоб связали».

— Ах-ха-ха! Коко! Поросеночек! — все повторял маркиз, тыча пальцем в живот Бистино, который, хоть и обрадовался, но малость опешил.

Нунция совсем не впала в панику от нежданной ребячей веселости маркиза. Наоборот, включилась и заработала и без того присущая ей рассудительность, основательность и деловитость. Поэтому, когда вслед за маркизом захотел и Бистино, она подумала: «Ну, что ж! Оба тронулись. Надо бы вызывать карету из психушки, бригаду санитаров, да и повязать обоих».

Суть да дело, а маркиз и Бистино, кое-как выбравшись из сеанса взаимного обалдения, вдруг разразились потоком слов. Их будто прорвало. Наперебой, не слушая друг друга, затараторили они обо всем сразу, сваливая все в одну кучу, а что до прошлого, то просвистывали в основном намеки на женщин, лошадей и тому подобное. И все чаще, все оживленнее, все выше по тону звучало вот это: «Ах, коко!»

Нунция, заметив новый оборот, рассудила по обстоятельствам: «Значит, правильно я говорила, что надо только разок-другой влить в него моего супчика на мясном бульоне, — глядишь, в себя-то и придет».

Бистино от радости ног под собой не чуял. Все подсказывал маркизу, напоминал ему, весьма заботливо, то да сё, да еще вот это, чтоб тот облегчил душу. Был момент, правда, когда Нунция чуть глаза ему не выцарапала, когда испугалась, что за всеми этими хлопотами тот уж слишком сильно прогибается перед тем. Но маркиз держался молодцом, молодчиной, уж что есть, то есть, и поскольку в этом-то и крылась грядущая катастрофа, стало быть, тут-то и надо было извернуться, притвориться, включить врожденную хитрость — одним словом, оставшись наконец наедине с муженьком, Нунция как бы между прочим призналась:

— А вообще-то говоря, все эти шуточки ваши ничего себе, бездельники вы этакие, да и маркиз этот твой не такой уж и противный, когда в ударе.

Тем самым была подведена база, чтобы приглашать маркиза еще и по четвергам. Потом во всякий день. И, наконец, после подробного, всестороннего обсуждения того, что, мол, с маркизом и ребенок управится — дело не хитрое (тут Нунция не упиралась), дискуссия свернула в сторону той самой комнатки, что была готова и никем не занята. Рассудив, что маркиз по затратам ел не больше, чем пёсик, Нунция приговорила в итоге, что он может поселиться у Бистино насовсем.

— Ну что ж, попробуем... поглядим, посмотрим... — кумекала она про себя.

Маркиз заявился в чем был. Ни носового платка, ни воротничка, ни пары приличных носков. То ли вещи у него были такие, что никакого переезда не выдержали бы, то ли, чтоб не вызвать подозрений со стороны хозяина гостиницы, но с собою он оттуда не принес вообще ничего. Вполне может статься, он выскоцьзнул из гостиницы через черный ход, чтоб избежать бдительных глаз кредитора, которому задолжал 400 лир.

Бистино тут же решил его приодеть, дабы придать более-менее человеческий облик.

Едва вселившись в светлую и приличную комнатку, несчастный чуть не с порога почувствовал возрождение к жизни. Словно в то самое воскресенье, когда впервые принял вовнутрь первую ложку благоуханного, густейшего, на крепком мясном бульоне, с зеленью и овощами, знаменитого супчика. Само собой, напрягая последние остатки силы воли, маркиз прямо из кожи вон лез,

чтоб и тут не опростоволоситься. Потому что, если и здесь дать маху, тогда уж точно в этом мире надеяться больше не на кого да и не на что. Жизнь! Жизнь преподала ему всего-навсего один, но зато какой, урок. Жизнь, взявшая в ежовые рукавицы воспитание чада своего, обучила маркиза своей логике. И вот из этой жизненной логики вытекало, что при теперешних бедственных обстоятельствах вести себя надо деликатно, в высшей степени тактично, тонко,тише воды ниже травы, будто духу твоего тут не то что нет, а никогда и не было.

То был единственный, в общем, способ спасения. А спасаться надо было, собрав последние крохи собственного достоинства, канувшего в лету.

Но логика не всегда есть закон в нашей грешной жизни. Скажу больше: в большинстве случаев логика совсем не тот ключ, который подходит к скважине, а коли ключ и подойдет, так обязательно отопрешь дверь в такую комнату, где всякий хлам, бардак и все вверх дном.

Бистино, к примеру, расстраивался, что маркиз как-то совсем уж безрадостно, пресно, тускло на все согласен, со всем соглашается, все принимает, все его устраивает, хотя оно как-то не того, неприлично даже. Неправильно, чтоб синьор, господин, пусть даже и падший в тартарары, всем бы был доволен. Так не бывает: синьор должен, да просто обязан желать, требовать, велеть и все такое. А тут пустякового приказа и то ни разу не отдал!

«Приказывайте, приказывайте мне, вот он я. Обратите же внимание, надо же чего-нибудь повелеть, а то мне как-то не по себе», — в сердцах приговаривал Бистино. «Приказывайте, синьор маркиз», — на все лады твердил он, смертельно обиженный, что тот не повелевает.

Никак, ну совсем никак не помещалось у него в голове, что человек, перед которым он по струнке ходил целых двадцать пять годков, мог позабыть, как надо отдавать приказы и вообще командовать, причем, как то было в обычай, приказывать, в полном смысле повелевая, иногда и с рукоприкладством, без

Рисунок Ф. Самарина

промедления. Вот это-то, казалось, изводило Бистино больше, чем все проще вместе взятое. Эта сторона дела душу выворачивала наизнанку не меньше, чем самые первые совместные обеды по воскресеньям, когда Бистино из кожи вон лез, чтоб развеселить, расшевелить, разворошить маркиза всякими забавными штучками из прошлого, а тому все было до лампочки.

Время от времени Бистино подбирался на цыпочках к маркизовой двери, прислушивался, а потом тихонько, с приподыханием, спрашивал:

— Не изволит ли чего синьор маркиз, ваше сиятельство?

С высоты собственного крушения, с вершин взлета и глубин падения, с мудростью человека, познавшего сей мир в минуты славы и вкусившего горечь разочарования, изучившего природу людскую, маркиз, конечно, понимал, что надо бы ответить. И вот однажды утром из его комнатки наконец раздался громоподобный рык:

— Бистино! Бистино! Бистино!

Бистино пулей вылетел из постели и в чем был, то есть в одних подштанниках, понесся узнать, чего изволит его старинный повелитель. Нунция от переполоха подпрыгнула, потом села, протерла глаза кулаками и вдогонку пяткам и широченной спине Бистино успела крикнуть:

— Какая муха его укусила? Чего он хочет? Умирает, что ли? Занемог? Что за дела, эдак-то волить по утрам?

— Бистино! — рычал маркиз.

Бистино на бегу, запыхавшись, одной рукой подтягивая сползшие трусы, ответствовал:

— Вот он я, уже лечу, бегу, синьор маркиз!

— Ну, и чего ему надо было? — очень решительно спросила Нунция. — Чего стряслось, можно узнать?

— Да ничего. Только костюмчик и туфли. Нынче утром, видишь ли, солнышко, денек такой выдался... Вот он, видишь ли, прогуляться...

— А! Костюмчик! Туфельки! И тебя, значит, к себе как распоследнюю профурсетку? И ради этого поднял тебя ни свет ни заря?

— Да ну пойми ты... в конце концов, он все-таки маркиз... у него так оно в обычай... он просто, видишь ли, привык командовать, бедняга, он в этом не виноват: он это все делает, не замечая, понимаешь ли, машинально... ну, не замечает он за собой...

Бистино покраснел, пошел пятнами.

— А! Не замечает он... потому что он все ж таки маркиз... — Нунция сразу сделалась как-то выше ростом и прямо-таки раздулась от гнева, — в конце концов, тебе бы надо было подумать, что я — я! — все замечу! И ему сказать, что, мол, такие-то вот у нас тут дела! И сказать ему все это должен был ты сам, вот как надо было ответить ему! Маркиз... Ушлый хлыщ этот твой маркиз! Сегодня же скажу, чтоб убирался отсюда, выставлю в два счета!

Не дав ей договорить, Бистино грохнулся коленями об пол, и хотя Нунция и не в силах была постичь, что за порыв обуял супруга, хотя и смущилась она, но только внешне: внутренне-то она, конечно, торжествовала. А тот уже умолял ее простить бедолагу, не гнать его вон. И умолил.

Но тем же днем из той же самой скромненькой и тихой комнатки раздался еще более необузданный, заполошный вопль:

— Бистино! Пощевеливайся, черт тебя раздери! Чего ты там копаешься, бездельник ты этакий, растяпа! Не из того места ноги у тебя растут?! А ну, быстро давай ко мне, увалень, соня!

И понеслось: рык, приказания, упреки, попреки, ругательства, угрозы...

На сей раз Нунция наблюдала за этой игрой, стараясь уловить смысл, и ничего потом не сказала.

— Я тебе жопу надеру! Пшел вон! — неслось по всему дому по-французски, и Бистино, объехав вместе с маркизом всю Европу, хоть и не выучил ни единого слова ни на каком языке, но, когда синьор маркиз изволили ругаться, понимал буквально все.

«Пошел вон? Да еще и в жопу? Это кому ж туда идти? — от этакой наглости Нунция опешила. — Уж если кому и валить отсюда ко всем чертям, а также и в то самое место, так это тебе, и только тебе, милейший маркиз, со всем своим баражлом!»

Ну ладно, пронеслось у нее в голове: вот сейчас допоешь своё, и я тебя отсюда вышибу — штиблеты потеряешь. Однако ж выражение физиономии супруга заставило ее повременить с этим мероприятием, она решила малость переждать, пока маркиз проорётся, а супружеское лицо уж подскажет ей, что час пробил. Ибо никогда еще не видела она, чтоб у Бистино на лице было огромными буквами написано: «СЧАСТЬЕ». Подождем еще чуть-чуть, как ляжет карта, а уж после подумаем, каким именно образом дать под зад коленкой гостью. Этому балбесу Бистино урок будет впрок, на долгие годы вперед — так, что слюни и слёзы в три ручья потекут.

Однако с Нунцией маркиз был совсем другим человеком. Совершенно. Абсолютно. Да и все эти вопли, угрозы и разносы циркулировали в комнате маркиза с некой математической последовательностью и точностью, и это заставило Нунцию призадуматься.

С ней-то самой маркиз был учтив, внимателен, сама галантность. Тут тебе и поклоны, и улыбки к месту — в общем, все эти тонкости обхождения; одно слово: дворянин. Он был дотошно вежлив даже в мелочах; все, к чему она прикасалась, было наилучшим, исключительным, а еще он сравнивал Нунцию с самыми лучшими поварами и поварихами, которых он перевидел на своем веку, с такими, которые были в величайших семействах Италии, знакомых ей разве что на слух, еще когда она состояла при княгине, — у всех этих герцогинь, графинь и маркиз, вплоть до тех поваров, что прославились при дворе Виктора

Эммануила и которые оставили после себя авторитетнейшие учебники по кулинарному искусству.

Маркиз относился к ней с таким почтением, будто он сам гостил у какой-нибудь знатной дамы. Но, однако ж, в своей комнатушке он буквально в ключья рвал Бистино, ругаясь, как портовый грузчик, перемежая рык и ругань с гомерическим хохотом.

«Да что ж это получается, так вот и жить, что ли?» — призадумалась Нунция, а выбор был небольшой: терпеть вот это буйство за откровенную, ничем не прикрыту лесть.

Но, взвесив все «за» и «против», в один присест она как-то с этой темой разобралась, сунув под нос Бистино две чаши весов, и одна чаша явно перевесила другую:

— Он с тобой так себя ведет, потому что знает, что может так себя вести. А со мной, будьте уверены, синьор, он по струнке ходит. А с тобой-то он знает, что все ему можно. Он тебя насквозь видит и этим-то и пользуется. Ясно, как Божий день. А взгляни-ка, как он обходится со мной.

Но откуда Нунции было знать, что именно это-то и вознесло Бистино прямиком на седьмое небо. Он счастлив был, что маркиз обходится с ним по-прежнему: бьет — значит, любит, а стало быть, ближе Бистино нет у него никого. С другой стороны, счастье обуяло его еще и от того, что с Нунцией, то есть с его собственностью, с женушкой, маркиз обходился как с дамой из высшего общества. Со всем уважением, деликатно, почтительно. В общем, досаду Бистино как ветром сдуло.

— Ну, я ж тебе говорил, он — истинный синьор, а тебя как ценит, а? Вот что значит: воспитание!

Бистино повторял это при всяком удобном и даже не очень удобном случае.

— Каждый стоит столько, сколько он и стоит! — подвела Нунция черту, хорохорясь, будто несушка, — дескать, оно само собой разумеется, и тут даже и говорить-то не о чем. Держалась она с достоинством, и в этом достоинстве, которое из нее время от времени высекало как-то весьма естественно и просто, ну просто нельзя было не обнаружить целых сорок лет жизни, прожитой бок о бок с дамой, безукоризненной во всех отношениях.

Чтоб сгладить углы, Бистино попробовал зайти с другой карты:

— Ну, знаешь, Нунция, если б тебя сейчас вдруг кликнула твоя княгиня, уж ты бы точно ринулась из окна вниз головой, чтоб тут же «чего изволите».

— Да можешь сказать и покрепче, а я б так и сделала, ибо в том и состоит мой долг. — Тут обертоны у нее сделались угрожающими: — А ты что ж, хочешь поставить на одну доску княгиню и этого голодранца?

— Нет, но, видишь ли... При чем тут голодранец? Деньги не в счет, потому что бывает, что иногда главное не деньги, а, видишь ли, сердце. Если б, допустим, твоя княгиня помирала бы с голодухи, ты разве не дала б ей чего перекусить?

— Да я б из горла своего вырвала бы, чтоб ее накормить! — Нунция разошлась не на шутку. — Нет, ты что ж, так вот прямо и ставиши рядом мою княгиню и этого шимпанзе?

Тут из комнаты маркиза донесся рык: «А ну быстро сюда! Сейчас я тебе шкрупу спущу с задницы! Пшел!» Бистино засеменил в садик, чтоб не подвернуться еще и жене под горячую руку, и слонялся там до тех пор, пока его не достал новый приказ маркиза, который на сей раз внес мир и покой в его растревоженную и смятенную душу. Маркиз просто хлопнул его по плечу и расхохотался.

«Ну и хлыщ! Прикидывался простачком, чтоб только его взяли, а теперь, как обжился, так на шею сел и ножки свесил. Ишь ты, барин какой выискался! Подай ему да принеси! Каков наглец! А попробуй-ка ты эдак со мной, я уж тебе дала бы перцу!»

Но вот другая сторона поведения гостя, которая еще больше наводила на размышления, льстила ей на самом высшем, интимном, что ли, уровне: «Как ни поверни, а он все-таки настоящий маркиз, что б там ни говорили, все они одинаковые, все они так себя ведут, все они привыкли командовать, и он даже не замечает, как это у него все выходит».

Однажды утром маркиз вдруг совершенно четко и ясно заявил, что без колокольчика в своей каморке он жить больше не согласен. И что исполнить это надо немедленно и срочно: не царское, мол, дело всякий раз драть горло, чтоб позвать слугу.

«Звоночек ему? Колокольчик, значит? — повторяла Нунция, носясь по дому вне себя от ярости. — Бубенец!»

Остановившись, она суровым взором окинула окрест себя все, воображая себе маркиза, смерила и его буквально с головы до пят, сущее воплощение разъяренной самки дикого вепря, готовой через секунду броситься на жертву: «Колокольчик?»

Пока Бистино озарялся внутренним светом, Нунция пылала вовсю как лампочка, которую забыли выключить: «Звоночек?! Да в каком мире он вообще существует, хотела бы я знать!»

— Ну, пойми ты, он сам не замечает, чего творит, они все такие, сама посуди!

Бистино смеялся, хохотал, ликуя от внезапного явления новой причуды:

— Он ведь это не по злобе, а так уж ему положено: оно у него выходит само по себе!

Он хотел сказать: если б маркиз такие вещи вытворял сознательно, он бы больше не имел права называться господином, о нем никто бы вообще и не вспомнил. А так — все они одинаковые, все вытворяют одно и то же, уж я-то их перевидел на своем веку... Ну как до тебя не дойдет, что тут и сопротивляться-то смысла нет? Что такое синьор без звоночка, сама подумай? Господа — это такой, брат, народ, что как только глазоньки со сна откроют — сразу хвать колокольчик, так он и при них, пока снова зенки не захлопнут. Я вообще диву даюсь,

как это он меня раньше-то об этом не попросил и как он вообще столько времени без бубенца обходился, как оно могло такое статься, вот уж, право слово, довелось бедолаге помучиться. Синьор без звоночка — не синьор; у синьоров колокольчики в крови.

И вот однажды, когда колокольчик справили, он зазвонил из комнатушки маркиза с исключительной силой:

— Чего ждешь-то, увалень? Шевелись, орясина! Сколько тебе времени надо, чтоб ответить господину? Звонка ты, олух, не слышишь? Уши, что ли, горохом законопатило?

Бистино несся, лопаясь от смеха. «Не замечает, бедняга, совсем ничего не замечает, сам себя непомнит, где он и что он», — думалось ему с вершины своего блаженства.

Маркиз зажил жизнью счастливой, счастьем этим, казалось, были оклеены даже стены у него в комнатке.

С Нунцией, да за столом, маркиз оказался щедр на всякого рода галантные штучки, лесть прямо-таки патокой и елеем растекалась по кухоньке. Что за приятные намёки, что за темы аристократические, ах, какие невозможные любезности и все прочее, включая разнообразные поклоны. В речах его путались самые знаменитые повара и поварихи в истории, а также дамы высшего света. Бедная кухонька превращалась в блистательную обеденную залу. А в ней так и кружились всякие там княгини, герцогини, маркизы, которых Нунция иной раз видывала при своей госпоже, а не то слыхивала, когда при ней заходил какой-нибудь светский разговор. Маркиз так и сыпал всякими историями, анекдотами, всякими пикантностями: репертуар у него был неисчерпаем. Кое-что Нунция уже когда-то слышала, а чего не знала, то притворялась, что, дескать, и это ей знакомо, — словом, изо всех сил изображала из себя знатока светской жизни, демонстрируя всякий раз, что уж то-то и то-то ей известно, как никому.

А все шумное происходило там, в комнате, куда Бистино, едва прорав глаза, кидался как угорелый на звук колокольчика, чтоб исполнить любой приказ маркиза, который время от времени, ни с того ни с сего, вдруг впадал в ярость.

Нунция теперь просто переворачивалась на другой бок и продолжала спать под одну-единственную мысль: «Охота тебе, чтоб тебя воспитывали, — давай! Дубина стоеросовая». Она все меньше и меньше прислушивалась к тому, что там искрило между этими двумя, ко всем этим рыкам, воплям и попрекам, как обыкновенно перестают обращать внимание на шум и гогот, производимый двумя пацанами, лишь бы только они не мешали делать дела. Пускай уж лучше играют себе: чем бы дитя ни тешилось...

И вот однажды поутру: «Бам!!!» Это Бистино схлопотал, наконец, башмаком по загривку.

— Так его! — вслух прокомментировала Нунция, не отрываясь от плиты:
— Ввали-ка ему еще разок, да покрепче!

Когда такой оборот в жизни пробрел черты более-менее внятные и Нунция к новому распорядку более-менее привыкла, изменилось и ее отношение к этой довольно-таки, согласитесь, странной ситуации. Отношение к ней сделалось прямо противоположным. Настолько, что она вдруг начала выходить на люди с этими двумя нелепостями и фланировала с ними в самой середине с неподражаемой грацией, частенько бывая в кафе в самом центре Флоренции, а именно в «Гранд Италия» на площади Виктора Эммануила, где навстречу попадались кое-какие друзья и знакомые. Отставной гвардеец с женой, привратник с женой и дочерью, которая была невестой одного старшего сержанта (папа с мамой целых 10 лет дожидались, когда же наконец кто-нибудь покусится на дочурку, а коли уж и тут ничего не обломится, на примете был еще один сержант). Два господина, которые сдавали квартиры всяким важным шишкам: чиновникам, должностным лицам, богатым иностранцам — и которые рассказывали про них уйму всяких сплетен. Трамвайный контролер при жене и с четырьмя дочками, которые с недоверием и одновременно с некоторым чересчур явным нетерпением, несколько даже возбужденно, все дожидались какого-то пока еще никем не занятого мужчину, который, однако ж, что-то здорово припозднился. И всем надо было непременно представить синьора маркиза:

— А вот это — видите? — это синьор маркиз, он у нас живет — в общем, мы живем вместе!

В эти слова на самом-то деле Нунция вкладывала вот что: «Держитесь с нами, как подобает, потому что мы — люди из высшего общества».

Ну и само собой, что те, кто никогда не читал Готского альманаха, в котором собраны родословные самых знаменитых итальянских родов и фамилий, и даже знать не знал, что такой существует, смотрели поначалу искоса, навострив носы и переглядываясь:

— В самом деле, что ли, маркиз? Настоящий?

Может быть, их так и подмывало повернуть его так и сяк, как обыкновенно крутят на свет бриллианты, чтоб потом сказать: «Да не, пустышка!»?

Но, поскольку Нунция привела маркиза в довольно приличный вид, ничего определенного сказать об этом старике было невозможно. Но зато потом как бы светом озарился самый облик маркиза: это отразился на нем блеск от его двойного имени, а масла в огонь добавила самая что ни на есть достоверная информация, которая вдруг завихрилась по всем кафе сразу, тут уж все одновременно уверовали в то, что маркиз настоящий, — стало быть, надо как-нибудь пристать к его аристократической компании.

— Не так ли, синьор маркиз? Что вы по этому поводу думаете, синьор маркиз? Маркиз, что вы скажете на это? — не сходило с языка Нунции, причем повторяла она это как бы мурлыкая, небольшими дозами, и так, будто по-другому и не привыкла выражаться.

И вот, поднабравшись мало-помалу от маркиза всяких разных манер, она сама, со все возрастающей самонадеянностью и нахальством, взялась, спер-

ва вскользь, а потом все чаще, да так, что и сама себе в конце концов поверила, намекать, что, дескать, и ее не на улице нашли. Иногда, как бы вскользь, между прочим как бы, в каком-нибудь обществе и эдак небрежно, Нунция проговаривала, что и она, вот прямо как есть, раз уж на то пошло, хоть особы и не титулованная, но уж точно благородного происхождения. Потому что... вот только запамятаала, кто, не то матушка ее, не то, по крайней мере, бабушка... в общем, либо та, либо другая, но, вне всякого сомнения, были кровей благородных. Хотя, сказать по правде, и матушке и бабушке был хорошо знаком только один вид фамильного герба: а на нем тяпка да коса. Предметы, впрочем, наиблагороднейшего происхождения. В своем роде. Но тяпки, в приличном-то обществе, не предмет для разговора.

Потом она разошлась, принялась хвастать знакомствами благородными, сыпала анекдотами, а не то рассказывала о всевозможных приключениях и похождениях, в которых непременно участвовали сплошь маркизы да княгини — особы, само собой, ее круга.

— Ах, вы припомните, синьор маркиз?..

Как-то постепенно круг замкнулся. Светские манеры прижились, вошли в обиход, без них теперь просто никуда, и всем вдруг стало очевидно, что Нунция и вся эта компания в самом деле люди более-менее благородные, а потому все как-то дружно взялись держаться с ними так, как того заслуживало их высокое происхождение. И почтение это росло как на дрожжах.

Бистино сиял как медный грош. А кроме того, в своем арсенале превосходного слуги имел он огромное количество всевозможных поклонов, которые народ, совершенно незнакомый с видами, подвидами и категориями улыбок и поклонов, легко принимал за куртуазные аристократические манеры.

Что до маркиза, то он каждое утро устраивал в своей комнате малиновые перезвоны и время от времени впадал в приступы благородной ярости, к которым он прибегал с большой охотой, но экономно (Бистино, не зная, чем заслужил этакую роскошь, все-таки дешево платил за то, что у него был хозяин).

Главное, маркиз никак не выказывал изумления по поводу дворянского происхождения Нунции, все прекрасно понимая, и даже подыгрывая ей с прилежанием, и старательно, изо всех сил пыжась выставить напоказ остатки былой, подлинной, но потрепанной благородности перед дамами из кафе.

Выбирать было не из чего. Из Сиены ежемесячно присыпали какие-то пустяки, урожай год от года становились все хуже и хуже, и из Милана не поступало больше ничего, почему маркиз и прекратил сочинять туда и получать оттуда знаменитые письма.

За тарелку доброго супа, да за теплые шлепанцы, да и вообще... Господи! Да на его месте всякий взялся бы корчить из себя маркиза...

Перевод Фёдора Самарина

Виктория КАЛЯШИНА

КРАСНЫЙ СОК

Стихи

* * *

Бусы среди карт, яблоки в бочках,
будто бутоны роз.
Стали руки мои в золотых цепочках
тоньше перьев стрекоз.

Заполняю себя не спасительным светом,
а сплошной темнотой.
Ты спокойней меня, и спасибо на этом,
ты родился весной,

когда снег во дворе под живыми корнями,
он чернее угля.
Безутешными и бестолковыми днями
будь счастливей меня!

* * *

Эта осень как мор.
Парк Белинского, банка колы,
имена на скамейках
вырезаны ножом.

Я иду через двор
мимо нашей когда-то школы.
Старшеклассники курят
травку за гаражом.

Мне Земфира в наушники
что-то поёт из старого,

отчего в этот вечер
хочется ныть в плечо.

Всё разрушили, даже
не добрались до главного.

Теперь так говорят:

— Я люблю тебя.

— Ну и чё?

Эта жизнь, будто шум
от дебатов в закрытом
здании. Ты мне шлёшь СМС:
«Вик, не парься так, всё путём!»

Но приходит на ум
что-то жалкое и из дальнего...

Я уверена:
мы все не туда идём!

* * *

Комната пахла лимонами.
Я вспоминала вас ли?
Под летящими вверх колоннами
жёлтые лампы гасли,

плакала дама в пальчики,
к солнцу несла доспехи.
Что для меня вы значили,
странных энергий вехи?

Буду до смерти гордою.
Мрамор я, камня часть я.
Пёс с серебристой мордою
лижет мои запястья.

Пастью колен касается,
шерсть на загривке — в звёздах.
С южным ковром сливаются
ноги мои и воздух,

С улицы в этой комнате
слышится каждый возглас.

Вы ли меня не помните?
Я не дитё — я космос.

ИЗВЕСТИЯ

Плантации хвойных башен,
Скрип кресел и звон огня.
Я думаю не о нашем
разрыве, прости меня.

Ношу из копеек бусы.
И в августе у ворот
Мне встретился мальчик русый,
он младше всего на год.

Мне ящерок в куртке носит
Он. Губы мои горят.
В ответ ничего не просит
и не выносит клятв.

КРАСНЫЙ СОК

Странный жизни отрезок.
Слава Богу, что скоро август.
Шишки рушатся в воду
у вымытого крыльца.

Из арабских подвесок
качается в доме парус,
тащит мой цыганёнок
на пруд купать жеребца.

Неземная расцветка
огромной в ночи собаки,
как крыло самолёта:
и страшно, и хорошо!

Я в тяжёлой футболке
отца поливаю маки.
Свет такой обалденный,
как будто бы снег пошел!

А в никольском саду
камни в нишах и сильный ветер.

В кухне жёлтое тесто,
забытый канвы кусок.

И сидят на полу
с золотыми глазами дети,
разбирают клубнику
и собирают сок,
и слушают плеск травы,
и думают, что счастливы...

БДЕНIE

Я проливала кожи молоко
в початок чая, в клавиши рассвета.
нас ничего друг к другу не влекло,
и больше не расстраивало это.

Не рассвело еще, но шерсть кота
таинственно мерцала в дыме комнат.
И голубь был соломинкой заколот,
и падала из глаз моих вода.

И голос твой стеной крапивы рос,
а был он мягче и роднее, вроде...
А я, заколку вынув из волос,
Подарок оставляла на комоде.

Но на щеках проклёвывалась соль,
как стук дождя и птичий клёкот будто.
Меня ничем на свете не неволь,
пожалуйста, когда наступит утро.

* * *

Вернешься на самом деле,
спокойный и просторный,
будто равнина в знойное лето.
Но будет не как в июне, а
сыро и где-то, местами, иней.

Ты будешь из крепких линий,
из стянутых капель
сплошного, дневного света.

Я буду под краном вазу споласкивать
под цветы
и наливать огни.

И без перерыва покатятся из любви,
сильнейшей обиды огромные слезы!
Так было их мне тяжело носить!

Так выглядят из земли
вырванные пионы.

А здесь что? Иконы, которым
передала тебя, когда расстались,
унылые саундтреки, закачанные
в плей-лист.
Мы были, дружище, варварами, эстетами быть
не пытались.
Ну, что ты стоишь, как в армии?
Иди и за нас молись!

ЮВЕНТА

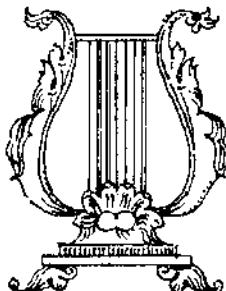
Окна — в шлюпки,
Окна — в сторону океана,
где торгуют камнями и рыбой,
где рисуют чертей хной.

Мое платье из синей ткани
из комода достала мама.
На рояле в гостиной — банка
с осьминогами и водой.

Пьет отец из рыбацкой кружки,
пивом капая в «Коммерсанта»,
и на плавках его разводы
от лучистой морской воды.

Вшит в купальник дымок ракушки.
Я ныряю в тепло заката,
и плыву над пиратской бездной,
и не жду никакой беды.

КЛУБ
ПРОЗАИКОВ
«РостОК»

Дмитрий БАРАНОВ

СЛОН НА ЛЮСТРЕ

Короткие рассказы

Кирилл вбежал в подъезд, оставив на улице утро — зимнее, колкое. Прокисшей улыбкой приветствовала его заспанная консьержка. После получасовых переговоров тетка наконец-то отдала ему ключи от снятой квартиры.

Промучившись с замком, как ему показалось, ещё четверть миллиниума, Кирилл наконец ввалился внутрь, бросил у входа дорожные сумки, скинул тяжелую обувь, близоруко огляделся... и плюхнулся в постель, не раздеваясь — в джинсах и свитере. А сверху на него плюхнулась усталость и с комфортом развалилась на его ноющих костях.

Окна в этой чужой квартире были завешаны плотной тканью. Кирилл провёл пальцами по густому сумраку. И необычайная тишина... А в метро был такой шум и гам — караул! Уже светало, тоненький луч нашёл дырку в шторе — видимо, прожженнюю сигаретой: заплясала в луче света пыль. Кирилл заснул на старой, шаткой кровати, и ему приснился бал, который вполне мог быть лет двести назад, и все на этом балу, в том числе и он сам, танцевали мазурку.

...Очнувшись поздним утром, Кирилл лишь спустя минуту осознал, что он далеко-далеко, в большом чужом городе. И тут же понял, что уже опаздывает, что его ждут очень серьезные люди, — и мысли забегали, словно жильцы в полыхающем доме. Натянул обувь. Выбежал, громко хлопнув дверью. Затормозил на ходу. Вернулся. Запер дверь. И снова — галопом по коридору. Швырнул ключ на стол — тётка куда-то отошла.

ПРОЗА

И в таком ритме весь день: обычная командировка. Встречи, подписание документов. Чужой город, и ты, приезжий, мечешься, как лосось во время нереста. Цепляешься к прохожим: «Подскажите, как дойти туда-то?... А не знаете, на этой маршрутке доеду?» Проклятый квест! А главное, ты одинок — народ снует вокруг, но всем наплевать, что с тобой. Предположим, тыфу-тыфу-тыфу, рухнешь в грязную кашицу под ногами и не удастся встать сразу, так осудят: мол, пьяный, — и так у нас везде!

С этими мрачными мыслями Кирилл ушел утром и вернулся в свою квартиру поздно вечером. За день суэты, бесед с официальными лицами и матюков про себя эта неуютная комната показалась родной. Родной — в сравнении с заснеженными пейзажами чужих улиц. А завтра — через тысячу километров домой, туда, где знакомы все здания, магазины и даже продавцы во многих из них. И на перроне привычными виноватыми улыбками встретят проблемы, прижимаясь друг к другу, как члены одной большой семьи. Они будут потихоньку догонять тебя, пока ты тащиш сумки домой.

После этих размышлений на Кирилла что-то нашло. Он достал из кармана пуховика чёрный маркер и, встав на тумбочку, нарисовал на люстре слона — на шаровидной, похожей на теплую планету люстре, на верхнем ее полуширении, которое снизу не видно. Не взрослого слона нарисовал, а одинокого маленького слоненка — не больше майского жука. Потом лёг в одежду на заправленную постель, накрылся пуховиком и ненадолго, с каким-то приятным успокоением, закрыл глаза.

…Следующим колким зимним утром он укатил домой, а слон остался жить на люстре. В эту квартиру после вселялись и выселялись из нее разные люди — сотни мужчин и женщин. Эти люди так же, как Кирилл, сновали по городу, вызывали к прохожим, плутали, садились не на те маршруты, несли в себе одиночество и усталость, ругались вслух и про себя… Все они возвращались вечером в это жилье, как на свою тихую, пусть временную, родину. И ни один из новых обитателей не замечал слона. А он спокойно пасся на другой стороне искусственного солнца и легко мог спрыгнуть кому-нибудь на маковку. Но никому не становились эти стены ближе и роднее, чем когда-то покинувшему их Кириллу, никому: ведь о маленьком слоне на люстре знал только он — тот, кто его там навсегда поселил.

ОДИН

Недавно прошел дождик — тёплый, быстрый. Сразу же после него выглянуло солнце, и все засияло: первая весенняя трава, скамейки, машины, стоящие во дворе, осколки бутылок, лысины и линзы очков прохожих. Прихрамывая на правую ногу, из подъезда вышел мужчина в заношенном сером плаще. Его звали Антон Сергеевич Чулков. Глуповатая фамилия странным образом вязалась с его высокой, сутуловатой фигурой, с вечно красным вытянутым лицом, с одичальным взглядом человека, который давно живет один.

Так вот, Чулков вышел из подъезда и, щурясь, пошел по грязи к скамейке. Не раздумывая, сел на мокре дерево и запустил руку внутрь плаща. Поша-

рив, достал из-за пазухи чекушку и одноразовый стаканчик. Наполнив половину, он выпил и причмокнул. Погодя, Чулков решил повторить. Налил, но, прежде чем осушить, вытянул руку со стаканом так, чтобы сквозь пластмассу и водку проходили солнечные лучики, и, несколько секунд полюбовавшись бликами, выпил.

Как муравьи из муравейника, люди из бетонных коробок повылезали на свет. В такие минуты, когда дождь только кончился и всё забрызгано солнцем, люди действительно приятны — они выходят на улицу не ради своих дел, а чтобы тоже принять лицом эти брызги.

Глядя на прохожих, Антон Сергеевич выпил ещё. Теперь он находился в состоянии откровенности с самим собой, которое возникало в промежуток между трезвостью и основательным опьянением. Еще стакан — и у него начнутся приливы злости, вызванные какими-то прошедшими событиями, что вспоминаются и сразу забываются, а злость остается — за приливом не следует отлив. Но сейчас и был тот самый момент откровенности, момент сентиментальности, момент, похожий на пруд, усеянный опавшими листьями, освещаемый лунным светом.

По дорожке мимо Чулкова прошла молодая пара. Парень держал девушку за талию, а она умудрялась на ходу целовать его в шею. Чулкову пришли в голову полуслыханные, пока еще неотчётливые мысли: «Милые они... Вот бы и мне так... вот бы и меня так же... не как женщина мужчину... и ничего огромненького... а просто так, ни за что... просто чувствительность... тепла каждому хочется». Молодые скрылись за домом.

По этой же дорожке мимо Антона Сергеевича проковыляла, не наступая на подогнутоую лапу, промокшая дворняжка. Видно было, что, в отличие от людей, во время дождя собака находилась на улице — грязная её шерсть свисала сосульками. Чулков засвистел ей и поманил руками. Собака оглянулась, понюхала землю и подошла. Чулков показал собаке ладонь, она посмотрела на нее и коснулась пальцев носом. В каком-то порыве он принял гладить, ласкать собачонку, как гладят и ласкают, успокаивают ушибленную коленку, пачкая свои руки об её липкую шерсть. Собака легла возле его ног, не подавая признаков отторжения или симпатии. Казалось, она уснула. А Чулков все водил рукой по ее мокрой спине.

Настал вечер, улица перестала блестеть, Чулков встал с лавочки и, согнувшись, похромал домой, а за ним в его обшарпанную квартиру, поджав заднюю перебитую лапу, поковыляла собака.

Лариса БОНЦЕВИЧ

КВАРТИРАНТ

Рассказ

Элла Андреевна осталась совсем одна. Четыре года назад схоронила отца, а вот сегодня и по матери сороковины справила. Говорят, что после сорока дней на душе легче становится... Вряд ли ей когда-нибудь вообще станет

легче. Не с чего легчать-то! Ей сорок восемь, у подружек уже внучата стишки лепечут, а у неё даже племянников нет. Приятельница Наталья всё советовала завести кота или собачку, но Элла Андреевна даже думать об этом не хотела. Она боялась, что придётся когда-нибудь хоронить их.

Она вошла в комнату матери и сдёрнула простыню с трюмо. В зеркале сразу же появилась женщина в тёмно-синем платье, не старая ещё, в общем-то, женщина и не уродливая. Элла Андреевна вздохнула и отвернулась от зеркала.

Она всегда удивлялась, почему её никто не выбрал. Воспитанная Элечка из хорошей, обеспеченной семьи, далеко не дурнушка и не глупышка, а вот поди ж ты — одна. Не то чтобы никто и никогда не смотрел в её сторону, нет, время от времени кто-то ею интересовался, но всегда недолго. Она силилась понять и не понимала, чем же она отпугивала от себя мужчин. Мать говорила — не судьба...

Угнетала Эллу Андреевну «не судьба»! И работа мало радости приносила — хоть и неплохо оплачиваемая, но нудная. Элла Андреевна служила главным экономистом на консервной фабрике.

Поздно вечером позвонила двоюродная сестра из Калуги. Элла Андреевна звонку обрадовалась и начала подробно рассказывать родственнице, как достойно справила она нынче поминки, и сколько было гостей, и кто как себя вёл, сколько съел и выпил. Та выслушала, а потом спросила, каково ей одной в трёхкомнатной квартире.

— А ты как думаешь? Тошно!

— Собаку заведи!

— Не хочу.

— Ну, тогда хоть квартирантов пусти. И не одна будешь, и деньги всё-таки...

Только с рекомендацией чтобы или через бюро.

Улёгшись в постель, Элла Андреевна начала обдумывать идею калужской родственницы насчёт квартирантов. Целую семью пустить — нет уж, больно хлопотно и шумно. А вот одного человечка — почему бы и нет? В её доме некоторые жильцы студентам комнаты сдавали. Университет-то — вон он, на соседней улице.

На следующий день Элла Андреевна поделилась своими соображениями с подружкой Натальей. Та одобрила и даже взялась помочь: у какой-то её деревенской родственницы — семидесят седьмой воды — сын недавно на первый курс поступил, а с общежитием что-то не очень выходит.

...На пороге стояли двое — сурововатый мужчина с вузовским ромбиком на лацкане старомодного пиджака и его сын, мальчик совсем ещё, глазастенький, симпатичный. Договорились они с Эллой Андреевной быстро. Плату за комнату она назначила куда дешевле, чем по городу просили. А мужчина обещал хозяйку за такую доброту картошечкой снабжать, капусткой да грибками солёными.

Квартиранта звали Мишой. Он тосковал в городе, не успев ещё обзавестись друзьями, и Элла Андреевна старалась, как могла, его развлечь. Они вместе ходили в музеи, в зоопарк и цирк. В этих заведениях Элла Андреевна сама давно не была и вдруг с удивлением поняла, насколько интереснее ей

стало жить с квартирантом. Миша, сын сельских учителей, оказался парнишкой благовоспитанным, до ученья дотошным и аккуратным. Никогда не спорил с хозяйкой, бегал по её просьбам то в магазин, то в аптеку. Элла Андреевна нарадоваться не могла. За полгода она так прикипела к Мише, что тряслась за него не меньше, чем родная мамка.

У квартиранта началась первая в жизни сессия. Миша ещё только ноги с кровати свешивал, а в кухне на столе его уже ждали гречневая каша, свиная отбивная и горячее какао в глиняной кружке. Элла Андреевна полагала, что лучшего завтрака для заморенного учёбой ребёнка не бывает. А вскоре и уверилась в этом — Миша после её угощенья всё сдавал только на «отлично». Наступающие каникулы они вместе вечером обмыли игристым вином, а утром квартирант уехал к себе домой.

Элла Андреевна весь день медленно тонула в болоте тоски. И дело было вовсе не в том, что она опять осталась на какое-то время одна, — Миша обмолвился, что ему, как отличнику, должны теперь дать место в общежитии. Вроде правило в университете такое. Очень не обрадовало Эллу Андреевну такое правило! Конечно, не проблема и другого, нового квартиранта найти, но она даже представить себе не могла, что вместо Миши у неё может поселиться кто-то другой. Она этого «кого-то» уже заранее ненавидела. И тут Эллу Андреевну осенило. Она набрала номер Мишиного отца, но трубку взяла мать. Элла Андреевна поинтересовалась, как доехал сын.

— Спасибо, хорошо доехал. Вот с дискотеки из клуба вернётся — я его отругаю, что вам не позвонил. Такую хозяйку уважать надо!

То, что Миша где-то сейчас танцует, почему-то обидело Эллу Андреевну. Умом понимала, что глупо мальчишку ревновать, но на душе будто чирей выскочил. Нет, она не воспринимала своего квартиранта как мужчину, Боже упаси! Так почему вдруг ревность?

Мишина мать меж тем всё говорила что-то в трубку. Элла Андреевна вежливо её перебила:

— Я вам, Татьяна Петровна, собственно, вот почему звоню. Миша сказал, что ему койку в общежитии дают. Это, конечно, очень дёшево вам обойдётся, но может так стать, что и, наоборот, слишком дорого. В этих общагах каждый второй или наркоман, или проститутка. А пьют, почитай, все. Вы знаете, я женщина не бедная и не скрываю, что Мишу на квартиру пустила не из-за денег. Страшно одной, если честно. Так вот, я согласна больше ни копейки с вашего сына не брать, и пусть он у меня до конца учёбы живёт. Только овощи подвозите, очень уж картошка у вас хорошая.

— Элла Андреевна! Да неужели ещё остались на свете такие добрые люди? Вот Мишке повезло! Конечно, нам с отцом куда спокойнее, если он при вас останется. Уж я с ним поговорю!

Элла Андреевна счастливо кружилась по комнате и иногда налетала на стулья.

С каникул Миша вернулся какой-то другой. Подрос, что ли... Дома ему подарили деньги на новый ноутбук, и в ближайший выходной они вместе с Эллой Андреевной отправились по магазинам. На ту модель, что приглянулась Мише, денег немного не хватало. И Элла Андреевна доплатила. А потом потащила парнишку в обувной салон и заставила примерить модные ботинки. Миша отнекивался, но хозяйка сказала, что хочется ей сделать ему подарок за такую отличную учёбу. И что обидится, если Миша подарка не примет. Элла Андреевна едва счастливую слезу не пустила, когда продавщица подлетела к ней со штабелем коробок и затараторила:

— Не волнуйтесь, мамочка, обязательно такому симпатичному сыночку обувь подберём!

К Мише стали захаживать ребята. Элла Андреевна незаметно, но прилично их разглядывала. Угощала пирожками и ласково высматривала, как зовут, где учатся, кто родители. Вроде ничего парни, подходящие, с универа... Ладно, пускай дружат! Иногда Миша возвращался довольно поздно, и от него припахивало, как от их фабричного завхоза Гнидкина. Миша не таился:

— Простите, тётя Эль, по кружечке пивка с ребятами дёрнули.

— Смотри у меня! Давай спать иди уже.

Однажды у Эллы Андреевны сорвало на кухне кран. Она тут же стала набирать номер жилконторы, но Миша отнял у неё трубку:

— Тё-ёт Эль, вы меня позорите! Я же всё-таки будущий инженер-механик. Сам починю!

Элла Андреевна беспокоилась за Мишу — ох, не ту специальность выбрал! Кому инженеры нужны, когда ни один завод толком не работает! Хотя и так понятно: на мехфаке бюджетных мест больше и конкурса не было, вот и подал документы. После деревенской школы и без денег страшновато ведь на престижные факультеты соваться. Ну да должно же время настать, когда и инженеры в чести будут. А нет — так она сама Мише любой нужный диплом купит, не разорится. Однажды она заговорила с Мишой на эту тему вслух и просто растерялась, когда услышала:

— Не, тётя Эль, я по любви поступал — с детства по подъёмным кранам тащусь!

К четвёртому курсу Миша стал выглядеть совсем взрослым. Элла Андреевна начала задумываться о том, что пора парню невесту хорошую подыскивать. Такая на примете у неё была. Как-то встретила Элла Андреевна на улице однокурсницу свою, Женьку Моргушко. Женька выглядела потрясающе — белые штаны на литой заднице, щеки из ботокса и полновесные караты в ушах. Дамы уселись в кафе, и Элла Андреевна узнала, что у Моргушки три собственных магазина и большой коттедж, в котором они живут вдвоём с дочкой-студенткой. Но не всё так хорошо, как кажется: не везёт ей девке с парнями!

— Ты представляешь, Эль, ну нет нормальных! То одного недотепу Илонка моя подцепит, то другого. Водоросли какие-то! А мне зять-помощник нужен, мужик, чтоб с башкой и руками!

Тут Элла Андреевна и рассказала про своего квартиранта. Моргушко живо заинтересовалась и пригласила их обоих в гости, в любое время, когда захотят.

После роскошных посиделок у Женьки Элла Андреевна спросила Мишу:

— Как тебе Илона?

— Хорошая девочка.

Больше он ничего не сказал.

Незадолго до Нового года Миша попросил разрешения провести праздник с друзьями на квартире Эллы Андреевны.

— Без проблем! А Илона будет?

— Илона? Да нет, она звонила и сказала, что на неделю уезжает в Финляндию.

— Миш, а как у вас ней, если не секрет?

— Дружим. С Илоной интересно поболтать.

Поболтать... Ну, ничего, авось не только до поболтать дело дойдёт.

Тридцать первого дня в дверь позвонили. На пороге стояли две девчушки с большими пакетами в руках. Миша выскочил из своей комнаты:

— Тётя Эля, познакомьтесь, это Настя и Катя, обе с медицинского. Они на стол готовить заранее пришли.

Катя и Миша возились с ёлкой, а Настя с Эллой Андреевной крошили салаты в кухне. Настя, светлорусая девушка с доверчивыми синими глазами, охотно отвечала хозяйке на все её расспросы. Элла Андреевна узнала, что с Мишой Настя познакомилась совсем недавно на автовокзале, когда они на одной скамейке ждали автобусов, каждый своего.

— Так ты не из города?

— Нет, я из Новорайского.

— Из староверов, что ли?

Элла Андреевна слышала про Новорайское, большое старообрядческое село на задворках области. Ещё слышала, что жители там не такие, как все, — не пьют, не курят и строги уж очень.

— А разве староверы — не люди?

— Да нет, что ты... Просто удивилась. Как же это тебя в город одну отпустили?

— А меня сначала и не отпускали! Отец у меня не вот уж какой фанат веры, но суров, еле упросила! Нас у него шестеро, а дочка только я одна. Трудно маме без помощницы! Но сейчас время всё-таки другое, и у нас многие в городах учатся. Ой, если бы отец узнал, что я сама к парню в гости пришла, прибил бы!

— Да не узнает он. Майонеза вы маловато принесли, возьми ещё в холодильнике.

К одиннадцати подтянулись и остальные гости. За столом Элла Андреевна посидела немного со всеми, президента послушала, под куранты бокал осушила, а потом деликатно ушла к себе. Только один раз в полутёмную гостиную ночью заглянула. Миша танцевал с Настей.

Через несколько дней на стене комнаты квартиранта появилась Настина фотография в багетной рамочке.

— Миша, хороший мой, ты не влюбился?

— Тётя Эль, я о таких вещах никому не рассказываю, но вам можно. Жить без Настюхи не могу!

— А она?

— И она! Отличная девчонка, правда?

— Да вроде неплохая... Только ей родители за тебя выйти не позволят!

— А, это не проблема — в их церкви обвенчаемся, мне-то всё равно.

Но Элле Андреевне было не всё равно! Миша глуп, молод и от этого глуп.

Что это ещё за Настя — деревенская лохушка из многодетной семьи! Да от неё коровой за километр несёт! Намается с ней и родственничками её Мишенька! Надо срочно что-то делать, покуда далеко у них не зашло...

В обеденный перерыв Элла Андреевна побежала на почту. У витрины с открытками и конвертами долго рассматривала картинки, а потом попросила продать ей бумажный конвертик с умильными котятами. После обеда, запершись в кабинете, она что-то набирала на клавиатуре, читала, отправляла на принтер, снова читала, рвала бумагу и опять шлепала по клавишам. Наконец перед ней лежал прочно заклеенный конверт с чётким адресом: «Главе администрации Новорайского сельсовета»...

Однажды Миша пришёл домой, что называется, без лица. Элла Андреевна тут же к нему с расспросами кинулась. Но Миша только рукой махнул и ушёл к себе. Хозяйка не отставала:

— Миша, у тебя что-то случилось! С Настей поссорился?

— Уж лучше бы поссорился! Увёз отец Настю из города! И документы забрать в деканате заставил!

— Да как же это?

— А вот так! Настенька мне позвонить исхитрилась. Представляете, тётя Эль, какая-то падаль в Новорайское письмо прислала, в сельсовет. Опозорила девчонку на всё село — вроде того, ваша землячка проституцией в городе занялась! Это Настя-то! А отец её, козёл, вместо того чтобы дочери поверить, такое учинил! Настю побил и теперь грозится в Краснодарский край к родне отправить, от слухов подальше...

— Да кто же мог такое письмо написать?

— Догадываюсь... Наверняка Катька, подружка её дорогая. Она сама ко мне kleится. Только доказать я ничего не могу. Катька воет и клянётся, что не она...

— Бывают же подлецы! Ну ты, Миш, успокойся немножко. Коньячку прими. Вот увидишь, всё утрясётся, наладится.

Она подсела рядышком, обняла парня и что-то шептала и шептала ему в ухо...

Наутро Миша выглядел куда бодрее, и Элла Андреевна этому обрадовалась. Ничего, переживёт... В следующие дни и недели квартирант вёл себя так, будто ничего и не произошло. Ходил на занятия, болтал с хозяйкой. Даже повеселел вроде. Ну вот, а то: «любовь, жить не могу»...

В один из вечеров Элла Андреевна вернулась с работы пораньше. В прихожей стояла большая спортивная сумка квартиранта.

— Миш, домой собрался, что ли, съездить?

Миша выглянул из своей комнаты.

— А, тётя Эль, пришли уже? Вот хорошо! Да нет, не домой. Еду в Краснодарский край, за Настей! Через два часа поезд отходит, я уже билет купил.

Элла Андреевна, сама себя не слыша, только и спросила:

— А как же учёба, Миша?..

— Учёбу не бросаю! На заочный перевёлся. А работу через Инет подыскал, на Урале. Со служебным жильём. Не хотим мы оба в вашем городе больше оставаться!

— А родители, твои и её, — они-то на это как?

— Мои — нормально. А Настины... Куда они денутся! Я с её папашкой крутой разговор имел. Вроде понял кое-что... И Илонка помогла — дала взаймы на обустройство. Так что спасибо вам, милая моя тётя Эля, за всё! Золотой вы человек! Будете теперь к нам в гости на Урал приезжать, когда пожелаете! Как родную примем! Звоните!

Миша подхватил сумку и лихо, через ступеньку, поскакал по лестнице вниз. А Элла Андреевна всё стояла и стояла у открытой двери, будто ждала, что её Мишенька сейчас одумается и вернётся...

Никита ДАВЫДОВ

ЗОЛОТО КУМИРОВ

Рассказ

Любая шутка может запросто превратиться в оборотня и пожрать всех вокруг. Хорошее дело может обернуться котлетой из капусты. Надежда может однажды повести себя как продажная девка. Жизнь может обернуться разглагольствующим тупорытым начальником, тоже обратном.

Его называли в ток-шоу!

И кто? Великий Панов, звезда телезфира, ведущий самого популярного шоу в стране!

Причем назвал четко, раздельно и даже не один раз: Горков, Горков.

Это он — Горков.

Панов сыпал остротами и импровизациями ловко, несмотря на поводок продюсера — микрофон в ухе. И, приводя в пример какого-то гипотетического человека, назвал Горкова.

И фамилию, и имя, и отчество. Отчётливо, глядя прямо в камеру. Как обычно ссылаются на Иванова Ивана Ивановича. Но для Панова это было бы слишком просто, не такой это человек.

Индивидуальный предприниматель Горков с силой хлопнул по подлокотникам кожаного кресла и засмеялся. Звук напоминал хлопок пробки от шам-

панского и одновременно звук пощёчины, и супруга Горкова Анна заглянула в гостиную, прижимая плечом телефонную трубку к уху.

На шум даже прибежал из своей комнаты испуганный Алёшка, сын. Ему показалось, что отец занялся его кожаной боксёрской «грушей».

— Что случилось?!

И тут умница Панов ещё раз, на бис, как по заказу, при всех повторил имя — то же самое — и не ошибся ни в слове: «Горков Георгий Георгиевич».

Супруга сделала непонимающие глаза и скрылась.

Алёшка задержался.

— Прикинь, сын! Круто, да?

Сын Алёшка обеспокоенно оглядел гостиную в поисках «груши» и, не найдя её, так же молча вышел. Телевизор его вообще мало интересовал.

Горков с удовольствием потирал руки. Сюрприз! Бывают же такие совпадения, но кому-то же должно было повезти.

Его сравнили, может быть, с кем-то не очень умным, зато такой человек!

«Можно бы подать на него в суд, — задумался Горков. — О защите чести и достоинства, а? Денег у этого шоумена навалом — медийная звезда, кумир, идол. Его домик в Испании все видели по телеку, в «плазму» не поместился. И хоть сейчас у него, говорят, не самые лучшие времена (развод, делёжка, жёлтая пресса), но наверняка у него на счетах завалялись миллионы».

И у самого Горкова сейчас были временные трудности. Не то чтобы он сам не справится — налоговики, пожарники, как говорится, приходят и уходят, — просто помочь никак не повредит.

Горков проконсультировался с кем надо. С помощью Алёшки, двенадцатилетнего хакера, проштудировал интернет-форумы, касающиеся данной тематики.

После чего Горков благополучно подал на Панова в суд иск о защите чести и достоинства.

Заседание суда было открытым. Впрочем, ответчик в суд не явился, интересы представлял адвокат. Многочисленные журналисты остались, таким образом, ни с чем. Фотографировать истца не было никакого смысла, даже на портретных снимках он казался случайно попавшим в кадр.

Горков сидел с невинным видом, потупив взор.

Судья Пискунов славился своими размашистыми приговорами, невзирая на лица, ему было все равно, звезда перед ним или богема. Горков этого не знал. Не знал он и того, что когда-то Пискунов был акционером банка, с которым долго и нудно судился Панов. Банк, а следовательно, и все его акционеры тогда много потеряли.

Горков всего этого не знал и даже не догадывался.

Поэтому, когда судья, не особо размышая, сходу удовлетворил его иск в полном объёме, Горков только скорбно сжал губы.

Против Панова сыграло ещё и то, что, желая повыпендриваться, не иначе, он не ограничился каким-нибудь «Иван Иванычем Ивановым» или «Хрюки-

ным», которые никогда претензий не имели, а полез дальше — и вот схлопотал по голове. Суд решил, что такое имя совпадением быть не может.

После всех апелляций, которые ответчики проиграли, Горков получил сколько ему полагалось. Жизнь стала налаживаться, и к нему вернулось финансовое благополучие. Дела у его предприятия пошли просто здорово. Жена была довольна, сын получил за помощь новую игру «GTA».

...В декабре, за несколько дней до Нового года, к ним в город нагрянул целый десант звёзд. Билеты были безумно дорогие. В этом году город отмечал юбилей, в связи с чем большие деньги были потрачены на украшение и празднование. Ради юбилея пришлось отказаться даже от футбольного клуба, который весьма неважно выступал в чемпионате. Игровики «расползались» по соседним регионам.

Новый концертный зал, выстроенный к юбилею города, был битком.

В десанте был и Панов.

И Горков купил им с женой билеты в первый ряд. Пришлось заказать себе дорогой костюм специально для этого случая, но что деньги, когда ты среди таких людей!

Они с женой отлично провели эти два с половиной часа, особенно Горков, отдаввшись настроению праздника, веселья и лёгкости счастья.

Панов вёл весь концерт, сыпал остротами и обаянием, а порой и «проезжался» по коллегам, как только он один умел это делать. Зал встречал каждую его остроту и даже каждое его появление аплодисментами. Понятно: Панов был «мегазвездой» и один мог затмить весь блеск фонограммных артистов.

Пару раз Горкову удалось поймать его взгляд. Он даже думал, что Панов его узнал. Было у него такое чувство. Когда ты в первом ряду, все смотрят на тебя. Хотя любой знает, что артист со сцены ничего не видит. Но ему хотелось думать, что между ними есть некая связь, секрет, известный только им одним. Горков держал в руке программку, за которую пришлось отдельно заплатить.

Жена тоже была на седьмом небе, она ещё не успела привыкнуть к такой светской жизни.

После концерта купившие билеты в первый ряд были приглашены на коктейль со «звёздами». Приглашение было и на их билетах.

Горков с волнением ждал момента, когда он сможет подойти к Панову и пообщаться лично. Во время суда и апелляции им это так и не удалось. И, конечно, получить автограф. Он даже купил ненужный буклет, который продавался в вестибюле.

Губернатор и прочие с ним начали выпивать, и индивидуальный предприниматель смог пробиться на расстояние вытянутой руки...

Он отметил: на нём костюм ничем не хуже. Конечно, Панов носит его с особым блеском и шиком — на то он и «звезда».

Горков первым протянул руку.

Панов пожал её.

«Неделю мыть не буду», — пошутил про себя предприниматель.

— Георгий Горков, — представился.

Панов собирался уже... Взгляд его, наконец, остановился на Горкове.

— Я поклонник вашего таланта, — произнёс Горков заранее заготовленную фразу. Так было принято обращаться к «звездам», он знал это. — Для меня огромная честь пожать вашу руку, — продолжал он. Эти экранные кумиры — они такие натуры, им требуется особый этикет. — Я всегда смотрю ваше шоу.

Панов силился вспомнить, где он видел этого типа, стоящего перед ним: хоть и в дорогом костюме, а... И, напрягшись, он вспомнил: видел этого типа в зале, в первом ряду. Да, и симпатичную женщину рядом с ним. Напрасно те, кто занимают первые ряды, думают, что их не видят. Он пялился на сцену с такой же точно улыбкой. Панов ещё тогда подумал: идиот из администрации или олигархов средней ноги. И что-то ещё, какая-то мыслишка вертелась в голове, неуловимая, как комар в ночи.

Горков разливался в комплиментах. И где он понабрался этих пошлостей?

Всё-таки это было приятно, как начало массажа, пока ты ещё не совсем расслаблен, а умелые руки любимой массажистки приступают к лепке из твоего тела «огурчика». Панов чуть не закатил глаза, но тут заметил, что этот тип протягивает ему весёленькую программку для автографа. Чего массажистки не делают.

Предвкушая скорый конец этого затянувшегося вечера и блаженный отдых в своих апартаментах, Панов выдавил улыбку и достал свою ручку.

— Кому подписать?

— Георгию Горкову. От Константина Панова.

Панов чиркнул. И тут рука его застыла. Он вспомнил. Вспомнил, кто этот человек на самом деле. Не лицо, а имя.

Он опустил руку с программкой. И на всякий случай щёлкнул ручкой. Увидел, как тот моргнул.

— Так это ты? — могильным голосом сказал Панов.

Улыбка на лице Горкова на миг застыла, побледнела, но тут же опять стала такой же идиотской. Он кивнул:

— Я!

Панов подался к нему, слегка, но всем телом. И раздельно произнёс:

— Пошёл к такой-то матери от меня, сволочь.

Скомканная одним движением красная программка полетела на пол.

Улыбка сходила с лица Горкова, как сходит по лестнице человек, которому некуда идти.

Затем он нагнулся и поднял скомканный глянцевый листок с пола. Прижимая к себе, пряча, словно нашёл деньги, он вышел из празднично убранного концертного зала. Всюду толкалась молодёжь, наглая, ещё не осознающая, в чём сила.

Жена побежала за ним.

Следующим вечером, как и всегда, Горков смотрел по огромному телевизору шоу Панова. Жена рядом с ним, она почему-то не была занята телефонными переговорами. Впервые за много времени они так хорошо провели вечер вместе.

Панов был, как всегда, великолепен.

Зинаида ПУРИС

ALLES IST GUT

Рассказ

В квартире у Лидии Эмильевны осталось только одно зеркало — оно висело в прихожей, не вызывая никакого интереса у своей хозяйки. Лидия Эмильевна не обращала на него внимания, не замирала, случайно наткнувшись взглядом на свое отражение, не таращила в него глаза, накладывая на ресницы дорогую французскую тушь. Она давно не красила ресницы. Три года назад это был ежедневный ритуал, а сейчас и тушь, и помада, и другие дамские игрушки перестали иметь к ней отношение и никак не сочетались с ее теперешним состоянием. Иногда ей казалось, что той благополучной жизни, которая была три года назад, не было никогда, временами фантастической и невероятной представлялась жизнь, начавшаяся потом, и практически постоянно голодали сомнения, живет ли она сейчас.

С недавних пор она начала посещать церковь. Никто в храме не спрашивал ее, тверда ли она в вере, да она и не могла бы ответить на этот вопрос. «Бог милосерд», — говорил священник, Лидия Эмильевна вторила про себя: «Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный», но сама не испытывала нужды ни в человеколюбии, ни в милости. Она ни о чем не просила Бога и ходила в церковь каждое утро как на работу. Старушка-служительница время от времени хвалила ее за усердие: «Господь услышит твою молитву, и будет тебе утешение». Лидия Эмильевна согласно улыбалась, но об утешении не просила тоже — ей казалось, это все равно что просить у него безумия.

На обратном пути из церкви она покупала хлеб и молоко, оплачивала счета, делала заявки в ЖЭУ. На том же маршруте встречала знакомых, здоровалась или вежливо кивала. Бывало, что останавливалась, выслушивала чужие истории, но, когда начинались вопросы, уходила не попрощавшись.

Она жила одинокой жизнью, избегая общения с подругами, родственниками и соседями. Ей были одинаково неприятны и их натужный оптимизм, и лицемерная скорбь. От воспоминаний спасалась уборкой, ежедневно отмывая квартиру до хирургической чистоты, и всякий раз, когда оставалась без дела, читала молитвы. Еще пробовала читать стихи, но стихи не помогали, не отсекали воспоминания от памяти.

Сегодня ее окликнул знакомый голос. Знакомый, но забытый. Окликнул по фамилии, тоже забытой, девичьей:

— Аллес, это ты, что ли?

Лидия Эмильевна остановилась. Невысокий мужчина, поджарый, в спортивной куртке, смотрел на нее и улыбался.

— Аллес, ты что, не узнаешь меня?

Она узнала. Тихонов Витька — герой ее самого первого романа. Это он когда-то давным-давно, завидев ее издалека, показывал большой палец и орал: «Аллес ист гут!» А она ловила на себе завистливые взгляды подружек и розовела от удовольствия.

— Я сдал свой супружеский билет и вернулся на малую родину, — докладывал Витька. — Так что я опять мальчик на выданье, и опять живу с родителями. Мать ругается: дожил, говорит, до седых волос, и ни кола, ни дворя... А ты как, с Юркой?

— Нет, мы разошлись.

— Давно?

— Недавно.

На самом деле они не расходились. Разойтись — значит, пойти в разные стороны, а она никуда не уходила, осталась на месте, ушел только муж.

Витька выразил желание посмотреть на дом, в котором она живет. Поддергивая ее за локоть, он шел рядом и рассказывал о себе. Ее удивило, что он стал выше ростом, потом догадалась, что причина в каблуках — в юности она носила очень высокие каблуки.

У подъезда Витька отпустил ее руку.

— А дети? Дети с тобой?

Она отрицательно покачала головой.

— Это надо как-нибудь к тебе в гости ввалиться. Жди. Расскажешь, как дошла до жизни такой. А я буду под тебя клинья подбивать. Соблазню и женюсь. Слышишь, Аллес, по расчету женюсь. Перееду к тебе и решу свой жилищный вопрос.

Лидия Эмильевна усмехнулась и приложила ключ к домофону.

Дома она остановилась перед зеркалом и впервые за долгие годы внимательно рассмотрела свое отражение. Маленькое, словно усохшее, лицо; скучные, обтянутые тусклой, без морщин, но и без тени румянца кожей; поседевшие волосы, стянутые аптечной резинкой. Неудивительно, что Витька ни разу не сказал свое коронное «Аллес ист гут». Удивительно, как он ее вообще узнал?

Прошли времена, когда все вокруг, глядя на нее, замирали в восхищении, когда красота Лидии Эмильевны не производила впечатления разве что на Витькину мать, которая нехотя отвечала на ее заискивающее «здравствуйте» и с неодобрением косилась на слишком короткую юбку.

Сейчас она уже не помнила, чем все закончилось. Ни ссор, ни выяснения отношений, ни слез не было. Наверное, ее роман с Витькой просто растаял, растворился в очередных увлечениях. Тогда время было такое: всё в розовом свете, каждый пустяк сулил удовольствие и каждая новая любовь — главная.

Когда появился Юра, сразу было понятно, что он — муж. Серьезный и надежный, как каменная стена. У него была своя квартира, дача и дядя — заслуженный артист. Лидия Эмильевна с головой ушла в свое новое состояние жены и хозяйки: до блеска чистила окна и кастрюли, аккуратными стопками раскладывала по полкам белье и ежедневно вытирала пыль. Юра хвастал перед

друзьями исключительными способностями молодой жены, намекал на ее немецкие корни, а друзья считали своим долгом, обращаясь к ней, вворачивать в разговор немецкие словечки, значение которых она знала не всегда. Лидию Эмильевну это смущало. Немецким происхождением в их семье мог похвастать только отец, которого она последний раз видела в младенческом возрасте, в школе она учила английский и, чтобы не попадать впросак, записалась на курсы немецкого языка.

Родилась Машка, а через пять лет Алешка. Все закрутилось колесом — пленки, дача, магазины, работа, школа, уроки. Иногда колесо со скрипом останавливалось, и они шли в театр смотреть своего заслуженного дядю или мариновали в эмалированном ведре мясо для многочисленных мужниных друзей.

Она уже не гуляла по улицам «просто так», улыбаясь всем подряд глупой улыбкой. И только однажды, когда слепящее летнее солнце стёрло с ее лица взрослую озабоченность, ей показалось, что сейчас из окна проходящего автобуса высунется рука с поднятым большим пальцем и она услышит дерзкий мальчишеский крик: «Аллес ист гут!»

Всё было хорошо. Маленькую квартиру поменяли на большую, дача строилась, дети росли. Долговязая худосочная Машка и круглолицый упитанный Алешка. В семь лет он научился печь блины. С серьезным лицом стоял на табуретке рядом с плитой, большой ложкой наливал тесто на сковороду, брал в руки лопатку и терпеливо ждал, когда надо будет перевернуть блин. Алешка долго был самым маленьким в классе, а к тринадцати годам за одно лето догнал своих ровесников. Дочь тоже как-то враз округлилась, и ее подростковые комплексы сменились уверенностью в собственной неотразимости. Легко поступила в пединститут, появились новые подружки, а влюбленных мальчиков-одноклассников сменили настойчивые молодые мужчины. Машка почувствовала себя взрослой дамой, направо и налево раздавала мудрые советы и «учила жить»: «Родители, кончайте гробиться на этой даче, подумайте о своем здоровье». Или: «Алеша, брат, книжки надо читать, а не в телевизор плятиться». Алешка мало читал — больше гонял на велосипеде. А Машка читала в туалете, из-за чего иногда вспыхивали ссоры: «Туалет не библиотека, он существует для других нужд!» — «А я больше нигде не могу сосредоточиться — везде ваш телевизор!»

— *Alles war gut*, — вдруг сказала Лидия Эмильевна вслух и испугалась. Словно кто-то в пустой комнате мог ее услышать и уличить во лжи.

Под видимым «*gut*» уже тогда копилось невидимое «*schlecht*», а она не догадывалась, не чувствовала, не понимала... Если бы не крутилось колесо, если бы она не крутилась вместе с ним, не думая ни о чем, не видя ничего вокруг... Только полки, кастрюли, рубашки, полотенца, тарелки, банки, шкафы... Никаких пыльных углов, все должно сиять чистотой, во всем должен быть порядок. Антресоли — слабое звено в этой цепи, антресоли — раз в пятилетку. Они в туалете, высоко, навести в них порядок можно, только встав на унитаз. Коробки, ящики,

сломанная соковыжималка, много лет ожидающая ремонта. Похоже, она его не дождется. Лидия Эмильевна давно подумывала от нее избавиться. И не успела она примериться, каким образом снять увесистый прибор с такой высоты, как с антресолей на нее посыпались шприцы. Маленькие одноразовые шприцы — без упаковок, с угрожающе торчащими иглами. От неожиданности Лидия Эмильевна потеряла равновесие и едва не свалилась с унитаза. С недоумением переводила она взгляд с одного шприца на другой и не могла понять, откуда они взялись. Задрала голову, чтобы заглянуть в темную глубину антресолей и в это мгновенье почувствовала, как что-то шевельнулось в ее волосах. И тогда она закричала. Она тряслась головой, махала руками и, хотя шприц уже отцепился от волос и плавал в унитазе, все кричала, как заведенная, останавливаясь лишь для того, чтобы перевести дыхание. А когда ступила на кафельный пол и под ногой услышала хруст пласти массы, то закричала так, что сорвала голос.

Машка отрицала все. Она делала большие глаза и очень натурально врали, что не имеет понятия ни о каких шприцах. Так натурально, что Лидия Эмильевна готова была ей поверить. Машка почувствовала слабину и из обороны перешла в наступление:

— Ну вы даете, родители! Вы за кого меня принимаете? Я понимаю, что у вас родительский долг и все такое, но я ведь и обидеться могу.

Возмущение длилось недолго. Юра потребовал, чтобы она закатала руки, и Машка пошла в отказ. На лице у нее появилось незнакомое выражение, такое злобное и презрительное, что Лидии Эмильевне захотелось немедленно умереть или хотя бы потерять сознание.

Начался поиск хорошего нарколога и хорошего наркологического центра. Слово «хороший» вселяло надежду, что скоро все наладится и встанет на свои места. Вся это суэта — консультации, телефонные переговоры, встречи с врачами — каким-то странным образом примиряла с реальностью. Было ощущение, что все под контролем, что вот-вот — и эта ужасная история уйдет в прошлое, а там и вовсе будет забыта.

Машка сопротивлялась:

— Я не против лечения, я только за. Но ведь есть еще институт. Я загремлю в ваш центр, и как? И что? Скоро сессия. Я же все равно не буду колоться во время сессии: экзамены — дело серьезное. Какой смысл меня сейчас закрывать? После сессии — пожалуйста.

Благие намерения и рассудительные речи возымели действие. Лечение отложили, на разговоры о наркотиках и наркомании наложили временное табу, Лидия Эмильевна набила холодильник дорогими продуктами, чтобы в такое ответственное время, как экзаменационная сессия, поддержать пошатнувшееся здоровье дочери хорошим питанием.

Но скоро выяснилось, что никаких благих намерений у Машки не было и нет. Из дома начали пропадать деньги, а вместе с ними и она сама. Они с Юрий

разыскивали ее по всему городу, иногда находили, а один раз им удалось засунуть ее в платную клинику, откуда она сбежала на пятый день.

Муж изменился: обычно спокойный и уравновешенный, он стал раздражительным и злым. Он вел себя неправильно, Лидия Эмильевна так ему и говорила:

— Юра, ты неправильно себя ведешь.

И в ответ получала однообразное:

— Чья бы корова мычала!

Он орал на Машку всякий раз, когда та являлась домой, Машка огрызаясь, и он отвещивал ей оплеухи. Лидия Эмильевна оказалась меж двух огней, даже между трех. Она понимала, что Юра «не со зла», что ему больно видеть, как дочь на глазах превращается в чудовище, при этом она умирала от жалости к несчастной Машке, а главное, надо было как-то оградить Алешку от этого кошмара.

Когда Юры не было дома, Машка выпрашивала у Лидии Эмильевны деньги. Всегда просила небольшие и некруглые суммы — триста шестьдесят, пятьсот десять. Якобы на помаду или на колготки. Это было настоящее испытание. Машка ходила вокруг нее лисой, безостановочно молола какую-то чушь, чмокала в щеки, терлась носом о ее плечо. Лидия Эмильевна терялась в этом потоке просьб, дифирамбов и поцелуев и сдавалась, не найдя слов противостоять Машкиному напору. После чего та исчезала, а Лидия Эмильевна ночи напролет корила себя за мягкотелость.

Устояла она только один раз. Машка хлопнула дверью и ушла без денег, но прежде успела сказать слова, заставившие заглянуть в пропасть, на дне которой баражается ее родное дитя:

— Подавись своими деньгами! Они будут у меня через час! Желающих заплатить за минет более чем достаточно.

Было положено немало сил, чтобы о Машкином пристрастии не узнали родственники и друзья, хотя надежды, что такое «шило» можно утаить, было немного. Поэтому, когда Лидия Эмильевна стала ловить на себе сочувственные взгляды подруг, она насторожилась и, только встретив старую, со временем немецких курсов, знакомую, поняла, в чем дело.

— Скажи мне честно, ты больна? — спросила знакомая в лоб. — Ты ужасно выглядишь.

Лидия Эмильевна испытала облегчение, граничащее с радостью. Тот факт, что Машка пока вне подозрений, был единственной хорошей новостью за последнее время. Она с готовностью подтвердила опасения подруги, наврала, что сейчас проходит обследование, и на всякий случай добавила, что врачи пока ни в чем не уверены.

А через пару дней знакомая принесла ей распечатки молитв. Среди них несколько листков были с текстом на немецком языке. В ответ на вопросительный взгляд Лидии Эмильевны она сказала:

— Пусть будут. Это правильный перевод. В Гамбурге так молятся православные немцы. Ты тоже в какой-то мере немка. Вот и молись на всех языках — глядишь, что-нибудь и дойдет.

Зеркало из спальни перекочевало в кладовую, чтобы не отвлекало от главной цели, а Лидия Эмильевна принялась учить молитвы. Она читала их про себя, а когда дома никого не было, то и вслух.

Удивительно, но «оно» действительно «дошло». Однажды Машка пришла домой после недельного отсутствия и без своих обычных ужимок и фальшивого смирения попросилась в наркцентр. Ошарашенные, они с Юрай потеряли дар речи, а Машка добавила хриплым шепотом:

— Хотя бы на время ломки...

И опять закрутилось колесо. Они забегали по врачам, по клиникам. Машка безропотно соглашалась на все, не возражала, была кроткой, как никогда. Врачи ее хвалили, говорили, что у нее «направленность на излечение», и Лидию Эмильевну охватывала гордость за свою дочь — чувство, подзабытое со времен родительских собраний в школе.

Скоро раскрылась причина появления «направленности». Машке принесли повестку в суд. Она нехотя объяснила, в чем дело: ее подружка (мам, ну какая подружка — знакомая просто) нанесла многочисленные удары ножом девушке, у которой сама же и была в гостях (да эта девушка — вы бы на нее посмотрели — она тоже далеко не ангел). Подружка арестована, Машка проходит по делу свидетелем (пап, да они всех подряд в свидетели записывают).

Увидев, что родители онемели от шока, Машка решила разрядить обстановку:

— Представляете, у нее точно крыша поехала! Она же погорела на том, что уперла из квартиры целый чемодан барахла. Дивидишник допотопный, какой-то будильник сломанный, трусы нестиранные, даже тарелки. Представляете? Спрашивается, зачем ей этот хлам? У нее отчим богатый, он ее в деньгах никогда не ограничивал.

Они по-прежнему молчали, и Машка, разочарованная, что ее слова не произвели ожидаемого эффекта, закончила свои откровения как-то по-старушечки вяло:

— Не дай Бог до такого дойти.

Юра сомневался, что ее в ту ночь не было на месте преступления, Лидия Эмильевна возражала то ли ему, то ли самой себе:

— Зачем предполагать худшее? Неужели ты хочешь, чтобы твоя дочь оказалась убийцей?

Эта история надолго выбила их из колеи, но надежда, что Машка излечится, осталась и даже окрепла. Казалось, еще немного, и все станет на свои места, все будет хорошо.

Лидия Эмильевна тяжело задумалась. Могла ли она что-то изменить, если бы понимала, к чему все идет, смогла бы преодолеть судьбу? Или как заслуженный дядя опять сыграла бы свою роль, не изменив в ней ни одного слова?

Она давно не вспоминала свое семейное житье. Однажды запретила себе и всё. Когда не могла справиться, начинала читать молитвы. Молитвы оттесняли воспоминания, и становилось легче. Вот и сейчас память начала подсказывать знакомые слова:

— Пресвятая Владычице Богородице, к Тебе прибегаем, Заступнице наша. Ты бо скорая еси помощница наша, ходатаица у Бога неусыпающая Наипаче же молим...

Она дочитала молитву и замолчала. Надо начать следующую, нельзя делать паузы, но вместо благодатной молитвы в памяти всплыла большая черная дверь и заслонила собой всё. Лидия Эмильевна застыла в напряженном ожидании. Она знала, что по ту сторону страшной двери стоит беспросветный и бесконечный мрак и тоже ждет. Еще немного, и кто-то невидимый нажмет кнопку звонка, она откроет дверь, и мрак проглотит ее. И тогда все кончится, останется только тоска.

— Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли видимым же всем и невидимым...

Молитва сняла напряжение. Лидия Эмильевна поднялась со стула и торопливо пошла к выходу. Она почти бегом спускалась по лестнице, продолжала молиться, не замечая, что перешла на немецкий:

— Und an den einen Herrn, Jesus Christus, den Sohn Gottes, den Einziggeborenen, den aus dem Vater Gezeugten vor allen Aeonen...

Она шла по улице, опустив голову, шла быстро и так же быстро, скороговоркой, проговаривала молитвы одну за другой. Она уже понимала, что ей не удастся убежать. Тот самый звонок в дверь догонит ее, как бы быстро она ни шла. Его не заглушит ни ее молитвенное бормотанье, ни сирены пожарных машин, ни лязг трамвайных колес. Он пробьется сквозь уличный шум, он уже здесь, рядом, и ничто не может его остановить.

И звонок раздался. Он ревел над городом разъяренным Кинг-Конгом, и было странно, что никто его не слышит, кроме нее одной. Оглушенная, Лидия Эмильевна остановила свой бег. Деревянной куклой она послушно подошла к двери, повернула ключ в замке и оказалась на лестничной клетке. Словно из-под земли до нее донесся топот чьих-то убегающих ног; там же, под землей, хлопнула дверь подъезда, а далеко впереди, на самом краю вытянувшейся до горизонта лестничной площадки, лежал ее Алешка, не похожий на себя: с синим лицом, с глазами, в которых расплывшимися кляксами застыли зрачки, с открытым ртом, окруженным засохшей рвотой. Она шла к нему долго, ее ноги вязли в бетонном полу, она падала, вставала и шла опять. На площадке появились люди, они что-то говорили друг другу и в телефонные трубки, она не понимала ни слова, только видела беззвучно открывающиеся рты. А звонок всё не останавливался, он продолжал звеньять у нее в мозгу, звенел так громко и так страшно, что она не слышала собственного крика.

— Вам плохо?

Молодая женщина в чопорной белой блузке участливо смотрела на нее и ждала ответа. Не отдавая себе отчета, Лидия Эмильевна дотронулась до ее шелкового рукава. Озабоченность в глазах женщины сменилась недоумением. Одернув руку, Лидия Эмильевна пробормотала: «Спасибо, все хорошо» — и огляделась по сторонам. Страшно хотелось пить. Не раздумывая, она толкнула первую попавшуюся дверь, и ей повезло — это оказалось небольшое кафе. Зал был пуст. Она несмело кашлянула, и словно из-под земли перед ней возник старик в теплом не по погоде свитере:

— Вы насчет работы? Елена Ивановна будет через полчаса.

Лидию Эмильевну не держали ноги, и она села за столик.

— Я хочу пить.

Старик тут же исчез и явился через минуту. Поставил на стол стакан и початую бутылку минеральной воды, сам сел напротив. Похоже, ему надоело скучать в пустующем заведении и он был рад собеседнику. Лидия Эмильевна жадно пила воду, а дед поведал, что кроме него воду подать некому — в ресторане только что закончился ремонт, он тут присматривал за электриками, а теперь ждет дочку.

— Елена Ивановна — дочка моя. Это ее ресторан.

Лидия Эмильевна кивнула для приличия и налила себе второй стакан.

— Значит, ищешь работу? — спросил старик.

— Почему вы так решили?

— Ну, раз насчет работы пришла, значит, работу ищешь. Что тут решать? Она безразлично пожала плечами.

— Замужем? — не успокоился любопытный дед.

— Была, — коротко ответила она.

— А теперь что?

— А теперь ничего. — Лидия Эмильевна посмотрела ему прямо в глаза:

— Теперь ни мужа, ни детей.

— Вот, значит, как. А дети что? Уехали куда?

— Дети погибли. От наркотиков. Младший передозировался, а старшая разбилась. Пьяная компания выбросила ее из окна девятого этажа. Она была наркоманкой.

Лидия Эмильевна добилась своего — дед посерезнел. Но не остановился:

— А муж куда делся? Он тоже этот... наркоман?

— Нет. Муж не наркоман. Он меня бросил, когда детей не стало. Сказал, что не хочет ставить на себе крест, и ушел.

— Вон оно что! — дед долго качал головой. — А ты, значит, на себе крест поставила? Зря. Это ни к чему... Тебе замуж надо. Я бы тебя взял, но я старый.

Она улыбнулась:

— Это второй раз за день. Сегодня мне уже предлагали замуж.

— Видишь? — оживился дед. — Ты нарасхват. Если так дальше пойдет, выйдешь замуж и будешь жить не тужить.

— А зачем? — спросила Лидия Эмильевна, ни убирая с лица улыбки.

— Зачем? — недовольно переспросил старик. — Думаешь, ты меня сейчас прямо сразила своим вопросом? Ты лучше меня спроси, зачем. Вот спроси меня, зачем я живу? Спроси!

Она послушно повторила вопрос:

— Зачем вы живете?

— А понятия не имею, — с готовностью и не без гордости сказал дед. — Не знаю! Вон у меня и дочка живая, и ресторан у нее, и не наркоманка она, а все один хрень, не знаю, за каким хреном я живу! И зачем я вообще нужен — тоже не знаю. И знать не хочу!

Лидия Эмильевна заморгала от такой категоричности. Дед явно чего-то ждал от нее, какого-то ответа, а она не знала, что ему сказать.

— А эта ваша вакансия... в чем заключается работа? Что надо делать?

Дед воодушевился:

— Это очень хорошая работа! Тебе понравится. Делать ничего не надо — только посуду мыть.

Лидия Эмильевна засмеялась. Она давно не смеялась, и собственный смех показался ей незнакомым.

— Ну вы даете! Вы мне предлагаете стать посудомойкой. Вы считаете, это хорошая работа? Что же в ней хорошего?

— Как что? — искренне удивился дед. — Тарелки хорошие. А стаканы вообще чудо! Я видел!

Она решила возвращаться домой на трамвае. Пешком — долго, а на вечер у нее образовались кое-какие дела. Настырный дед взял с нее слово подумать насчет работы, и сейчас это ни к чему не обязывающее обещание беспокоило ее, будто оно было незнакомым и, возможно, опасным предметом, по недоразумению оказавшимся в ее дамской сумке.

Трамвай задерживался, толпа на остановке росла. Лидия Эмильевна наблюдала, как из подъезжающих автобусов поспешно выходят люди и растворяются в надвигающихся сумерках. Сумерки становились всё гуще, и ей представлялось, что трамвай не будет очень-очень долго, что он появится, когда на остановке останется только она одна. И потом он медленно поплынет по ночному городу, и редкие пешеходы смогут увидеть за его освещенными стеклами ее одинокую фигурку.

Железный грохот пресек ее фантазии, и прямо перед ней распахнулись желто-красные двери, от которых ее сразу же оттеснили выходящие из трамвая люди. А через минуту, не успела она опомниться, как собравшаяся на остановке толпа подхватила ее и внесла в вагон. Попытка вырваться из давки не удалась, трамвай тронулся. Какой-то весельчак громким голосом отдал приказ: «Всех впускать, никого не выпускать!» Кто-то хихикнул. После короткой суетолоки она, зажатая так, что не имела смысла держаться за поручни, пока-

чивалась в такт движению и улыбалась, представляя, как нелепо выглядит со стороны. На повороте толпу качнуло в сторону, Лидия Эмильевна на какое-то мгновенье потеряла равновесие, но устояла на ногах. «Все хорошо, — сказала она про себя и повторила одними губами: — Alles ist gut».

Михаил ТРУЧЕНКОВ

НОЧЬ НЕПРОЩЕНИЯ

Рассказ

Все напасти разом свалились на бедную голову Зинаиды. Второй день не поднимался с постели — маялся животом старший сын Вовка. Невыносимую боль ощущала физически, когда глядела на него — обессилевшего и почерневшего.

…Зинаида сидела на табуретке рядом, держала сына за руку, мучительно раздумывая, как ему помочь. И природа словно чувствовала, что творится у нее в душе: за окном было темно и неприветливо — со вчерашнего дня гуляла в полях метель, кружилась в диком танце, свистела-выла в вершинах деревьев. Порой ветер утихал, будто ради того, чтобы посмотреть, что он натворил, а потом с новой силой поднимал вихри снежной пыли.

А тут еще как назло муж опять запил. Повод, как всегда, нашелся: вчера получил расчет на работе. Заявился домой под утро, грязный, лохматый, с разбитым лицом. Насилу переступил через порог. Долго матерился, раздеваясь. Посредине комнаты наткнулся на стул и вместе с ним грохнулся на пол. Зинаида, стиснув зубы, молчала. Лишь бы побыстрее уgomонился.

Но покоя в то утро так и не было.

Муж, ненадолго притихший, вдруг вскочил с кровати и, спотыкаясь, побежал на кухню. Она слышала, как его стошило, как он жадно глотал воду и потом снова побрел к кровати.

«И что с ним творится? — горько думала Зинаида. — Как сглазили. Стыд и срам один. На работе держится до первой получки. Пусть не зарабатывает толком, был бы человеком, заботился бы о нас, помогал, а то самогонка его совсем дураком сделал».

Раньше Зинаида работала продавцом в магазине, а после рождения дочки Ирины трудилась на дому: одежду перешивала на заказ, вязала носки, варежки, перчатки на продажу. Жить-то надо, детей кормить.

…В ее руке пылает Вовкина рука — видно, тому становится совсем худо. Он то молчит, глядя в потолок, то глухо стонет, подминая под себя подушку. Вчера все жаловался, показывая на бок: «Мамочка, тут болит!», а теперь только стонет, тихо и устало.

Зинаида мучительно думает, что делать. Может, попросить кого-нибудь отвезти Вовку на машине в райцентр, в больницу? Но на кого оставить Иришку?

На Сашку? Ой, нет! Разве он выдержит, чтобы не опохмелиться! А уж тогда белый свет для него померкнет: и дочка будет голодная-холодная, и скотина не кормлена. Позвонить и вызвать «скорую»?

Не доедет: до них семь километров — дорогу позамело, позаносило. Она тяжело вздыхает и твердо произносит вслух:

— Надо что-то делать.

— А что делать? — бубнит Сашка. — Была бы больница у нас...

— Значит, пусть умирает?

— Так уж и умирает. Пройдет.

— Пройдет?! Да я что только ни делала: и таблетки давала, и компрессы ставила, и все без толку.

В комнате воцаряется тишина.

— Не полегчало, сынок? — спрашивает Зинаида, наклоняясь и вглядываясь в лицо сына.

— Не-е, — устало мычит Вовка.

И снова тишина.

— Зин, — подает голос Сашка. — Я сейчас отвезу его в больницу.

— Отвезешь? А на чем? — с удивлением и надеждой переспрашивает она.

— Да Степку попрошу. Чай, не откажет. Только ты уж дай мне чем опохмелиться. А то сил моих больше нет терпеть.

— А что я тебе дам? У меня же ни капельки нет.

— Ну хоть денег дай. Пойду к нему, заодно и полечусь.

— Не верю тебе, Саш. Опохмелившись и забудешь про все.

— Ну что ты, ну...

Сашка подходит к сыну и, наклонившись, спрашивает:

— Больно?

Вовка ничего не отвечает. Только теперь Сашка замечает, какое исхудалое и бледное лицо у сына, как лихорадочно горят впалые глаза. На минуту в его сердце возникает досадливое чувство вины и жалости, и он начинает медленно одеваться. Одевшись, встает у порога и с мольбой смотрит на жену. Та вздыхает, уходит на кухню и через минуту возвращается с деньгами в руке.

— Прошу тебя, Саш, — шепчет Зинаида, глядя мужа ладонью по щеке, — не напивайся, ладно? Держись, ради сыночка нашего Вовки, — голос ее дрожит.

— Зин, скажешь тоже, я что ж — не понимаю? — Сашка хватает деньги, засовывает их глубоко в карман и выбегает из дома.

...Проходит час, другой. Слабеет, изнемогает метель. Зинаида уж все окна проглядела, а мужа все нет и нет. Еле слышно стонет Вовка, и вместе с ним, не сдерживаясь, плачет мать.

Вдруг послышался шум мотора, залаяла во дворе собака. Зинаида вновь бросилась к окну и, увидев подъехавшую «Ниву», улыбнулась сквозь слезы: «Наконец-то!»

Послышалось шарканье веника в сенях.

«Еще чего выдумал, — разозлилась она. — Шел бы уж быстрей. Слава Богу, не напился, а то, залив глаза, разве стал бы смотреть на ноги?»

Распахнулась дверь, и на пороге появилась крупная фигура Степана, мужинного приятеля, доброго, непьющего мужика. Все они трое: Зинаида, Сашка и Степан — учились в одной школе. В старших классах вместе бегали на танцы в клуб. И за Зиной парни вместе ухаживали, но та Сашку выбрала: посмелее тот был, понапористее. Потом дороги разошлись, но Степа продолжал захаживать к ним: то ли по старой дружбе, то ли жалея, что все так нескладно в их семье выходит. Поддерживал и добрым словом, и, случалось, деньгами выручал. Бывало, и с Вовкой посидит: у самого семьи так и не было.

— Привет, Зин! Твой дома? Я ему работу хотел предложить, — Степан топтался в дверях, ожидая приглашения пройти.

— А разве ты его не видел? Он ведь к тебе пошел, попросить сына отвезти в больницу.

— А что с сыном?

— Да второй день живот болит. Что ни делала, чем ни лечила — не помогает.

Степан подошел к кровати и внимательно посмотрел на мальчика.

— Одевай быстрее, отвезу его в больницу.

Наспех одетого Вовку, как куклу, аккуратно положили на заднее сиденье машины.

«Особенно не разгонишься», — думал Степан, аккуратно ведя машину: за деревней ветер дул особенно яростно, пылила поземка. По дороге он оглядывался на мальчика — тот, казалось, спал, страдальчески шевеля губами, до самого поселка.

В приемном покое больницы мальчика быстро осмотрел врач. Потом укоризненно и даже зло взглянул на Степана:

— Дотянули. Чего же вы ждали?

Тот растерянно развел руками, начал было что-то объяснять, но врач уже не слушал его, набирал телефонный номер, давал короткие распоряжения. Прибежали санитары и, положив мальчика на носилки, понесли прямо в операционную. Ошарашенный Степка направился за ними.

— Куда вы?! — остановил его врач. — Раньше нужно было волноваться. А теперь, папаша, моли Бога, чтобы все обошлось.

Степан покорно остановился у двери, за которой вспыхнуло: «Идет операция». Но сидеть спокойно он не мог: то подходил на цыпочках и слушал, то выходил на улицу покурить.

Часа через два дверь операционной распахнулась. Медсестра посмотрела на него и быстро пошла куда-то по коридору. Он настороженно приподнялся с кресла. Через минуту из операционной вышел врач и устало двинулся к своему кабинету.

— Доктор, как мальчик?

Врач взглянул на мужчину через плечо и опустил голову:

— Очень поздно вы его привезли. Аппендикс развалился уже. Я сделал все возможное. Остается только на Всевышнего уповать.

В его голосе звучали и боль, и вина, и укор. Степан оторопело смотрел на врача, ничего не понимая.

— А ей как же сказать? — растерянно проговорил он.

— Кому?

— Матери.

— Он у вас один?

— Это не мой ребенок.

— Не ваш? А где же его родители?

— Дома остались.

Оба помолчали.

— Надейтесь сами и поддержите их, — посоветовал врач на прощание.

— Да-да, — заторопился Степан, на ходу непослушными пальцами застегивая куртку.

...Зинаида укладывала спать дочку. Муж был уже сильно пьян и что-то бубнил себе под нос.

Степан молча остановился у порога. Женщина бросилась к нему:

— Ну что там? Говори быстрее.

— Да плохо, — тот махнул рукой.

Зинаида прикрыла ладонью рот. Глаза ее стали огромными и испуганными.

Степан как можно спокойнее произнес:

— Очень слаб. Два часа шла операция. Будем надеяться.

— Спецы хреновы, — заплетающимся языком промямлил Сашка, вскинув мутный взгляд. — Ап-пе-рацию не могут сделать.

— Молчи, тварь! — закричала она и первый раз в жизни бросилась на мужа с кулаками. — Это ты, скотина пьяная, во всем виноват. Я столько времени тебя прождала. Поехали, Степ, в больницу, — она уже в дверях накидывала платок.

— И что из того, что приедем? Врача того нет, дома уже. И потом — тебя ночью не пустят. Завтра утром поедем. А девочку к моей матери занесешь.

— А если умрет? — с ужасом вымолвила она.

— Ну, ты рук не подставишь.

Степан, сам растерянный, чуть не плача и чувствуя, что он не чужой в этой семье, неловко приобнял ее за плечи, успокаивая. Полураздетый Сашка, шатаясь, подошел к ним вплотную, дыхнул перегаром:

— А ты молодец, Степка! Спасибо тебе. Только где ты сегодня был? Я тебя искал.

— Иди спать, Сань, — тот отстранился, закрывая собой Зинаиду.

— Что значит спать? Ты хочешь уложить меня спать, а сам к моей бабе?

Давно заметил, как смотришь на нее...

— Уйди, гад! Все, хватит с меня! — Зинаида решительно вытолкнула мужа из комнаты и с грохотом закрыла дверь. И с отчаянием поняла, что за этой дверью осталась ее прежняя жизнь, что боль и ненависть в ней в ней сильнее любви и прощения.

Именно сейчас в этой женщине пробудилась такая неведомая сила, о которой прежде она и не подозревала.

Любовь ФЕДЯНИНА

ОДИН ИЗ НИХ

Рассказ

Утро не предвещало ничего хорошего. Я плохо подготовился к сегодняшнему зачету и потому надежд на его сдачу не питал. В институте не стал томиться в ожидании — нахально зашёл в аудиторию. Вышел оттуда отнюдь не в радужном настроении. Сокурсники оживленно галдели. Центром внимания была Алла из второй группы. Краем уха услышал её болтовню.

— Девчонки! Верите или не верите, но сегодня мне помог мой ангел-хранитель. Я и книжку-то толком не открывала.

«Да, — задумался я. — Видно, мой ангел-хранитель про меня забыл». Я уныло поплелся из института, сам не зная куда.

На переходе как раз зажёгся «зелёный». Но только я ступил на «зебру», как меня довольно-таки ощутимо толкнули. Оглянувшись, увидел высокую, мрачную фигуру, невозмутимо стоявшую рядом. Эх, неохота связываться! И только собрался ускорить шаг, как слух резанул визг тормозов: что-то случилось.

Толпа зевак мгновенно высыпала на проезжую часть, а я, отброшенный в сторону, замешкался. Придя в себя, не стал дожидаться, когда попаду в свидетели, поторопился уйти. И тут заметил, что человек, толкнувший меня, следует за мной.

Прибавив шаг, я направился в ближайший парк и пошёл по безлюдной дорожке вглубь. Близился вечер. Мороз ощутимо пощипывал щёки. Снежок поскрипывал под ногами. Ощущение, что я не один, не оставляло меня. Оглянувшись, увидел, что незнакомец не отстаёт. Стало немного не по себе. Видок у него был тот еще: он был горбат, при этом очень высокого роста, что не свойственно людям с таким телесным недугом. На нём было тяжёлое, старомодное драповое пальто глубокого чёрного цвета. Чёрная шляпа с короткими закруглёнными полями плотно сидела на голове и как-то странно, не по сезону, смотрелась на фоне зимнего пейзажа.

Некоторое время мы шли молча, изучая друг друга. Мне это стало уже надоедать, и я, резко остановившись, раздражённо произнёс:

— Зачем вы преследуете меня?

— Я твой ангел-хранитель, — скромно ответил он.

Искоса я взглянул на него, пытаясь найти признаки душевного расстройства. И вдруг услышал:

— Да успокойся, не сбежал.

От неожиданности я вздрогнул, глядя на него с изумлением. Господи! Не хватало, чтоб он мысли мои читал. И вновь, спокойно, даже не глядя на меня, он проговорил:

— Ну, приходится. Я же должен быть в курсе.

На всякий случай, чтобы не вызвать его раздражения, я принял этот ответ как само собой разумеющееся. Ну, ангел так ангел. Приятно познакомиться. Только где ты был тогда, когда я с треском провалился на зачёте?

Но он молчал, и меня начало тяготить его присутствие. Настроение от этой встречи не улучшилось. Да ещё чувство голода давало знать: с утра маковой росинки во рту не было. Но тут я вспомнил, что в сумке у меня завалялась пара пирожков. И, достав один, я стал с аппетитом уминать. Горбун наблюдал за мной, словно тоже был очень голоден. Чувство сострадания у меня, увы, не появилось. Ну, что ж — если попросит, то он явно не ангел. Они голодные не бывают: питаются манной небесной. Просьбы не последовало, и я принялся за второй.

В парковой аллее показался человеческий силуэт: навстречу нам шел бомж. Одет он был весьма живописно: на голове облезлая шапка с остатками пыжиковой роскоши; оранжевая куртка с яркими надписями, ее обширные карманы оттопыривались от содержимого. На ходу он достал из одного из них пакет с объедками: кусочками сыра, хлеба, огрызками колбасы. Из другого вытянул бутылку и, присев на стоящую рядом скамейку, начал дрожащими руками рыться в пакете.

Жалости к такому контингенту я не испытывал: сами себя до такого состояния довели. Но ангел тут же поселял во мне сомнение, промолвив вслух:

— А что, если им помогли?

Возразить было нечем, и я пожал плечами.

Но тут мужчина, раздражённый нашим пристальным вниманием, угрожающе просипел: «Чего надо?» Мой так называемый ангел доброжелательно обратился к нему:

— Я вижу, у тебя сейчас не самые лучшие времена. Чем я могу помочь тебе?

Мужик недоуменно воззрился на него. Тут я встрял в этот совершенно никчемный разговор:

— Да вы, что, не видите?! Это его добровольный выбор — ковыряться в объедках, спать под забором. Да я таким даже милостыню не подам.

— А ты молчи, хренов интеллигент! — возмутился бомж. — Что ты знаешь о моей жизни? Да, грязь. Да, не всегда жратва есть. Но я свободен. Мне не надо каждый день вкалывать на постылой работе. И меня все устраивает. А ты, — обратился он ко мне, — вечно будешь всем должен.

Мой спутник с видимым удовольствием слушал его яркое выступление и, обратившись ко мне, сказал:

— Вижу, что тебе такое жизненное кредо не подходит. Попробуй убедить его, что он неправ.

Но я и не собирался, в глубине души сознавая, что сделать это будет довольно-таки трудно. Мы молча разглядывали возбуждённое, заросшее щетиной, сине-красное от долгого пребывания на морозе лицо бомжа. Дрожащими руками он ещё плотнее прижал к себе пакет. Но тут вмешался мой ангел-хранитель:

— Успокойся, человек. И окажи мне милость: дай вкусить от пищи твоей.

Бомж, ошалев от такой вежливости, вначале недоверчиво смотрел на него, ожидая подвоха, потом промолвил, заикаясь: «Ну, это... Вот, бери... Жалко, что ль». Говоря это, он порылся в пакете и вытащил из него нечто похожее на кусок заплесневевшего сыра и, предварительно потерев его рукавом куртки, протянул ангелу. В нос мне шибанул специфический душок Рокфора. Ангел, нисколько не смущившись, протянул свою белоснежную руку с длинными ухоженными ногтями. Миг — и сыр, даже не коснувшись её, исчез. Мужик впал в ступор, но, спустя мгновение, опомнился, замотал головой.

— Вроде бы я сегодня не потреблял. Я же от всего сердца, а ты со своими фокусами... — обиженно засопел он.

Ангел вновь успокоил его:

— Я был так голоден, что проглотил твоё подаяние мгновенно. Спасибо. Иди с Богом, человек. Пусть тебе найдётся крыша над головой.

Бомж, тяжело поднявшись, заковылял по аллее.

— Вот видишь, — обратился незнакомец ко мне, — он, даже ничего не имея, поделился со мной. А ты пирожок пожалел.

Я почувствовал, что краснею. Неуютно стало мне от такой проницательности.

— Да что вы всё нотации мне читаете! Можно подумать, вы сами весь такой белый и пушистый. А разве это порядочно — ковыряться в чужой голове?

— Да не твоя это голова, а наша. Мы с тобой единое целое. Я же твой ангел-хранитель.

Тут я, не выдержав, перешёл на грубости.

— Ну что вы лапшу мне на уши вешаете! Если вы ангел, то должны быть невидимы. Ангел-хранитель — это, по большому счету, наша совесть и в какой-то мере интуиция, которая предостерегает, — всё больше распалялся я. — У кого-то она сильнее, у кого-то слабее. Одни прислушиваются к ней, другие не обращают внимания.

Мой словесный поток прервал ангел:

— Ну ты и философ! Но это всего лишь теория. А вспомни сегодняшний день: кто задержал тебя на переходе, где случилась авария?

Я мгновенно вспомнил и поёжился от холода, пробежавшего по спине. Но всё равно упорно отказывался верить собеседнику. Забавно было предста-

вить, как вот такие неуклюжие ангелы в тяжёлых драповых пальто ходят среди нас, оберегая покой своих подопечных, и один из них невозмутимо вышагивает рядом со мной.

— Но вы должны быть невидимы, — повторил я ещё один довод.

— Ну, знаешь ли. И у ангелов бывают прихоти, — улыбнулся он загадочно.

— Послушай, я не пойму, что тебе от меня надо. Не нужны мне твои помощь и сочувствие, — раздражённо, перейдя на «ты», отрезал я. Ангел усмехнулся.

— Что ж, придётся прервать наше общение, — мягко промолвил он и снял шляпу, из-под которой показалась самая обыкновенная лысина, засверкавшая в лунном свете. Видимо, кудри бывают только у молодых ангелочеков. Мой спутник весело рассмеялся:

— Чувством юмора ты, как я вижу, не обделён, а вот скептицизма можно поубавить.

Сияние над его головой напоминало нимб. Я протёр глаза, но оно не исчезало. А тот, видя моё смущение, положил свою невесомую руку на моё плечо:

— Несмотря на твоё неверие, я с удовольствием пообщался со своим подопечным. Нам ещё долго быть вместе.

Мороз крепчал, и я удивился, когда он начал освобождаться от своего пальто. «Видно, жарковато стало ему от общения со мной», — с иронией подумал я. А тот понимающее усмехнулся уголками губ, продолжая разоблачаться. И тут во мне что-то дрогнуло.

— Постойте! Не лето на улице, — я попытался его остановить.

— Что ж, я вижу, что ещё не всё потеряно, — улыбнувшись одними глазами, сказал он. Вот и ты оказал милость, позаботившись обо мне, хотя я и надоел тебе порядком. И вновь меня передёрнуло от его проницательности. А он уже окончательно освободился от своего пальто.

В лунном свете за его спиной засверкали свежевыпавшим снегом белоснежные крылья. Ангел шёл по аллее, и кончики крыльев чертили едва заметные полоски на снегу. Тихий ветерок шевелил лёгкие пёрышки. Вот он сделал широкий взмах и взлетел.

— Мы еще обязательно встретимся, — донеслось до меня.

Ноги подкашивались, и я опустился на засыпанную снегом скамейку, провожая взглядом огромную белоснежную птицу, одиноко парящую в тёмной ночной синеве. Зажмурившись, замотал головой, пытаясь избавиться от нахождения. И, открыв глаза, увидел, что никого нет. «Слава Богу, показалось...»

Но тут рука моя коснулась чего-то мягкого и сразу же отдернулась. Рядом со мной на скамье лежало тяжёлое драповое пальто и чёрная шляпа с короткими закруглёнными полями.

Юрий АГАПОВ

СЕРДЦА ЧЕТЫРЕХ

Воспоминания

*Колонны шли за горизонт,
Где ты, земляк наш, только не был...*

*Отсюда начинался фронт,
Отсюда виделась Победа!*

Лариса Яшина

30 августа к восьми часам вечера вокзал Пенза-1 стал заполняться необычным народом. Убелённые сединами мужчины и женщины, каждый с золотым «иконостасом» орденов и медалей на груди, с малым багажом в руках расселись на диванчиках, с правой стороны зала ожидания.

Многие встречались как старые знакомые, обнимаясь, бережно и целомудренно прикасались устами друг к другу.

Не доходя пяти шагов, полковник Керханаджев отчеканил эти пять метров по военному строевым и, проявляя особую галантность, приложился к ручке орденоносной дамы, произнёс традиционное: «Любовь Николаевна! Моё почтение!»

В свою очередь дама, словно скинув годы с плеч, в поклоне, изображая что-то похожее на книксен, отвечала ему радостной улыбкой: «Владимир Михайлович! Наше — вам!»

А с левой стороны также собиралась группа из бравых молодцев в воинской форме курсантов артиллерийского института. Стало понятным, что у молодых и пожилых — одна цель, как только начались торжества.

Руководители области и города приняли решение послать представительную делегацию с целью — в Музее Великой Отечественной войны 1941 — 1945 г., что расположен на Поклонной горе в столице нашей Родины, открыть выставку, посвящённую вкладу пензенцев в Великую Победу всего народа.

В зале ожидания заиграла живая музыка. Оркестранты в белом, как на параде. И мелодии поплыли такие проникновенные, до боли знакомые. Музыка притягивала к себе.

И люди подходили ближе.

Мой знакомый, бывший работник фабрики «Маяк революции» Бельский Пётр Иванович, оказался при орденах в ветеранской толпе. Вслушиваясь в аккорды, он говорит: «Коротка жизнь человека, а вот музыка — вечна! Она нас на фронте и согревала, и подымала, и вела».

И пассажиры, случайно попавшие в поток, образованный музыкой и людьми, тоже вольно или невольно придвигались к ветеранам. С интересом разглядывали их боевые ордена, медали.

Входя в плацкартный вагон поезда Пенза — Москва, я услышал, как бодрый старишок в штатском костюме, утяжелённом множеством наград, громко комментировал вагонную обстановку.

Широким жестом взмахнув в сторону столика, где стоял чай, конфеты с печеньем, он сказал: «Вот жизнь настала, ёлки зелёные! И вроде бы мелочь, казалось, а как всё-таки приятно! Самовар — на столе! Постели — заправлены! Нижние полки — ветеранам, а курсантам — на верхнюю запрыгнуть проще репы пареной!»

В этот момент я разглядел в говорившем ветерана Великой Отечественной войны Александра Константиновича Дручкова. Тогда я ещё не знал, что двухдневное общение с ним и всей компанией бывших фронтовиков — участников поездки на Поклонную гору — перерастёт в гораздо большее, чем формальное знакомство.

На площадке у Казанского вокзала уже стояли два комфортабельных автобуса, выделенные пензякам правительством Москвы. Погрузились все 102 пассажира.

Мчались по Кутузовскому. Многое узнавалось, а ещё больше виделись перемены: город украшали новостройки. Было чему удивляться.

— Как это понимать?

— Как издержки демократии?

— А может, хуже того, потворство расхитителям?

Так взволнованно реагировал ветеран на обогнавшие наш автобус две иномарки с лозунгом на заднем стекле: «Москвич! Голосуй за Навального!».

— Не пойму я такой политики! — продолжал сетовать фронтовик.

Неужто наш народ настолько одурел, что позволит откровенным прохвостам Московской порулить? Не-ет! Такому — не бывать!

Тем временем автобус сделал остановку у памятника Георгию Победоносцу, что стоит как раз перед входом на Поклонную. Тут и рассыпались ветераны по площади: кому фото на память, кому новые знакомства. А потом была церемония возложения цветов и венков к Вечному огню.

Последовавшую затем паузу заполнили отдыхом. Солнечная погода, уютные лавочки, умиротворение, покой.

Всё в один момент разбавилось молодой энергией, которая бурным потоком влилась в пензенскую группу. Это были молодые туристы, явно не российского происхождения.

Они легко и непринуждённо двигались по площади. Неназойливо, как-то по-свойски, стали фотографировать наших ветеранов, которые наличием орденов и медалей на груди заметно выделялись из массы и потому оказались в центре повышенного внимания иностранцев. Слышу разговор коллег из Пензы: «А чей же народ вокруг нас вьётся? Из какой страны?» И тут же варианты ответов на собственные вопросы:

— Точно азиаты, на вьетнамцев похожи...

— Вьетнамцы помельче, эти другие...

Всё выяснилось, как только за дело взялся бывший разведчик Александр Константинович. Хлопнув рукой по груди, которая звоном боевых наград откликнулась, он обратился к женщине с тремя фотоаппаратами через плечо на чистом русском: «Я Россия — город Пенза! А вы?»

В ответе все разобрали чёткое слово «Пекин».

И пошло братание. Китайские девчата, повторяя вслух непривычное для них слово «Пенза», буквально задарили объятиями наших ветеранов.

Ах! Каким же чудом стало появление в это мгновенье пензенского музыканта Валеры Сёмина со своим белым аккордеоном. С каким живым интересом народ реагировал на музыку, не разбирая, кто наш, кто зарубежный.

Сначала совместный пензенско-пекинский хор легко одолел (спасибо аккордеонисту!) «Катюшу» с «Подмосковными вечерами». Удивительно, что китайцы не только хорошо знакомы с мелодией, но и слова знали!

Тут и гармонист не подкачал, развернул меха белого аккордеона, и без пауз полилась на публику мелодия «В лесу прифронтовом». Ничуть не стесняясь, китайские девчата живо разобрали на танец самых заслуженных, закружились в вальсе. Лёгким и умелым танцором оказался девяностолетний Пётр Аверьянович — кавалер ордена Отечественной войны и медали «За отвагу». Присев на лавочку отдохнуть, он живо откликнулся на восхищённый взгляд земляков «Во даёшь, Аверьяныч!»:

— На фронте мы не такие польки-бабочки изображали!

Далёкое происходило то, что надолго осталось в памяти пензенцев. Китайская девчонка демонстративно сняла с руки перстень, расцеловав ветерана, вручила ему. Жестом показала — это награда не только за танец, но и за свидетельства, что носит наш ветеран на груди.

Потом состоялся концерт с ведущей Анной Шатиловой, его предварили выступления главы администрации Р.Б. Чернова и председателя Законодательного Собрания области И.А. Белозерцева, которые говорили о немалом вкладе жителей нашего города и области в общую копилку Победы. Иван Александрович напомнил присутствующим, что пензенцы не пожалели самого до-

Проводы пензенской делегации ветеранов в Москву на вокзале Пенза-I (2013 г.)

Открытие выставки, посвящённой вкладу пензенцев в общую Победу,
в Музее Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
на Поклонной горе (Москва). 2013 г.

рогого, положив на алтарь Победы более двухсот тысяч собственных жизней. Забывать об этом — грех несмываемый.

Тогда наконец настал волнительный торжественный момент. Алую ленту, знак открытия выставки, разрезали участники Великой Отечественной войны майор Дручков, сержант Бельский, полковник Керханаджев и старший лейтенант медицинской службы Преснякова.

Они на сегодняшний день настоящие рыцари без страха и упрёка. Безо всякой натяжки — герои нашего времени. Живые и настоящие.

Давай, читатель, поговорим с ними... Пока они ещё тут, с нами... Расскажем о них...

Пётр Аверьянович Бельский,
он же — ветеран труда фабрики «Маяк революции».

...Рассказывает Пётр Аверьянович:

— Самые дорогие для меня награды — военные. Я подсчитал: за войну меня сто раз могли убить, а вот видишь — живой. К ордену Отечественной войны и медали «За отвагу» прибавился «Польский Крест». Сам генерал Ярузельский вручал. За удачное форсирование реки Вислы, при освобождении Варшавы.

Сам я с 1923 года, по возрасту не подлежал призыву. А началась война, немцы быстро дошли до нашей деревни, которую дотла спалили. Моих братьев и сестёр угнали в Германию, а я оказался в партизанском отряде.

Когда советская армия нас освободила, наш отряд вошёл в состав 1-го Украинского фронта, и пошли с боями на запад по Украине и Польше.

После войны приехал к брату Ивану в Пензу, устроился на бумажной фабрике «Маяк революции». Тут же познакомился с Лидией Васильевной, с ней мы связали наши судьбы.

А теперь будет новый отсчет от современности: кусочек алої ленты из музея на Поклонной горе и перстень, подаренный китайской девочонкой за мой танец и песню. Скажу вам свой главный жизненный секрет: надо радоваться жизни!

Недавно воспользовался приглашением директора Василия Алексеевича Вдонина, посетил фабрику «Маяк», на которой провёл сорок лет, лучшие годы жизни отдал, работая каландровщиком. Хожу, вроде тропки знакомые. Но, боже, как всё изменилось!

— Какая культура производства — высочайшая!

Василий Алексеевич смеётся. «Давай, — говорит, — Аверьяныч, пойдём-ка на работу. Хорошие специалисты у нас всегда в цене!»

В этом году исполнилось мне девяносто, а я их как-то не чую. Чтоб без забот и труда быть — такого не понимаю. Смотри, вокруг дома нашего на улице Урицкого растут липы, берёзки, ёлочки. Тоже мои хлопоты. А прошлым летом с «Маяка» рассаду привёз, десять дубочков посадил...

Немного подумав, произнёс: «Жизнь хорошая настала. Ценить её надо».

Александр Константинович Дручков

В сентябре 2013 года на заседании исполнкома Федерации профсоюзов Пензенской области рассматривался вопрос об установлении памятного знака Александру Константиновичу Дручкову — ветерану Отечественной войны и профсоюзного движения.

Проголосовали единогласно: «За вклад в основание в 1971 году и последующее развитие туристической базы «Чистые пруды» — установить памятный знак Дручкову А.К.».

На церемонию открытия приехали родственники, товарищи по ветеранскому движению. Были официальные лица: зам. председателя Федерации профсоюзов Николай Павлович Бажанов, от правительства области — заместитель министра по общественным связям и коммуникациям Владимир Алексеевич Перов. Они сняли покрывало, и собравшимся открылась мемориальная доска: «База отдыха «Чистые пруды» основана в 1971 году по инициативе директора учебно-опытного хозяйства сельскохозяйственного института ДРУЧКОВА Александра Константиновича, заслуженного работника сельского хозяйства РСФСР».

Много тёплых, искренних слов в свой адрес услышал наш герой в этот день.

Особенно эмоционален был ветеран Великой Отечественной войны полковник Михаил Юрьевич Шкроб, заговоривший по этому поводу стихами:

Пожелаем ему, ветерану,
Жизни долгой, здоровья и счастья.
Не болят пусть старые раны,
Минуют бури-ненастия.
Нами было сделано всё во имя Родины,
И ещё готовы послужить мы ей,
Нам теперь под силу всё, потому что пройдено
Тысяча четыреста
восемнадцать дней!

Полковник Керханаджев обратился к виновнику торжества, как однополчанину:

— Дорогой Саша! Мы воспринимаем за чудо, что ты воевал в составе 354-й стрелковой дивизии, сформированной в 1941 году в нашей области. Остался жив, вопреки тому, что именно стрелковые дивизии несли самые значительные потери в живой силе. И теперь ты снова в строю в качестве председателя Совета ветеранов той самой легендарной 354-й. Живи сто лет!

Рассказывает Александр Константинович:

— Два года шла война, мой отец был на фронте. Жили мы тогда в совхозе им. Тимирязева, и в нашей пацанской среде росло стремление тоже попасть на фронт. И вот вместе с другом Сашей Купцовым мы явились в военкомат, скрыв свой настоящий возраст (прибавили по году). Шел 43-й год. И оказались

мы на станции Безымяновка Куйбышевской области, где готовили радиостов-разведчиков.

Возможно, моя комплекция помогла, юркий был, небольшого росточку, вот и нацелили меня на разведку. Жили в землянках, там нары двухэтажные. Наступил май сорок четвёртого. Является в нашу часть капитан Тимохин, чтоб, значит, отобрать нужных бойцов для фронта. Слыши, посыльный шумит: «Кур-сант Дручков! Срочно в штаб!»

Аж струхнул немного. В чём, думаю, провинился? Бегу. Ноги в обмотках. Шинель распахнута. Доложил: курсант такой-то явился. А Тимохин-то, оказывается, родом из Каменского района. Я этого ещё не знал. Спрашивает меня: «Как учёба?» «Азбуку Морзе, — отвечаю, — сдал на «отлично». «Молодец! — похвалил. — А как отец?» — спрашивает дальше. «Воюет мой отец», — я ему отвечаю.

Он к моему командиру обратился: «Как оцениваешь курсанта Дручкова, лейтенант? И, получив утвердительный ответ на свой вопрос, вдруг ошарашил меня совершенно: «А хочешь к отцу попасть?»

…Эта встреча произошла в Полесской области. Мне показали блиндаж. Там примитивный стол из кругляшей берёзовых. Чадит светильник из снаряд-ной гильзы.

Отец шагнул мне навстречу. «Сашок…» — прошептал. И заплакал.

С этого момента началась моя война в составе взвода разведки 921-го артполка 354-й стрелковой дивизии.

С весны сорок пятого появилось у бойцов ощущение конца войны. Три фронта — 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский — готовились к Берлинской операции. Второму Белорусскому предстояло окружить и уничтожить крупную группировку гитлеровских войск в Восточной Померании.

В рамках этой стратегической задачи 354-я дивизия готовилась к последней схватке с противником в районе Штеттин и далее на Штральзунд.

Для получения разведданных о плацдарме, — продолжил Александр Константинович, — на подступах к рубежу Одер — Нисса мы с напарником обследовали местность. Сержант Шматко полз впереди меня, задел противопехотную. Рвануло.

Я сразу оглох. Рукой-ногой шевельнул — значит, жив, чую. Через какое-то время слух вернулся. Слыши, стонет мой сержант: голова в крови, а вместо руки торчит из плеча кусок мяса с костью.

Что меня больше всего поразило, в сознании он был. И когда я к нему подполз, он мне: «Санёк, будь другом, пристрели. Всё одно — не жилец я».

На этом месте и подоспела к нам сестричка Тоня. Сержанта она доставила в дивизионный госпиталь, а меня в наш медсанбат.

В мирной жизни мы активно поддерживали связь с медсёстрами, нашими землячками: Рыбаковой, Фединой, Алашеевой.

А движение наше на запад, как половодье, было не остановить никакими препятствиями.

А.К. Дружков и фронтовая медсестра Антонина Рыбакова

В.М. Керханаджев: «Где будем лечить ветеранов?»

Среди бойцов чувствовалась особая подтянутость, собранность. Предчувствие Победы. И 2 мая наши подразделения вышли на побережье Балтики. Через пролив видим остров Рюген, занятый противником. Пока формировали десант на самоходных баржах, чтобы высадиться на острове, подоспели наши боги войны — артиллеристы. Дали залп из реактивных установок, весь берег заполнился противником, сигналящим белыми флагами: «Сдаёмся!»

...В мирной жизни тоже не отсиживался в стороне,— продолжал Константиныч. В 51-м, как демобилизовался, в Ахуны подался. Стал учиться в сельхозинституте. Одновременно случилось главное, что бывает с каждым. Моя школьная любовь Вера Романовна Губина из совхоза им. Тимирязева дождалась меня. В любви и согласии с Верой появились наши дети. Александр стал офицером, Валентина — врачом, а Людмила — педагогом.

Так с 1956 года иду по жизни, как по спирали, в пределах почти одного района: главный агроном совхоза им. Ильича, совхоза «Пачемский», директор совхоза «14 лет Октября», начальник Мокшанского управления сельского хозяйства, директор учхоза «Рамзай», а на пенсию ушел с поста директора совхоза «Заря» в 1986 году.

К разговору подключается дочь Людмила:

— Я уже больше чем дочь, потому что давно сама мамой стала. Скажу, как педагог, об особенности, характеризующей моего папу. Посмотрите, как к нему дети льнут. Ведь к человеку с закрытой душой ребёнок не подойдет. А к деду Саше малышня будто магнитом притягивается. Потому что он добрый, безотказный, не нагрубит, на любую просьбу сразу откликнется. Вся наша большая семья гордится его боевым прошлым. Но он и сегодня возрасту не подвластен: то едет на ветеранское собрание в Пензу, то идёт на встречу со школьниками, то у него в краеведческом музее собрание со студенческой молодёжью.

Подключился к разговору глава сельской администрации Рамзая — Владимир Николаевич Шалимов:

— В нашем посёлке Александру Константинычу всяческий почёт и уважение. И не только у нас. Взять, к примеру, его инициативу по передаче спортзала на баланс нашего муниципалитета. Десять лет объект никак не использовался, даже не отапливалось здание. Совсем могло бы в руины обернуться. А от Константиныча пошел импульс, поддержали его в областном правительстве, решение в нашу пользу состоялось. Хотя до того мурлыкли вопрос несколько лет подряд. Ведь ежели по уму, надо нашим начальникам и вперёд заглядывать.

У поселения Рамзай реальная перспектива развития появилась. Мы рассчитываем, что к 2015 году население в посёлке увеличится до семи тысяч. Нужен инвестор уже сегодня, чтоб этот «несчастливый» спортивный объект реанимировать и поставить его на службу народу.

С грустью Константиныч говорит:

— Всё ж как время к нашему поколению безжалостно. Всего пятнадцать лет назад бойцы из 354-й собирались со всех уголков Союза в драмтеатре в

Пензе. Больше двухсот человек тогда приезжали. Меня тогда избрали председателем Совета ветеранов 354-й дивизии. А теперь нашего брата по пальцам считаем: один — в Питере, два — в Москве и у нас — трое. Вот и вся дивизия. Но на последней встрече мы давали клятву. Пусть хоть последний солдат в живых останется, потомкам расскажет, как мы воевали, как мы любили, как мы хотели, чтобы была надёжной смена наша...

А лично мне есть чем гордиться. Считайте — внуки мои: Алексей, Наталья, Роман, Оля, Лена и правнуки: Диана, Никита, Даши, Кирилл, Артур. Самая заветная мечта моя сегодня, чтоб они выросли достойными гражданами земли, которую мы защищали, не щадя живота.

Любовь Николаевна Преснякова

С Любовью Николаевной Пресняковой мы встретились в концертном зале «Октябрь». Поздоровались. Оглядываю зал — яблоку некуда упасть.

— Да, — подтверждает Любовь Николаевна, — полный аншлаг, мероприятие тут солидное, общегородского масштаба. Сегодня я в качестве председателя Совета ветеранов Ленинского района выполняю поручение. Буду вручать благодарность художественному руководителю академического хора ветеранов имени Николая Котляра — Вере Капитуровой. У них юбилейный отчётный концерт, а Вера — бессменный руководитель хора уже 15 лет.

Хор и правда блеснул, будто молодой. Народ вон все ладони отхлопал. Что не номер — просто на ура. Конечно, рука мастера видна.

Такими впечатлениями мы обменивались с Любовью Николаевной.

— Как профессионально здорово Вера сделала аранжировку, именно для своего хора придумала «Барыню», «Старого извозчика», «Гвардейскую полечку»...

— Ведь эти вещи совсем по-новому зазвучали. Не стыдно на любом уровне показать, — подхватывает Преснякова.

Мы беседуем после концерта в служебном кабинете «Октября».

— У меня ведь как жизнь сложилась? — начинает Любовь Николаевна. — Двадцать второго июля тысяча девятьсот сорок первого года я окончила фельдшерскую школу. А в двенадцать часов этого же дня — предписание: должна явиться на призывной пункт. Господи! Метнулась домой, там пусто. Папа в командировке, а мама на заводе. Их уже перевели на военное положение. Отлучиться невозможно. Я в слезах, спасибо тётке, проводила она меня на Пензу-I. А там — состав под парами, телячи вагоны, нары из досок, подстилка соломенная. Удобства на этом кончились. Двадцать дней в пути. Потом были госпитали. Много крови и ужаса.

На вопрос о личной жизни Любовь Николаевна без тени смущения ответила: «Был у меня друг сердечный. Серёжей звали, дослужился до полковника. Погиб... А в моей памяти он до сих пор живёт...»

— Как-то получалось, что я всегда на виду. А в итоге — всё время на передовую попадаю. Ещё в семьдесят восьмом собралась было на пенсию, а на

районной конференции присутствовал Георг Мясников — секретарь обкома КПСС. Выслушал он мой доклад и говорит: «А тебе, Любовь Николавна, самое время засучать рукава, отдохнуть будешь потом!»

— Так и покатилось. Третий год я в комитете ветеранов войны, который возглавил маршал Говоров. Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год — я делегат первого съезда ветеранов войны и труда в городе Москве. На протяжении тридцати лет — бессменный председатель Совета ветеранов по Ленинскому району. Наша организация — самая многочисленная в городе: более шести десятков первичек, а я и мои товарищи и подруги — в гуще событий. Стаемся успевать за стремительной жизнью.

Ноябрь текущего года стал для нас очередным этапом, потому что состоялся торжественный пленум, который подвёл итоги тридцатилетней деятельности районного Совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Мы договорились с присутствующими представителями муниципальной и региональной власти, что передадим свой уникальный опыт молодому поколению. Пасовать перед годами и болезнями не хочу и не буду!

Владимир Михайлович Керханаджев

С Владимиром Михайловичем Керханаджевым мы встретились и близко познакомились ещё в начале прошлого года. В институте народосбережения, что на Володарского, 6, директор Кислов Александр Иванович проводил «круглый стол» по теме «Врач и пациент». Как раз в это же время среди ветеранской общественности ходили панические слухи о грядущей ликвидации госпиталя (проспект Победы). Помню, что на критические замечания и вопросы Керханаджева представитель Минздрава, присутствующая на «круглом столе», ничего вразумительного не сказала, по причине явной некомпетентности.

Не в правилах боевого полковника оставлять вопросы без ответов. Ровно через два месяца ветераны собрались на площадке областной больницы им. Бурденко в присутствии заместителя министра здравоохранения области Оксаны Чижовой и главного врача Сергея Евстигнеева.

На этой встрече заместитель министра официально объявила:

— В госпитале на проспекте Победы в текущем году откроется паллиативное отделение, где ветераны получат весь набор медуслуг. А вот урология и хирургия начиная с две тысячи тринадцатого года будут осуществляться в Центре мужского здоровья, на базе многопрофильной областной больницы им. Бурденко. Ведь не секрет, что во время операции часто бывает востребована помочь узких специалистов, таких как кардиолог, нейрохирург. Такое возможно выполнять лишь в высокотехнологичных центрах, где практикующие классные специалисты вооружены самым современным диагностическим и хирургическим оборудованием. Концепция оказания медпомощи населению (ветеранам в том числе) будет осуществляться именно по таким правилам.

— Оксана Викторовна! Сегодня вы нас убедили. Пожелаем друг другу, чтоб и впредь слова с делом не расходились, — Керханаджев был по-военному краток и точен.

Говорит Владимир Михайлович:

— Были в Армении два греческих посёлка. Один из них находился в Алаверском районе. Это моя родина. Там я после окончания школы, в 1938-м году, вступил в комсомол.

К сентябрю тысяча девятьсот сорок второго года мне исполнилось восемнадцать лет, и я попал служить в инженерно-сапёрный батальон, который входил в состав Закавказского фронта.

Через непродолжительное время нашу часть перебросили на Юго-Восточный фронт. В октябре он стал Сталинградским, а мы попали в состав 62-й армии под командованием генерал-лейтенанта Чуйкова.

Наш батальон участвовал в пленении Паулуса. Затем почти до весны сорок третьего разминировали город Сталинград и его подступы, где каждый метр земли кишел боеприпасами, был почти сплошь минирован либо нашими, либо противником.

С августа тысяча девятьсот сорок третьего наша часть готовилась к штурму города Орла. Конкретно перед моим отделением стояла задача по разминированию будущих проходов для танковой атаки. Очевидно, со стороны противника заметили наше продвижение, и попали мы под миномётный обстрел. Контузило меня.

Очнулся. Медсестра. Слыши, тянет меня за плащ-накидку и приговаривает: «Миленьевский! Погоди, не умирай. До наших осталось десять шагов!»

— В госпитале я узнал, что моим спасителем была медсестра Люба Никитина, — продолжает Владимир Михайлович. — Позднее разглядел, что она была и молоденькой, и красивой девчонкой.

Похоже, в свои девятнадцать я тоже был ещё тот соколик, потому и случилась у нас обоюдная любовь. И как потом оказалось, с обеих сторон — первая.

Война продолжается. У меня дело к выздоровлению. Хлоп, сообщает моя Любовь, что она в «интересном положении» и будет хлопотать отпуск, чтоб попасть к родителям в город Березники.

Тяжело мы расставались. Но я поклялся: «Ни на секунду, Люба, не сомневайся. Жив останусь, найду тебя. Будет у нас семья».

Май сорок пятого я встречал под Кенигсбергом. Здесь состоялся судьбоносный для меня разговор с командиром батальона.

Он спросил меня, хочу ли получить военное образование. Я говорю:

— Товарищ капитан! А ведь это — моя мечта. Я сам себе давал обещание, если живым останусь, то обязательно пойду учиться на военспеца.

Так я и очутился в Ленинграде в военном училище. Там же получил весточку от Любы из Березников. Дочь у нас родилась, Галина.

Сейчас я могу спокойно размышлять, почему нас судьба развела?

А тогда, в сорок восьмом, было горько, обидно и досадно, что Люба моя вышла замуж.

Не потому, что предпочла другого. Скорее всего, потому, что чертовски красивой была.

По окончании училища 20 лет прослужил в Вооруженных силах Союза на Дальнем Востоке. Через двадцать лет я разыскал свою dochь Галину. Теперь она с семьёй живёт в Арбекове.

В тысяча девятьсот сорок девятом году мы встретились с моей Александрой, с которой родили двух дочерей, нашему семейному союзу более шести десятков.

С тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года я стал работать в составе гражданской обороны Пензенской области, и с этого момента моя жизнь связана с Пензой.

Недавно прикинули мы с супругой о пройденных дорогах и годах, получилось — ах, судьба военного человека — это наше двадцать первое место жительства.

Теперь скажу напоследок. Считаю себя вполне счастливым человеком, имея уже троих правнуков, верную, несгибаемую супругу и любимых дочерей.

В взаимоотношениях с властью принципиально исключаю метод противостояния. Мы — за человеческие отношения, основанные на законе и справедливости. Превыше всего для нас — отстаивать интересы ветеранов и человеческой личности. В нашем городе 95 тысяч ветеранов, из них 1300 — участники Великой Отечественной войны, 8500 — труженики тыла, около восьми тысяч военных пенсионеров.

К сожалению, несмотря на то что их мало, всё-таки случаются прискорбные факты, когда близкие родственники лишают ветеранов квартир, которые государство выделило бесплатно. Это наша общая боль. Когда искажаются понятия добра, истинных родственных отношений. Когда правит бал предательство и корысть.

Коллега по городскому Совету ветеранов Тамара Петровна Кузнецова ставит точку, характеризуя своего председателя: «Знаю Владимира Михайловича с девяносто шестого года. Глубоко порядочный. Неравнодушен. Что важно в нашей работе, реагирует на вопросы моментально. Чужую беду или проблему он очень чувствует. Как говорится, сквозь сердце пропускает. Про него без тени юмора скажу: наш Михалыч — настоящий полковник!»

Постскриптум. Недавно мне посчастливилось побывать на девяностолетнем дне рождения Владимира Михайловича. Там были его дети, внуки, закадычные друзья, представители городской и областной власти. Сказать, что было весело, — ничего не сказать, потому что получился праздник городского масштаба.

Губернатор Василий Кузьмич, вручая юбиляру медаль «За заслуги перед Пензенской областью», пожелал: «А погулять на столетии, Михалыч, слабо?»

Керханаджев, не растерявшийся: «Много рубежей, Кузьмич, в жизни одолели: и сталинградский, и курский — возьмём и этот!»

Владимир АНТИПОВ

**ОТВЕТ
ВНУКУ**

Стихи

НЕ СПИТСЯ ВРЕМЕНИ И МНЕ...

...Не спится времени и мне.
Бреду уснувшим переулком.
Шаги в застывшей тишине
Слышны отчётливо и гулко.

Со мною память наравне
Идёт, о давнем вспоминая:
О том, как выжил мир в огне
И вновь расцвёл в начале мая.

Через Берлин вёл путь домой,
Через четыре тяжких года,
Вконец измученных войной
Сынов великого народа.

Таблички с фронтовых могил
Осколками на сердце пали.
Кого любил и с кем дружил,
Укрыло время в дымной дали.

Солдат погибших не вернуть.
Их души звёздными ночами
Обходят строем Млечный Путь,
И скорбный ход их нескончаем.

И в зеркалах бездонных луж
Разбитых уличных обочин

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Мерцает путь ушедших душ
На чёрном поле вечной ночи...

...Не спится времени и мне...

ШТУРМОВИКИ

...Идём на взлёт. Навстречу шар земной
Вращается, захлёбываясь пылью.
Мы оставляем землю за спиной,
Вонзая в небо латаные крылья.

Взлетает полк. Стаемся успеть,
Пока нас «мессершмиты» не «накрыли».
Под нашим брюхом тихо дремлет смерть.
Мы — гром небес. Мы — штурмовые «илы».

И вздрогнет враг, услышав мерный гул,
И встретит нас в зенитные объятья.
И ринемся мы в пламенный разгул,
Швыряя вниз и бомбы, и проклятья.

Разрежет воздух взорванная сталь,
И чьи-то судьбы встретятся с металлом,
И загудит контуженная даль,
И вспыхнет ночь костром кроваво-алым.

А на далёкой взлётной полосе
Нас будут ждать из огненного чрева.
И мы вернёмся. Только вот не все.
И вскрикнет эхо: «Где вы? Где вы? Где вы?!»

Я ПОМНЮ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Я помню свой последний бой:
Друзей, в победный день убитых,
И мин надсадный хищный вой,
И взрывом вздыбленные плиты;

Как непогода, хмуря бровь,
Дождём смывала пот солёный,
Как рисовали пули кровь
На сером, белом и зелёном.

Не позабыть черты лица
Солдата — с тихим словом «мама»
За две минуты до конца
Шагнул он в вечность смело, прямо...

...Затих последний крик войны.
Цена победы так весома.
В молчанье скорбном тишины
Поныне длится путь до дома...

ОЖИДАНИЕ ДЕДА

Мой дом покрашен и обвит
Листвой. Цветник перед дорожкой.
Забор железный, чудный вид.
Лишь с крыши капает немножко.

Без телевизора, газет.
Всё обиходжено, но скромно.
В одной поре — и стар, и сед.
И место выбрано укромно.

Но одиноко мне порой.
Я жду, когда придёте в гости
На День Победы всей семьёй...
В малометражку на погосте.

ОТВЕТ ВНУКУ

Чулан хранил и пыль времён,
И вещи, нужные отчасти.
Шинель висела скромно в нём
И с нею моль невзрачной масти...

— Ответь мне, деда, почему
Не выбросил её на свалку?
— Мы с ней огорили войну,
Друзей терять — безумно жалко.

Сукно, пропахшее махрой,
Рукав дырявый в пятнах рыжих.
Хоть груб и неказист покрой,
В одёжке этой юность вижу.

Когда железные ветра
Несли несметные утраты
И разрывали до нутра
Судьбу страны, шинель солдата

Спасала землю и сады,
Укрыв от жгучего мороза,
Чтоб не плелись твои мечты
В хвосте немецкого обоза.

Нас с нею ранило не раз
Навылет болью и тоскою.
Мы принимали пули в фас,
А взгляды Родины — спиною.

Прошли мы годы, города,
Меняя раны на медали.
Вдвоём нам горе не беда.
Вот только старше вдвое стали...

ВДОВА

Сухая хроника газет.
Звезда. Железная ограда.
Тебя, мой сокол, больше нет —
Не долетел ты до Парада.

Стал серым сразу белый свет,
И детский смех — одна отрада.
Тебя, как прежде, рядом нет,
А соколятам в небо надо.

Струится жизнь по склону лет.
И что здорова — вот награда.
И кто сказал, что рядом нет
Тебя, когда ты вечно рядом.

Николай БЛОХИН

**НА ВОДЫ
В ПЯТИГОРСК**

Весной 1825 года тарханская помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева (урождённая Столыпина) объявила домочадцам, что вместе с внуком снова едет на Кавказ, дабы поправить водами и горным воздухом здоровье Мишеньки. Зная, что Мишу скоро придётся отдать в учение в Москву или Петербург, бабушка решила сделать внуку подарок, очень щедрый, — поездку на Горячие Воды на целое лето.

К БАБУШКЕ ЕКАТЕРИНЕ

Это была её третья поездка на Воды с юным Лермонтовым, кото-
рому в то лето шёл одиннадцатый год. О двух первых поездках поэта
известно немного. Считается, что первый раз Лермонтова ребёнком
бабушка привезла на Кавказ летом 1818 года. Отдыхала Арсеньева
с Мишелем и семьёй брата Александра Алексеевича Столыпина в
имении сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой в станице Шел-
козаводской на Тerekе, за Владикавказом, ближе к Кизляру. Имение
именовалось Шелковицей, или «Земным раем», а военная крепость
Ивановской.

«...Имение, — писал первый биограф поэта профессор П.А. Висковатый, — подвергалось частым нападениям горцев; кругом шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексеевна так привыкла к ней, что мало обращала внимания на опасность. Если тревога пробуждала её от ночного сна, она спрашивала о причине звуков набата: «Не пожар ли?» Когда же ей доносили, что это не пожар, а набег, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сон. Бесстрашие её доставляло ей в кругу родни и знакомых шуточное название «авангардной помещицы», так как имение Хастатовой было расположено на рубеже, за которым жили горские племена».

В рапорте Кизлярского окружного землемера Кудрявцева от 21 января 1824 года за № 6 содержится описание этой пограничной линии:

«...Проходя по оному урочищу реке Тереку, направо — земля, с лесными угодьями общего владения ген.- майорши Хастатовой, а налево — река Терек и за оной — горские владения. Длина этой линии 188 саж...»;

«...Дошел до поворота 486 саж., с оного места поворот на румб от S к W 52 градуса 30 мин., направо — земля и лесные угодия владения г-жи Хастатовой, а налево — река Терек, а за оной — горские народы...»;

«...С оного места поворот на румб от N к W 68 градусов, направо — крепость Ивановская, а налево — река Терек, а за оной — лесные угодья г-жи Хастатовой...».

И еще одна важная деталь из архивного дела №1342 Государственного архива Ставропольского края за 1819 год:

«3. Крепость Ивановская или Шелкозаводская. На реке Тереке — между селениями Паробичевого и Шелкозаводского — обращена в военный пост, в котором находятся 2 роты. Обывателей же и предместья нет, почему и земли для оной не назначаются».

Эти документы впервые были обнаружены Сергеем Ивановичем Недумовым, который в должности старшего научного сотрудника, затем заведующего отделом фондов с 1939 года до ухода на пенсию в 1961 году работал в музее «Домик Лермонтова в Пятигорске». Но, к сожалению, до сего времени современные лермонтоведы практически не обращают внимания на эти находки. А между тем, считали составители книги С.И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск», которая была издана полностью только после смерти автора, как могло так долго существовать имение Хастатовой на самой границе с горцами? Никакая храбрость владельцев имения, замечают составители, о которой сохранились воспоминания современников, не могла бы противостоять отчаянным набегам. Крепость находилась под охраной военных.

И тем не менее в списке «...кому именно старейшим в дворянском роде женска пола по Кавказской губернии розданы бронзовы медали, установленные для дворянства в память 1812 года» под номером 24 значится: «Кизлярского (уезда) Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша».

Бабушка Екатерина, как позднее узнает юный Лермонтов, в тяжёлый для России год, помимо управления имением, как могла, помогала Отечеству, за что и была удостоена медали «В память Отечественной войны 1812 года». Но для окружающих эта награда была лишь подтверждением храбрости бабушки Екатерины.

В качестве доказательства, что Лермонтов побывал впервые в Шелкозаводской в 1818 году, литературоведы ссылаются на запись в альбоме, якобы принадлежавшем его матери, который он возил с собою с детства: «1818 июля 30-го, Шелкозаводск». Запись эта сделана рукой дяди Лермонтова Павла Ивановича Петрова под стихами, обращёнными к Арсеньевой. Как позднее уста-

новила исследователь жизни и творчества поэта В.Б. Сандомирская, альбом принадлежал М.А. Шан-Гирей, «любимой тёти» Лермонтова.

Екатерина Алексеевна Хастатова (урождённая Столыпина), сестра Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, была замужем за генерал-майором Акимом Васильевичем Хастатовым, но рано овдовела. Прожив 53 года, Хастатов скончался в 1809 году. Екатерина Алексеевна осталась с тремя детьми: Марией, Анной и Акимом.

Одна из дочерей Анна Акимовна Хастатова, тётя Лермонтова, была замужем за Павлом Ивановичем Петровым. У них было четверо детей: три дочери и сын. В 1818 году Петров был назначен командиром Моздокского казачьего полка. Через восемь лет он, уже войсковой атаман Астраханского казачьего войска, произведен в полковники «за отличие в сражениях с горцами». А в 1834 году Петров произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба войск на Кавказской линии и в Черномории. Жил с семьёй в Ставрополе. Многое сделал для облегчения участия опального поэта во время его первой и второй ссылок на Кавказ.

Дядя Лермонтова Акиму Акимовичу Хастатову, брату Анны Акимовны и Марии Акимовны, в 1825 году исполнилось 18 лет. Начинал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Семёновского полка. По материалам П.А. Висковатого: «Хастатов этот был известный всему Кавказу храбрец, похождения его переходили из уст в уста. Это был удалец, достойный сын мужественной матери, рассказы которой так сильно возбуждали воинственный дух маленького Лермонтова». Некоторые приключения из жизни дяди Акима Акимовича Хастатова Лермонтов использовал в повестях «Бэла» и «Фаталист».

Тётя Лермонтова Мария Акимовна, сестра Анны Акимовны и Акима Акимовича, к приезду Мишеля Лермонтова в 1825 году на Кавказ была замужем за Павлом Петровичем Шан-Гиреем.

В то лето Лермонтов подружился с Акимом Павловичем, сыном супругов Шан-Гиреев. Он был моложе Лермонтова на четыре года. В семье бытовал рассказ о том, как однажды Екатерина Алексеевна спасла своего внука. Как-то горцы напали на Шелкозаводское и застигли врасплох Екатерину Алексеевну с малолетним внуком Акимом. Но она не растерялась, встала в простенок и спрятала мальчика под своей широкой юбкой. Горцы не тронули смелую женщину и ушли. Так Екатерина Алексеевна спасла внука от смерти.

Впоследствии Аким Павлович Шан-Гирей написал мемуары о Лермонтове, которые, по оценке литератороведов, оказались одними из самых значительных и содержательных воспоминаний о великом русском поэте.

Второй раз юный Мишель Лермонтов, от роду которому не было и шести лет, побывал на Кавказе летом 1820 года. О втором путешествии в том же альбоме рукой двоюродного деда поэта Александра Алексеевича Столыпина сделана запись: «Кислые воды, 1820-го, августа 1-го».

В статье «Дуэль и смерть Лермонтова», опубликованной в многотомном издании «Записки русской академической группы в США» (T. 23. — Нью-Йорк,

1990. — С. 75 — 101), её автор профессор Павел Николаевич Пагануцци привёл карты путешествий Михаила Лермонтова. На одной из них указан маршрут поездок для лечения: Москва — Железноводск и Пятигорск. Пагануцци полагает, что Лермонтова возили на Кавказ трижды: в 1818 году, 1820 и 1825-м. Именно три раза. И приводит, по его мнению, точные даты этих поездок. Пагануцци убеждён, что все «три маршрута» начинались в Москве.

Исследователь жизни и творчества П.А. Висковатый в своё время не очень-то был уверен в этом. Для этого Арсеньевой с внуком пришлось бы проделать крюк в несколько десятков вёрст. Проще было ехать из Тархан на Тамбов или Кирсанов, а уж оттуда выбираться на столбовую дорогу Москва — Воронеж — Черкасск — Ставрополь. Да и опыт поездок на Кавказ уже был. До Арсеньевой и юного Лермонтова дорогу на Кавказ проложили их близкие родственники, их рассказы об особенностях столь долгого путешествия передавались из уст в уста.

О том, что близкие родственники Лермонтова бывали на Горячих Водах, можно судить по «Ежемесячным ведомостям о прибывающих на Минеральные Воды и отъезжающих с них», хранящимся около двухсот лет в фонде начальника Кавказской области Государственного архива Ставропольского края.

Среди прибывших на Горячие Воды в «Ведомостях» за 1813 и 1815 годы значится двоюродная бабушка поэта «г-жа генеральша Екатерина Хастатова из Ивановской крепости, при ней людей — 7», в 1814 году — двоюродный дед Афанасий Алексеевич Столыпин, в 1815 году — прадед Алексей Емельянович Столыпин, в 1817 году — дядя Павел Иванович Петров.

ОТЪЕЗД НА КАВКАЗ

Самые подробные сведения сохранились о третьей поездке юного Лермонтова на Кавказ. Отъезд задержало печальное известие: 7 мая 1825 года в Санкт-Петербурге умер брат А.А. Арсеньевой и А.А. Столыпина — тайный советник, обер-прокурор Сената Аркадий Алексеевич Столыпин. Извещение о его смерти опубликовано 9 мая 1825 года в «Северной пчеле».

Но откладывать поездку на Кавказ из-за столь печального события Арсеньева не стала. В начале мая 1825 года она объявила домочадцам день отъезда на Горячие Воды. К путешествию готовились долго, сборы начались ещё в апреле, за несколько недель до отъезда. Дорога из имения Тарханы на Кавказские Минеральные Воды предстояла неблизкая. Даже поездка из Тархан в Москву была целым событием, не говоря уже о поездке в Петербург, а тем более — на Кавказ.

«В то время железных дорог не было, — замечает литературовед Н.С. Шер, — надо было ехать на лошадях. От имения Тарханы до Пятигорска, или, как тогда его называли, Горячих Вод, ехали около месяца; часто останавливались в пути, ночевали на почтовых станциях; было весело, интересно».

Независимо от настроения путешественников, поездка на Кавказ тогда была нелёгкой. Не день, не два и не три. И даже не неделя!

Существовавшие тогда способы передвижения и дорожные правила описаны в «Путеводителе по Пушкину». Заглянем в него.

«Дальние поездки на лошадях имели несколько подразделений, — отмечают составители «Путеводителя...». — Ездили на перекладных, или на почтовых (так назывались казённые лошади, которых ехавший менял на почтовых станциях. Почтовые лошади нанимались по определённой тарифе); на вольных — когда ямщики нанимались по вольной, договорной цене; на долгих — когда ехавший нанимал пару или тройку лошадей «от места до места» и на одних и тех же лошадях ехал всю дорогу; езда «на долгих» была действительно медленной, но обходилась дешевле езды «на почтовых». Помещики, не желавшие тратиться на наём вольных ямщиков, ехали «на долгих», в собственных экипажах и на своих лошадях... В поездке на своих пассажиров, не имея надобности в казенных, почтовых лошадях, совершенно не зависели от расположения почтовых станций, делали остановки там, где находили нужным.

Желавший ехать на почтовых должен был получить *подорожную*. В подорожной обозначались маршрут, должность и фамилия ехавшего, *по казённой* или *по своей надобности* он едет, какие лошади следовало ему дать («почтовые» или «курьерские») и число лошадей... Без подорожной нельзя было выехать за черту города, за *заставу*... Для перемены лошадей и отдыха были устроены *почтовые станции*, но они были неблагоустроены и неудобны. Почтовая станция находилась в ведении *станционного смотрителя*, мелкого чиновника... Станционный смотритель проверял подорожные, получал проходы и отпускал лошадей, которых обычно не хватало, из-за чего возникали неизбежные споры с проезжающими...»

Картину отъезда обоза из помещичьего имения ярко описал Александр Пушкин в романе «Евгений Онегин» (гл. VII, строфы 31 и 32):

Отъезда день давно просрошен,
Проходит и последний срок,
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы *et cetera*,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач;
Ведут во двор осьмнадцать кляч,

В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит форейтор бородатый,
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползёт за ворота.

В начале мая установилась хорошая погода. Дороги к этому времени на юге уже просохли. У помещиков, даже не слишком богатых, в обозе было до десяти экипажей, а в упряжке шло по 40 — 45 лошадей.

В ту весну Арсеньева выехала из имения Тарханы тоже большим обозом. На Воды отправились Арсеньева с внуком, бабушкин брат Александр Алексеевич Столыпин. Он ехал с женой Екатериной Александровной и дочерьми Марией, Агафьей и Варварой. В других экипажах ехали родственник бабушки Михаил Пожогин-Отрашкович, доктор, учитель, гувернантка. В отдельной бричке ехала кухня с поварами, чтобы готовить обед на остановках. В дорогу Арсеньева приказала взять «погребец» — этакий дорожный ларец с чайным и столовым прибором.

О том, что ещё брали с собой в дорогу отъезжающие на Кавказ, представление даёт «Наставление больным», изложенное в книге А.П. Нелюбина «Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод» (Соч. в 2-х кн. Кн. 2. — С.-Петербург, 1825. — С. 642 — 643).

Для больных, делился своим опытом Нелюбин, изнурённых продолжительностью болезнью, и маленьких детей лучше избирать дорожную карету, в которой во время пути можно было бы в степи проводить ночи. Более слабые люди могут ехать удобно в дорожных колясках, прикрытых спереди зонтиком и задёргиваемых с боков особыми полами. Люди одинокие, не имеющие изнурительных болезней, часто предпринимают путешествие в почтовых повозках (на перекладных). Дорожное платье должно быть простое и покойное. Мужчины могут иметь сюртуки, фраки, шинель на вате, фуражку и на всякий случай вязаные шерстяные сапоги для ночи. Дамы, кроме обыкновенного платья или капота, подложенного тонкою ватою, надевают сверху салопы или шинельки, подбитые ватою; на ноги — башмаки или полусапожки на байке; едущие же в открытых экипажах запасаются и вязанными сапогами для обратного пути. Для головы дамы употребляют чепцы, девицы — коленкоровые шляпки с маленькими полями, дети же носят шапочки. Перед отправлением в путь надлежит запастись потребным количеством всякого белья, особенно нижним и постельным, поскольку при употреблении ванн переменяемое бельё должно быть чистым. Пуховики и огромные по-

душки излишни, весьма громоздки и много занимают места в экипаже. В дороге достаточно иметь лёгонькие матрацы и сафьяновые подушки.

Из Санкт-Петербурга, советовал А.П. Нелюбин, всего лучше отправляться в начале мая, то есть между 5 и 10 числами, или не позднее половины мая. Лучше всего выезжать в такое время, когда дороги после весенней распутицы уже просохли и разлившиеся реки вошли в свои берега.

В дальнейших наставлениях Нелюбин даёт указания относительно прислуги, дорожных припасов и режима в пути.

«Должны, — пишет он, — взять для услуги одного или двух человек (весьма нехудо, когда один из них будет повар); а дамы — горничную девушку или кухарку. Отъезжающим надлежит запастись потребным количеством шоколада без ванили, также кофеем, чаем, сахаром и мадерою; запас сей пополняют в Москве, Воронеже, Новочеркасске и других городах».

И далее в «Наставлениях...» читаем, словно про обоз Арсеньевой: «Многие особы из смежных с Кавказскою областю губерний... часто предпринимают путешествие к Водам на собственных лошадях и с многочисленною свитою. Такой вояж, без сомнения, имеет свои выгоды, особенно для больных, расслабленных и для тех, коим тряская и скорая езда может вредить; с другой же стороны, посетители делают значительные сбережения, продовольствуя лошадей во всю дорогу и на самом месте подножным кормом и покупая овёс за самую сходную цену».

Путникам же, живущим в 800 и более верстах от Кавказских Минеральных Вод, надлежит ехать на почтовых лошадях. Проезд на Воды и обратно до Санкт-Петербурга на восьми лошадях обошёлся лично Нелюбину в 2300 рублей.

Арсеньева, имевшая 600 крепостных, а собственников с таким количеством душ в России было немного, тем не менее не считала себя слишком богатой. И потому отправилась на Воды на собственных лошадях.

Обозом управляли свои кучера. В дороге на остановках Арсеньевой и путникам прислуживали её дворовые, обеды готовили из своих припасов её повара.

Обоз двигался медленно. Из прошлых поездок Арсеньева знала, что путешествие займёт много времени, и потому приказала заложить для неё и внука «дормез» — карету с раскладными постелями.

Своё название этот вид кареты получил от французского слова «dormeur» («соня») или «dormir» («спать»).

Вот на таком бабушкином «дормезе» Мишель Лермонтов трясясь не менее двух недель, учитывая, что из Тархан надо было ехать в Тамбов, так как губернские дороги были лучше. Затем в Воронеж, а из Воронежа через Казанскую, Павловск на Черкасск.

ПОЧТОВЫЕ СТАНЦИИ

У Аксая была долгая остановка: экипажи переправляли на левый берег Дона. Для юного Мишеля переправа через Дон — настоящее приключение после долгой и однообразной дороги. А почтовая станция в Аксее — островок

бурной жизни. Кто-то едет на юг, кто-то возвращается на север. Приезжают одни постоянные, уезжают другие, кто-то обедает, кто-то просится на ночлег. В Аксайе сходились две большие почтовые дороги на Кавказ: «великороссийская» и «малороссийская».

Позднее в очерке «Кавказец» Лермонтов описывает жизнь почтовых станций и станционных смотрителей: «Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в неё пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтобы поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу...»

В инструкции для станционного смотрителя от 30 сентября 1825 года будет записано: «...все... требования всякого проезжающего немедленно исполнять с кротостью и учтивостью, не позволяя себе ни малейшей грубоści».

Аксайская почтовая станция сохранилась до наших дней. Сохранился и постоянный двор со старинными коваными воротами. Во время Великой Отечественной войны он попал под обстрел, но уцелел. Внутри дома почтового смотрителя мебель и предметы быта тех времён: стулья с изогнутыми спинками, старинные стол и тумбы, белые ажурные салфетки, скатерть. Во дворе, на зелёной лужайке, колодец с воротом, погреб с ледником, деревянные скамьи, верстовой столб, на одной стороне которого надпись столбцом в три строки: «С-Петербургъ 1951 верста», на другой: «Ставрополь 371 верста». В сарае — зимний возок, сани, на стенах — конская упряжь, хомуты. На сарае фонарь для ночного освещения. Под навесом — фаэтон, карета. И современная музейная табличка: «Почтовая станция 19 века». На главном здании тоже табличка: «Домик почтового смотрителя. Построен в начале XIX века».

Для туристов отдельный стенд с «Правилами для проезжающих на почтовых лошадях. Параграф 1. 1897 год» в современном правописании.

Из них следует: «Почтовые лошади отпускаются проезжающим по их словесному или письменному требованию во всякое время дня и ночи, причём проезжающие обязаны объявить на станции о своём звании и фамилии, а также куда едут.

Примечание: лица, едущие по казённой надобности, если желают воспользоваться предоставленными им преимуществами, указанными ниже в параграфах 7 и 10, должны предъявить удостоверение или предписание своего начальства о командировании их по делам службы.

Лермонтов проезжал Аксайскую почтовую станцию одиннадцать раз, из них шесть раз с бабушкой. Не миновал станцию и печальный кортеж: гроб с телом поэта везли в Тарханы через Аксайскую.

Во дворе установлен бюст А.С. Пушкина. Он проезжал через станцию с севера на юг в 1820 году, с семьёй генерала Раевского, и в 1829 году, когда ехал в Арзрум. Возвращался с Кавказа тоже через Аксайскую.

Аксайская почтовая станция — единственная на всём Азово-Моздокском тракте — уцелела до наших дней и, возможно, потому значится в каталоге исторических памятников федерального значения.

После Аксая путешественники проезжали Кагальницкую, Мечётинскую, Нижне-Егорлыкскую, Средне-Егорлыкскую.

Далее шли почтовые станции Кавказской области: Песчанокопская, Разсыпная (она же Летницкая), Калаловская, Медвеженская, Преградная, Безопасная, Донская крепость, Московская. Почтовый дорожник Российской империи содержит сведения о расстояниях между станциями. Среднее расстояние между станциями 26 верст.

Почтовые станции возникли позднее самих сёл. Средне-Егорлыкское, Песчанокопское, Летницкое, Медвеженское, Преградное основаны в 1803 году, Безопасное — в 1804. Донское берет начало от Донской крепости, заложенной в 1777 году, которая входила в цепь крепостей, составлявших Азово-Моздокскую оборонительную линию. На месте крепости Московской, заложенной в 1778 году, также возникло село с одноимённым названием. В сёлах проживали выходцы из средней России, а в бывших крепостях — хопёрские казаки с семьями, которые занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, садоводством, пчеловодством. Наиболее развитыми промыслами в сёлах были обжиг известни, древесного угля, ткачество грубого холста, гончарное ремесло, выделка овчин. Кузнецкий, бондарный и сапожный промыслы видной роли в бюджете местного населения не играли.

Население в большинстве своём неграмотно. Ни в одном из сёл, расположенных вдоль Новочеркасского почтового тракта, не было ни школ, ни фельдшерских пунктов, ни какой-либо торговли.

Самые крупные почтовые конторы были открыты в Медвеженском и в Ставрополе. Старший член Строительной комиссии на Кавказских Минеральных Водах полковник Пётр Петрович Чайковский в рапорте от 28 июля 1841 года на имя командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала П.Х. Граббе писал: «В губерниях Московской и Тульской везде есть заездные дому и постоянные дворы. В Орловской и Воронежской — только по городам и некоторым станциям, а в земле донских казаков на расстоянии 411 вёрст, кроме Новочеркасска и Аксайской станции, вообще нет никаких приютов при станциях, вообще расположенных одиноко в степях. Здесь вовсе нельзя уже находить и съестных припасов. От границы Донской и по Кавказской области до Кавказских Минеральных Вод на расстоянии 404 S вёрст существует пять заездных казённых домов, по однаковому плану выстроенных. Каждый о четырёх комнатах, или особых отделениях, из коих одно занимается смотрителем почтовой станции, три служат для проезжающих, именно при станциях: Средне-Егорлыкской, Медвежье-Колодезной, Московской крепости, Базовой балки и Сабле. Сверх того есть частные: в Ставрополе — гостиница и заездный дом, в Александрове и Георгиевске в каждом по одному, по тесному постоянному двору».

От Ставрополя путешественники добирались до Пятигорска ещё не менее суток. Так путешествовали люди непростые, а имущие. Без особой нужды в те времена никто не выезжал за ворота усадьбы. А чтобы отправиться в дальнее путешествие, нужны были и средства, и мужество. В дороге всякое случалось.

НА ВОДАХ

Подтверждение о пребывании Арсеньевой с внуком на Водах в 1825 году находим в альбоме М.А. Шан-Гирей, в котором Лермонтов нарисовал кавказский пейзаж и подписал своей рукой: «13 июня. Горячие воды». Судя по этой записи, можно сделать вывод о том, что Е.А. Арсеньева и её спутники в то лето не поехали в станицу Шелкозаводскую. Открываем августовский выпуск журнала «Отечественные записки» за 1825 год. В списке посетителей и посетительниц Кавказских Вод в 1825 году по июль, помещённом в «Отечественных записках» П.П. Свињина, значатся: «Столыпины: Марья, Агафья и Варвара Александровны, колледжского асессора Столыпина дочери, из Пензы, Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова порутчица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник её Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, губернёра Христина Ремер... Шангерей Павел Петрович, отставной штабс-капитан, из Кизляра... Хастатов Макар Захарович, титулярный советник из Астрахани... Столыпин Александр Алексеевич, колледжский асессор из Симбирска, его супруга Екатерина Александровна... Петров З-й Павел Иванович, командир Моздокского казачьего полка, подполковник из Наура, жена его Анна Екимовна, дочери Катерина и Марья... Гнедич Николай Иванович, колледжский советник, Императорской публичной библиотеки помощник библиотекаря, из С.-Петербурга...» («Отеч. записки». — 1825. — № 64 (август). — С. 260).

Ещё один свидетель поездки юного Лермонтова на Кавказ — это сам Михail Лермонтов, к которому тем летом пришла первая любовь. По поводу своей первой любви поэт оставил следующую запись: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?

Мы были большим семейством на Водах Кавказских: бабушка, тётушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я её видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но её образ и теперь ещё хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь: с тех пор я ещё не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал её видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату... Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или

тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят её существованью — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринуждённость — нет, с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

Эту запись Лермонтов сделал 8 июля 1830 года, пять лет спустя с того памятного часа...

Вспоминая лето 1825 года, Лермонтов не преминул упомянуть, что «на Водах Кавказских» «были большим семейством». Где же тогда и у кого оно остановливалось? Листва «Ведомости посетителей Горячих Вод в сезон 1818 года». Это первая поездка четырёхлетнего Лермонтова с бабушкой на Кавказ.

Нахожу запись за 21 июня 1818 года: «Хастатова Екатерина Алексеевна, вдова, генерал-майорша. При ней: дочери её Анна Екимовна и Марья Екимовна, поручица Шер-Гиреева, поручик Павел Петрович Шергирей. Дворовые люди: Алексей Иванов, Павел Артемьев, Николай Чиков, Павел Анисимов, Александр Савельев, Дмитрий Лаврентьев, Марко Чехов, Константин Павлов, Яков Щербаков, Яков Павлов, Иван Игнатьев, Яков Марков, девицы: Надежда Михалова, Агафья Кузмина, Дарья Юдина, Агафья Захарова; женщины: Марья Васильева, Прасковья Абрамова, Ианна Степанова. Вида не представили. [Остановились] в собственном доме».

Про приезд Е.А. Арсеньевой с внуком сведений нет. Важно другое: у Хастатовой на Горячих Водах был собственный дом. Этот дом упоминается и в «Ведомостях посетителей Горячих Вод в сезон 1821 года»: «7 июля. Петров Павел Иванович, Моздокского казачьего полка командир, подполковник с женой Анною Екимовной и с двумя малолетними детьми. При них пятидесятники Иван Коничев и Осип Гориночев. Крепостных людей: мужска пола — 4, женска — 1. Из Моздока. Виду не представили. [Остановились] в доме генерал-майорши Хастатовой».

Как и в первом случае, так и во втором, упоминание дома генерал-майорши Хастатовой наводит на мысль о том, что Арсеньева с внуком провела большую часть времени на Горячих Водах, а не в станице Шелкозаводской. История этого дома такова.

ДОМА БАБУШКИ ЕКАТЕРИНЫ

В феврале 1820 года, как свидетельствует архивный документ, Е.А. Хастатова подала прошение на высочайшее имя, в котором просила позволения «выстроить при Минеральных Водах Кавказской губернии перевезённый мною из Георгиевской станицы собственный мой в сломке деревянный дом со службами о шести комнатах близ такового же новостроящегося дома от приказа общественного призрения по плану — фасад под номером 9, а фасад ворот № 60».

Прошение Хастатовой, поступившее в Кавказское губернскоеправление, было передано губернскому архитектору Мясникову. Заключение архитектора

и выполненный им план были рассмотрены 24 марта 1820 года в общем присутствии губернского правления. План дома утверждён. В постановлении губернского правления записано: «Отослать (его) к архитектору Мясникову при указе и велеть в постройке оного генерал-майорше Хастатовой препятствий не делать и смотреть неослабно, чтобы постройка оного произведена и окончена была непременно сообразно плану под опасением ответственности по законам, и о последующем донести».

Скорее всего, дом строился в конце 1820 и в начале 1821 годов. К весне 1825 года камышовая крыша на большом доме стала ветхой, и Хастатова, ожидая к себе в гости родных из Тархан, обратилась в Строительную комиссию с прошением, которое хранится в архивном деле «О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоящих на Горячих и Кислых Минеральных Водах»: «Из числа собственных моих домов при Горячих Минеральных Водах, устроенных в большой улице подле дома купца Шапкина, на одном о пяти окошках большом доме камышовая крыша пришла от времени в такую ветхость, что требует неотложного перекрытия. А потому всепокорнейше прошу оную комиссию, в уважение помянутой необходимости и сближающегося к съезду посетителей время, позволить мне перекрыть на доме моём крышу новым тёсом, на что и имею ожидать разрешения. Вдовствующая генерал-майорша Екатерина Алексеевна дочь Хастатова руку приложила».

Прошение Хастатовой было направлено архитектору Бернардацци 1 марта 1825 года. Кто из братьев Бернардацци рассматривал прошение Хастатовой, неизвестно, скорее всего, Иосиф.

Архитекторы братья Иван Карлович (Джованни) и Иосиф Карлович (Джузеppe) Бернардацци прибыли в Россию в 1820 году. После заключения контракта с медицинским департаментом Министерства внутренних дел 22 августа 1822 года на строительство зданий при Кавказских Минеральных Водах оба брата приехали на Кавказ. Они много сделали для застройки Пятигорска.

7 августа 1828 года старший брат Иван Карлович награждён чином 14-го класса «за отличные труды и усердие к работе». Младший брат Иосиф Карлович, окончивший Миланскую академию по архитектурному классу, вначале «числился архитектором при кабинете его Императорского Величества», затем был главным архитектором Кавказских Минеральных Вод, 24 февраля 1830 года «за составление планов казённых зданий г. Пятигорска награждён чином 10 класса». 22 августа 1830 года за выслугу лет произведён в титулярные советники.

Скончались оба Бернардацци здесь же, на Кавказских Минеральных Водах: Иосиф — 5 октября 1840 года, Иван — 2 ноября 1842 года.

Сведения о результатах осмотра дома архитектором Бернардацци сохранились до наших дней в том же деле — в рапорте Строительной комиссии на имя генерал-майора Вельяминова от 10 марта 1825 года.

«Вдова генерал-майора Хастатова, — докладывала комиссия, — просит дозволить на состоящем при Горячих Водах на Главной улице её доме, покры-

том камышом, сделать тесовую крышу к наступающему курсу. Как его превосходительству угодно, чтобы по сей улице дома имели хорошую наружность, то комиссия поручила гг. архитекторам, осмотрев оный дом, составить фасад с необходимыми для лучшего вида переменами, по коему и оказалось, что окна оного дома не на своих местах, как показано на фасаде пунктиром (чертежа фасада в архиве не сохранилось. — **Прим. Н.Б.**), и стены нужно возвысить на 15 вершков, равно сделать новые ворота и исправить каменный забор, сходно фасаду, который комиссия, у сего Вашему превосходительству представляя, покорнейше испрашивает предписания».

Из дальнейшей переписки видно, что перестройка фасада дома Хастатовой затянулась по разным причинам на несколько лет. Он был перестроен лишь в 1829 году и нанесён на «План Горячеводска, ныне составляющего часть города Пятигорска. При Кавказских Минеральных водах. 1832 год» и значится под № 1 на Главном проспекте: «Дом последний Генеральши Хастатовой».

Летом 1825 года во время пребывания на Горячих Водах 10-летнего Лермонтова дом двоюродной бабушки Екатерины Алексеевны Хастатовой был в довольно неприглядном виде, со старой камышовой крышей. Он был похож на тот тип домов, что и чиляевский, в котором поэт останавливался в 1841 году.

Горячеводский дом — не единственный, принадлежавший Е.А. Хастатовой на Кавказских Минеральных Водах. Дом бабушки Екатерины на Кислых Водах имел ещё более неприглядный вид. В Государственном архиве Ставропольского края хранится журнал присутствия Кавказского губернского правления за 1821 год. Вот что сообщается в его протоколах об этом доме:

«Слушали:

Прошение вдовы генерал-майорши Екатерины Хастатовой, в коем просыпает: желает она на Кавказских Кислых Минеральных Водах выстроить деревянный дом, на каменном фундаменте, о семи покоях и одном этаже, с принадлежащими строениями на месте, купленном ею у генерал-майора Дебу дома, но как она не имеет позволения от начальства на постройку такового дома, а также и на оный плана и фасада, почему просит, кому следует, повелеть скопировать план с фасадом, равно и позволения производить построение описанного дома с принадлежащим ему строением, учинить законное постановление».

Получив предписание губернского правления, архитектор Мясников скопировал фасад и вручил его Хастатовой. Та в свою очередь представила его на утверждение генералу А.П. Ермолову.

Генерал от инfanterии и артиллерии, герой Отечественной войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов в 1816 году был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса и главнокомандующим на Кавказе, участвовал в военных действиях на Северном Кавказе. При нём на Кавказе строили дороги, мосты, почтовые станции, крепости, благоустраивали города, создали медицинскую часть, стала выходить газета на грузинском языке. И Хастатова, зная

о прогрессивных настроениях Ермолова, рассчитывала на его поддержку. Но в его лице она не только не получила её, напротив, генерал возражал против строительства Хастатовой дома на указанном ею месте. В предписании начальнику Кавказской области генерал-майору Карлу Фёдоровичу Сталю от 27 мая 1824 года Ермолов писал: «Генерал-майорша Хастатова, представив ко мне на утверждение фасад предположенному ею к постройке на Минеральных Кислых Водах деревянному на каменном фундаменте дому, просила дозволить ей выстроить оный на том самом месте, где находится ныне собственный её турлучный дом противу самого колодца.

Поелику означенное место, впрочем, временно г-же генерал-майорше Хастатовой отведённое, по предложению об устройстве Кавказских Минеральных Вод признаётся нужным для казённых зданий, то, уведомив г-жу Хастатову, дабы она обратилась к Вашему превосходительству об отводе ей для предлагаемого ею к постройке при Кислых Водах нового дома в другом, для казённых надобностей не нужном месте, прошу Ваше превосходительство доставить в сём случае г-же генерал-майорше надлежащее и скорейшее удовлетворение и о последующем уведомить.

Доставленный же от неё фасад мною утверждён и препровождён к ней обратно.

Генерал Ермолов».

Понятно, что после такого предписания дело с постройкою нового дома затормозилось. Свободных участков на центральном месте в Кислых Водах не было. А заменить его на худшее место Хастатовой не хотелось. Летом 1825 года Арсеньеву с внуком Екатерина Алексеевна принимала в этом старом турлучном доме. Дом сей не сохранился. Он был сломан по представлению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала Георгия Арсеньевича Емануеля.

В архивном деле «О домах г-жи генерал-майорши Хастатовой, состоявших на Горячих и Кислых Минеральных Водах» за 1825 — 1828 годы» сохранилось письмо, адресованное Строительной комиссией генералу Емануелю от 1 ноября 1827 года за № 946: «На Кислых Водах находится турлучный дом, принадлежащий Кизлярского уезда помещице генерал-майорше Хастатовой, который совершенно ветх, выстроен в средине казённого сада вблизи самой ресторации. Комиссия отношением от 15 прошлого сентября № 744 просила Кизлярский земский суд о объявлении госпоже Хастатовой, дабы она приказала означенный дом сломать нынешнюю осень, но и до сих пор не сломан, а как занимаемое оным место необходимо для казённых надобностей, то комиссия, донося о сём Вашему превосходительству, покорнейше просит не оставить повелеть госпоже генерал-майорше Хастатовой о сломке означенного дома».

Вопрос о сносе кисловодского дома окончательно был урегулирован лишь в 1828 году. В марте того же года из Шелкозаводской в Строительную комиссию пришло письмо, в котором Хастатова писала: «Милостивые госуда-

ри! Приношу мою благодарность за присланный вами план для исправления моего дома при Горячих Водах и согласна по оному плану переделать... Что же касается до дома, находящегося при Кислых Водах, я предписала моему дворнику оный сломать и прошу взамен моего места отвести мне к речке при Солдатской слободке, чем много обяжете».

Представляю, как ликовали чиновники в Строительной комиссии, когда получили такое письмо. Генерал-майорша Хастатова никогда не сдавалась перед всевозможными жизненными обстоятельствами, а тут уступила.

«ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ...»

Путешествия Лермонтова на Кавказ, особенно в 1825 году, произвели на него впечатление, которое оставалось с ним до конца его жизни.

Что мог увидеть любознательный мальчик на Кавказе? Укрепления, казачьи пикеты, войска с пушками, обозами, черкесов мирных в косматых бурках, офицеров на водах, людей цивильных, тоже приехавших полечиться.

На Кавказе Мишель имел возможность в какой-то мере изучить нравы и характеры горцев. В памяти отлагались одни картины за другими. Их никогда не забудет Мишель. Однажды Лермонтов воскликнет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...

Пагануцци пишет: «Черкесы из соседних аулов ежедневно приезжали в Горячеводск для продажи бурок, сёдел и барабанов... Из Горячеводска Лермонтов ездил в Аджи Аул на празднование байрама, на которое съезжалось все горячеводское общество. Устраивались джигитовки, пели, плясали и угождали всех гостей, а знаменитый певец Закубанья Керим Гирей пел под звуки пишнендук'окъо (вид арфы)».

В поэме «Измаил-Бей», опубликованной впервые в третьем номере журнала «Отечественные записки» за 1843 год, Лермонтов описал этот праздник и выступление на нём народного певца:

Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!

Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинает: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины...

Но не только это видел юный Лермонтов. А горы, а снежные вершины, а грозы в горах, ливни, обвалы, бурные реки, а буйная зелень, а скалы? Разве этого мало для впечатлительной души? Кавказ всем своим своеобразием, всей разноглеменностью, войной и миром вливался в детскую душу незабываемыми картинами. Сюда надо прибавить и различные рассказы кавказских старожилов — и тогда будет понятно, что означали для Мишеля поездки на Кавказ. Здесь могли переплетаться и быль и небылицы, рассказы точные с рассказами нарочито гиперболизированными. Воображение Лермонтова было возбуждено всей новизной бытия, её неповторимостью и романтичностью. Эти настроения Лермонтова найдут отражение в его ранних стихотворениях: «Черкешенка», «Грузинская песня», «Кавказу», «Утро на Кавказе», «Люблю я цепи синих гор»... В первой главе поэмы «Аул Бастунджи», отрывки из которой впервые опубликованы в 1860 году, Лермонтов описал события, которые разворачивались в Пятигорске:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...

Лермонтов вспоминал горы Машук, Бештау и в поэме «Измаил-Бей»:

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встаёт,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цветли...

Большинство произведений о Кавказе впечатлительный Лермонтов написал рано. В 14 лет были написаны «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», в 15 — «Преступник», в 16 — «Две невольницы», в 18 — «Измаил-Бей»... Последнюю высоко ценил Л.Н. Толстой. «Действительно хороший этот край дикой, — писал в дневнике Лев Николаевич, — в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

Но считается, что свои детские впечатления и переживания Лермонтов как бы обобщил и выразил свою искреннюю любовь к этому краю в стихотворении «Кавказ», написанном в 1830 году:

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песнь отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В 1832 году, вспоминая Кавказ, Лермонтов с волнением писал: «Синие горы Кавказа, приветствуя вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичальных хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе...»

* * *

После 1825 года Арсеньева больше не ездила на Кавказ. В том не было нужды. На следующий год Шан-Гиреи поселились в трёх километрах к югу от Тархан, в небольшой деревне Апалихе. Она была куплена Марией Акимовной Шан-Гирей. Е.А. Арсеньева приняла в этом самое деятельное участие.

Через четыре года, в 1829 году, начальник Кавказской области генерал Г.А. Емануель подал на имя Главноуправляющего на Кавказе генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича ходатайство о скорейшем переводе окружного центра из Георгиевска на Горячие Воды с предложением дать новому городу одно из трёх наименований: Новогеоргиевск, Константиногорск или Пятигорск. Все предложения были одобрены: сначала Иваном Фёдоровичем Паскевичем, затем утверждены указом Сената от 29 апреля 1830 года. Из трёх предложенных названий новому городу Паскевич избрал Пятигорск, мотивируя тем, «что гора Бештов (Бештау), к подошве которой прилегает предназначеннное для сего города место, известна под сим именем в древних российских летописях». И ни о каких «пяти горах», якобы вошедших в название города, речи тогда не было.

Через пять лет после поездки Арсеньевой с внуком на Воды не стало Е.А. Хастатовой. Екатерина Алексеевна умерла 24 августа 1830 года «от холерической болезни в городе Георгиевске», как сообщал комендант крепости штабс-капитан Шишгин в рапорте на имя начальника Кавказской области генерала Емануеля.

Поездка юного Лермонтова на Кавказ в 1825 году окажется его последним детским летом, проведённым на юге. В следующий раз он окажется на Кавказе, в Пятигорске, через двенадцать лет, в 1837 году, но не по бабушкиной и не по своей воле.

Николай СЕРАФИМОВ

**ВЕРСИИ
МЕСТА
ДУЭЛИ
ЛЕРМОНТОВА**

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Следственное дело, появившееся в связи с убийством Лермонтова на дуэли, получило следующее название — с сохранением особенностей старой орфографии оно выглядит так: «Дело о произшедшем поединке, на котором отставной майор Мартынов, убил из пистолета Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова».

Описание места дуэли, выполненное следователями, составлено в «Деле» следующим образом:

«1841 года Июля 16 дня, Следователи:

Плац-Майор Подполковник Унтилов, Пятигорского Земского Суда Заседатель Черепанов, Квартальный Надзиратель Марушевский, и Исправляющий должность Стряпчего Ольшанский 2-ой, привлек к себе бывших Секундантов: Корнета Глебова и Титулярного Советника Князя Васильчикова, ездили осматривать место, на котором происходил 15-го числа, в 7 часу пополудни, поединок. Это место отстоит от Города Пятигорска верстах в четырёх, на левой стороне Горы Машухи, при её подошве. Здесь пролегает дорога, ведущая в Немецкую Николаевскую Колонию. По правую сторону дороги образуется впадина, простирающаяся с вершины Машухи до самой её подошвы; а по левую сторону дороги впереди стоит небольшая Гора, отделившаяся от Машухи. Между ними проходит в колонию означенная дорога. От этой дороги начинаются первые кустарники, кои изгибаясь к Горе Машухе, округляют небольшую поляну. Тут-то поединщики избрали место для стрельения. Привязав своих лошадей к кустарникам, где приметна истоптанная трава и следы от беговых дрожек, они, как указали нам следователям, Гг. Глебов и Князь Васильчиков, отмерили вдоль по дороге Барьера в 15 шагов, и поставили по концам оного по шапке, потом, от этих шапок, ещё отмерили по дороге ж в обе стороны по 10-ти шагов, и на концах оных также

поставили по шапке, что составилось уже четыре шапки. Поединщики с начала стали на крайних точках, т. е. каждый в 10 шагах от Барьера: Мартынов от Севера к Югу, а Лермонтов от Юга к Северу. По данному Секундантами знаку они подошли к Барьера. Майор Мартынов выстрелив из рокового пистолета, убил Поручика Лермонтова, не успевшего выстрелить из своего пистолета. На месте, где Лермонтов упал и лежал мёртвый, приметна кровь, из него изтекшая. Тело его, по распоряжению Секундантов, привезено того же вечера в 10 часов, на квартиру его ж Лермонтова.

Подлинный подписали:

Плац-Майор Подполковник Унтилов

Заседатель Черепанов

Квартальный Надзиратель Марушевский

Исправляющий должность Окружного Стряпчего Ольшанский

и находящийся при следствии Корпуса Жандармов Подполковник Кушинников».

Таким образом, место дуэли должно соответствовать следующим протоколированным ориентирам:

1) находиться на расстоянии «верстах в четырёх» (4268 метров) от Пятигорска в границах 1841 года,

2) справа от дороги должна лежать впадина, «простирающаяся с вершины Машухи»,

3) слева от дороги должна «впереди стоять небольшая Гора»,

4) быть на дороге, «ведущей в Немецкую Николаевскую Колонию»,

5) находиться на поляне после прохождения дороги между «горой Машухой» и «небольшой Горой»,

6) направление дороги должно быть меридиональное, то есть с юга на север, совпадающее с вектором противостояния дуэлянтов.

Первый биограф Лермонтова П.А. Висковатов место дуэли указал на основании слухов и с большим сомнением в правильности своего определения. Документального описания места дуэли он не имел. На указанном им месте дуэли установлен памятник, символизирующий гибель поэта на склоне Машука. Вслед за ним в разное время делались попытки нахождения места дуэли. Но поисковые работы места дуэли приводили многих исследователей к различным и ошибочным результатам. Причинами неверного определения места дуэли были:

1) банальное незнание рельефа местности;

2) неумение читать карты;

3) неумение правильно ориентироваться по сторонам света на склоне Машука;

4) неиспользование всего набора ориентиров, прежде всего расстояния «в 4 версты»;

5) ошибочная оценка степени важности ориентиров — к примеру, кусты принимались за главный ориентир, а расстояние в 4 версты считалось второстепенным ориентиром;

6) отсутствие точной «Карты Пятигорска», выпущенной Северо-Кавказским государственным аэрогеодезическим предприятием в 1997 году.

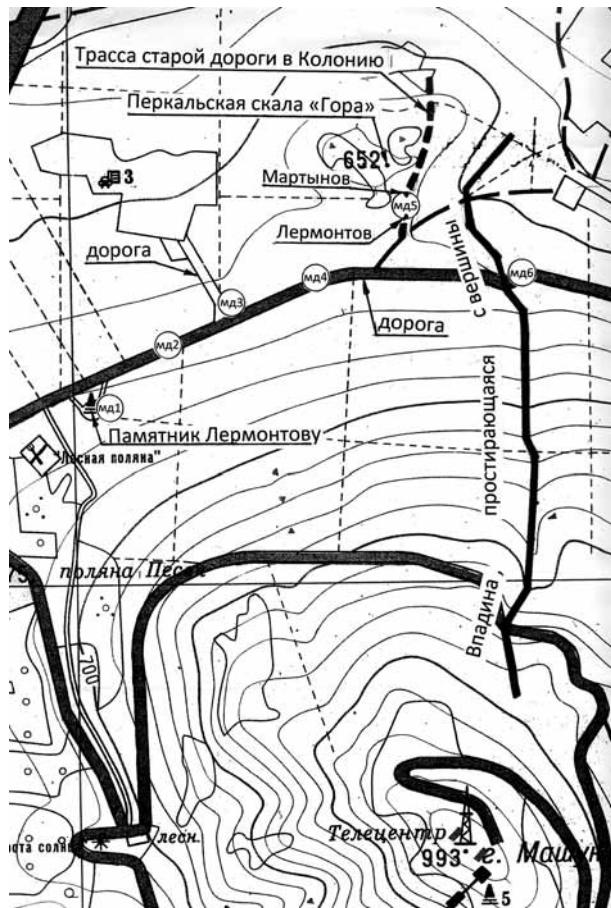
На прилагаемой к статье вышеуказанной карте версии мест дуэли нанесены в виде кружков с пронумерованными буквами МД.

МД1 — версия по Висковатову не соответствует пунктам 1, 2, 4, 5, 6 перечня ориентиров (на месте памятника).

В книге «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество» П.А. Висковатов написал: «С точностью определить место дуэли невозможно... Вся местность покрыта стереотипным кустарником, и после 40 лет, конечно, всё настолько изменилось, что лишь приблизительно можно сказать, где происходило печальное событие».

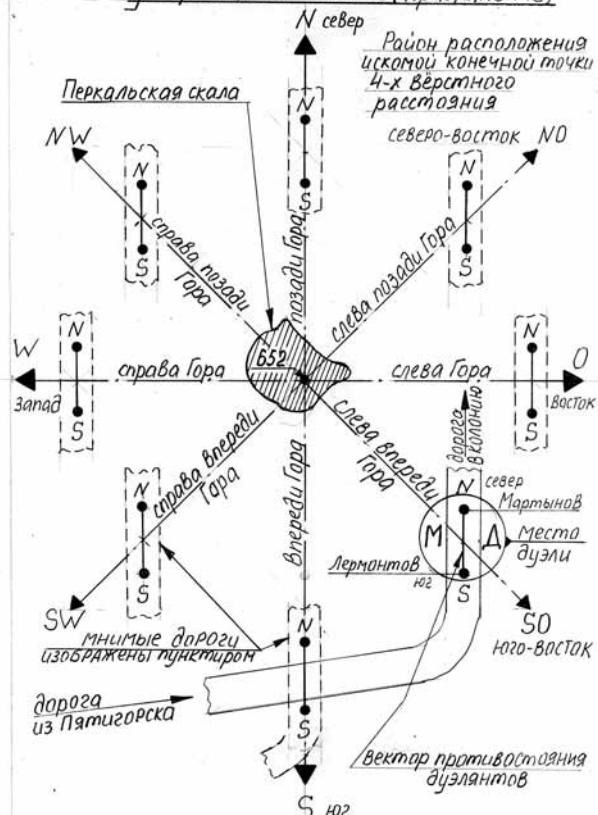
МД2 — версия по Алексееву, Коваленко, Рябову не соответствует пунктам 1, 2, 4, 5, 6 перечня ориентиров (на расстоянии 200 м от памятника).

В «Российской газете» от 29.08.1997 г. в статье А. Коваленко, Е. Рябова «Где грянул роковой выстрел» написано: «...место дуэли в действительности

Карта «Версии места дуэли Лермонтова»

Схема расположения места дуэли Лермонтова у Перкальской скалы (Приложение)

Чертит: Серафимов

Схема расположения места дуэли Лермонтова у Перкальской скалы

если, конечно, считать расстояние до неё второстепенным критерием».

МДЗ — версия по Чубкову не соответствует пунктам 1, 3, 4, 5 первичных ориентиров (на расстоянии 355 м от памятника).

В газете «Московская правда» от 26.07.2002 г. В. Чубков в статье «Где оно, место дуэли?» написал: «...место дуэли находится в 355 метрах восточнее и в 105 метрах севернее современного обелиска Б.М. Микешина. Однако всё же

находится примерно в двухстах метрах восточнее памятника. Если отсчёт расстояния вести от площадки, на которой установлен обелиск, то необходимо пройти 140 метров и затем подняться вверх по склону Машука, отсчитав 25 метров».

В приложении к журналу «Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова» от 2011 г. в статье «Место дуэли Лермонтова с Мартыновым: от ложного знания — к истинному незнанию» Д.А. Алексеев написал:

на стр. 33: «Точка «А» близка к той, которую выбрали Е. Рябов и Коваленко (а до них Недумов);

на стр. 40: «Всё же рискнём высказать своё частное мнение: по заявленным критериям месту дуэли всё же отвечает точка «А»,

правильнее сказать, что абсолютно точного места поединка, исходя из любых расчётов, не представляется возможным установить».

МД4 — версия по Недумову не соответствует пунктам 1, 2, 5, 6 перечня ориентиров (на расстоянии 500 — 600 м от памятника).

В книге «Лермонтовский Пятигорск» (1974 г.) С.И. Недумов написал: «... чтобы достичь места, соответствующего описанному в «Заключении», надо пройти несколько более полукилометра в северном направлении до небольшой горы, называемой обычно Перкальской скалой, отделившейся от Машука левее дороги».

МД6 — версия по Давидову не соответствует пунктам 2, 3, 4, 5, 6 перечня ориентиров (1000 м от памятника).

В журнале «Уральский следопыт» (июль 2009 г.) М. Давидов написал: «Пединок Лермонтова и Мартынова проходил на участке дороги в Николаевскую колонию (ныне — объездное шоссе по северному склону Машука), ориентированном в направлении с юга на север и расположенному сразу после пересечения с Волчьей балкой, а также на придорожной территории справа от этого отрезка дороги. Этот участок расположен на расстоянии 1250 шагов (830 м) на восток от официального места дуэли».

МД5 — версия по Серафимову соответствует всем пунктам перечня ориентиров (на расстоянии 1000 м от памятника).

Газета «Кавказская здравница» № 102 от 25.05.1999 г., статья Н. Серафимова «О чём рассказывают открытки?».

Журнал «ЖУК» №3/2004, статья Н. Серафимова «С открытками о дуэли М.Ю. Лермонтова».

Журнал «Сура» №3/2011, статья Н. Серафимова «Место дуэли Лермонтова». В статье написано: «Корректировка смешает по дороге искомую конечную точку назад, к юго-восточной стороне скалы. Именно здесь, у юго-восточной её стороны, дорога резко поворачивает налево к северу, меняя почти широтное направление на меридиональное, оставляя справа от себя к востоку «впадину», а слева к западу — «Гору»... Только тут можно уместить дуэльную дистанцию... Это единственный участок на Машуке, соответствующий абсолютно всем ориентирам точного места дуэли».

Мария САВИНА

**МОЙ
ЛЕРМОНТОВ**

В жизни моего поколения огромную роль играла книга. В далекие 40-е, когда в селах области не было ни электричества, ни радио, ни газет, ни кино, пищу нашим умам и душам давали книги.

Идет война. Мама работала в госпитале на станции Башмаково. В 1942 году он стал прифронтовым. Отец погиб в 1940 году в войну с белофиннами. Мы, три сестры, живем с бабушкой Пелагеей Ивановной в плохонькой деревенской избушке. Все делаем сами, все хозяйствственные вопросы решаем сообща. Живем дружно.

Зимние сумерки. Слева от двери голландка. Я сижу перед открытой дверцей на чурбаке. В чугунке варится картошка к ужину. Пламя освещает внутренний вид избы. Перед окнами широкая лавка. На дальнем ее конце бабушка месит тесто: завтра будет печь хлебы. Около стола — Тоня. Она трет на терке картошку, которую добавляют в тесто: муки мало. Валя сидит на кровати, плетет лапти к воскресному базару в Башмакове. Надо купить соли, спичек, стакан пшена.

Вечер — это короткие минуты отдыха после трудового дня. Придя из школы, мы сбегали в лес за дровами, нарубили на завтра, натаскали воды из колодца, загнали двух козочек в чулан, дали им сенца, впустили в избу овечку на ночь (она ждет пополнения), дали ей тоже сенца.

Теперь время для души — чтение. Мы уже много книг прочитали. Сегодня у нас новая. На обложке написано: «М.Ю. Лермонтов. Стихи». Открываю первую страницу — «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Начинаю неторопливо, как бы нараспев, следя мелодике стиха.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника... —

читаю я, отчетливо произнося каждое слово, не запинаясь. Уловив музыку стиха, стараюсь передать ее слушателям:

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие;
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич...

Пир у него, угождают верных его слуг, опричников.

«И все пили, царя славили...» Тут все понятно: кто поит, угождает, тому и славу петь. Не зря царь Иван Васильевич назван Грозным. Оглядывая гостей зоркими очами, замечает он непорядок. Не терпит царь неповиновения, ярость закипает в нем:

Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником...

Царь может быть и добрым. Узнал о беде верного слуги, «сказал, смеясь»:

Я твойей беде,
Твоему горю пособить постараюсь...

По-отечески, с улыбкою наставляет царь любимого слугу:

Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышеной покланяйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитревне:
Как полюбишься — праздной свадебку.
Не полюбишься — не прогневайся.

Бабушка наша — человек верующий, она первая возмущается поступками опричника:

— Что же это он грех большой на душу берет? Не сказал царю, что нельзя ее сватать: она замужем, в церкви венчана.

Тоня:

— Он же басурман да еще любимчик царя. Ему до нашей веры и дела нет. Только о своем удовольствии думает.

Читаю дальше, как купец Степан Парамонович пришел домой и «смутился думой крепкою»: дети еще спать не уложены, поздно, а жены дома нет. Вдруг

приходит Алена Дмитревна в непотребном виде. Муж не бросился ее бить, а говорит ей с упреками:

Уж ты где, жена, жена, шаталася?..
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами менялися!..

Со слезами рассказывает ему жена, что с нею приключилось, и просит:

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?..

Семья, родные братья — великая сила и поддержка для всех людей в трудные минуты. И «посыпает Степан Парамонович за двумя меньшими братьями»:

Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе.
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы...

Братья младшие любят его, он ведь им за отца: «...мы тебя, родного, не выдадим».

За окошками разыгралась метель. Ветер завывает. Снеговая крупка бьет по стеклу. Но мы ничего не слышим: мы там, на берегу Москвы-реки, где оцеплено место «в двадцать пять сажен», окружено оно цепью серебряною, «чистым золотом в кольцах спаянною...». «На просторе опричник похаживает», бахвалится, насмехается над бойцами, они боятся его, он не одного уж убил до смерти.

Вот он и заявляет хвастливо:

Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку...

Сколько благородства в Степане Парамоновиче, какое достоинство:

Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому...

С нахальною усмешкою, свысока глядя, говорит Кирибеевич:

А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться...

И тут Степан Парамонович поставил наглеца на место, открыв его подлое лицо народу:

А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь...
Не шутку шутить, не людей смешишь
К тебе вышел я...
Вышел я на страшный бой, на последний бой!

Услышал опричник жесткую правду. Не до насмешек теперь, «побледнел в лице, как осенний снег». Понял: этот боец будет стоять насмерть.

Всю силу свою вложил Кирибеевич в первый удар, так что «медный крест со святыми мощами из Киева на груди Степана Парамоновича вдавился ему в грудь. И подумал он, превозмогая боль: «Постою за правду до последнева!»

Конечно, подло поступил государев слуга, и мы осуждали его, но, когда я читаю:

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная,

— на глазах у меня слезы, голос прерывается, в горле комок. Конечно, опричник виноват, поступил подло. Но он, молодой, погибает. Поэт подобрал такие слова, что нам жалко погибшего.

Грозный царь разгневался:

Повелел он схватить удалова купца
И привесть его пред лицо свое...
Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу?

Степан Парамонович — истинный христианин, он знает, что его казнят, но держится спокойно, с достоинством, не юлит, не вымаливает прощения:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе.
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...

Последние страницы я дочитываю, хлюпая от слез, сестры тоже плачут. Картошка сварилась. Пора ужинать. А мы сидим молча, и в душе у каждой гамма чувств: возмущение проступком Кирибеевича, осуждение его, сожаление о его ранней смерти; жальство, сочувствие к Аллене Дмитревне; уважение к ее мужу, восхищение его человеческим достоинством, бесстрашием, правдивостью, чувством долга перед семьей.

Наконец сели ужинать. Сначала едим молча: каждая из нас еще там, в стихах поэта. Какое душевное потрясение мы пережили за вечер! Мы забыли о своих заботах: что давно нет писем от мамы, а ведь госпиталь близко к фронту; муки мало, не хватит до весны; лесник отобрал топор, где теперь взять? И где взять денег, чтобы заплатить налог, за государственный заем?

Так в нашу избушку под соломенной крышей пришла поэзия Михаила Юрьевича Лермонтова.

Александр ХРАБРОВИЦКИЙ

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ПЕНЗЕ*

**К 150-летию назначения
М.Е. Салтыкова-Щедрина
председателем Пензенской
казённой палаты**

9 декабря 1864 года в «Пензенских губернских ведомостях» появилось следующее сообщение:

«Г. министр финансов приказом от 6 ноября 1864 года за № 38 уволил председателя Пензенской казенной палаты действительного статского советника Коренева от службы, согласно прошению по болезни, а на место его определил из отставных статского советника Салтыкова».

Статский советник Салтыков был уже тогда хорошо известен читающей России как Н. Щедрин — автор знаменитых «Губернских очерков».

Приезду в Пензу предшествовали два года напряженной и трудной работы Салтыкова в некрасовском журнале «Современник». Преследования цензуры измучили Салтыкова. А.Я. Панаева рассказывает в своих «Воспоминаниях» такой характерный случай:

«Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколеть с голоду, если писатель рассчитывает жить литературным трудом, что он не заработает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал, что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но и запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет перед литературой хотя то преимущество, что человека не грабят... Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому».

* Очерк из книги А.В. Храбровицкого «Русские писатели в Пензенской области» (Пенза, 1946 г.).

Этот рассказ отчасти (были и другие, внутриредакционные причины) объясняет, почему менее чем через три года после своей отставки с поста тверского вице-губернатора Салтыков снова поступил на службу. Он подал прошение министру финансов об определении его на открывшуюся вакансию председателя казенной палаты в Полтаве, но получил назначение на эту же должность в Пензу.

Казенная палата — губернский орган министерства финансов по департаменту государственного казначейства — была сугубо бюрократическим учреждением, ведавшим дела по казенным расходам и доходам в губернии, по собиранию в казну податей и сборов, тяжебные дела, сопряженные с казенным интересом, и т. п. Председатель, или, как его затем переименовали, управляющий казенной палатой, считался вторым после губернатора лицом в провинциальной администрации.

Некрасов был прав, предвидя, что Салтыков не порвёт с литературой. Спустя три месяца после приезда в Пензу Салтыков писал Некрасову, что он посыпает ему нечто для помещения в «Современнике», сообщал, что в августе привезет в Петербург повесть, просил выслать ему новые книги для рецензий. Он задумал создать в Пензе серию публицистических «Писем издалека». Своему другу Анненкову Салтыков сообщал, что в Пензе у него начинают складываться очерки города Брюхова.

Этим намерениям не суждено было осуществиться: служба забирала у Салтыкова все его время. «Я весь погряз в служебной тине, которая оказывается более вязкою и засасывающею, нежели я предполагал, — писал Салтыков Анненкову. — Гаже и беспорядочнее здешней казённой палаты невозможно себе представить; мало того, что она отнимает у меня все время, но, что всего хуже, я не имею ни малейшего повода заключить, чтоб труд мой принес какой-нибудь плод для меня в будущем, т. е. чтобы я когда-нибудь мог приобрести необходимый для меня досуг».

И действительно, за два года, проведенные в Пензе, Салтыков почти не писал — в печати появилась одна лишь его статья «Завещание моим детям».

Быть может, причиной этого было также обстоятельство, о котором Салтыков писал в 1859 году Дружинину из Рязани: «Жизнь провинциальная (не смешивайте ее с деревенскою) далеко не удобна для литературных трудов. Надо быть вдали от гадостей этой жизни, чтобы достойно воспевать их».

Зато в последующий — после второй и последней отставки (в 1868 году) — кипучий период литературной деятельности Салтыкова пензенские впечатления нашли отражение и в «Письмах о провинции», и в «Помпадурах и помпадуршах», и в «Пошехонских рассказах», и в «Истории одного города». Правда, их трудно выделить, так как они отразились в форме сатирических обобщений и типов.

Вот один из примеров отражения пензенской действительности у Щедрина. В «Письмах о провинции» Щедрин пишет: «Кто поверит, например, чтобы

в губернии мог занимать видное место и виртуозничать человек, значащийся по всем документам умершим?» Пенза здесь не названа, но именно такой случай был в Пензе при губернаторе Панчулидзеве, скрывавшем под видом умершего своего приближенного от суда.

В «Помпадурах и помпадуршах» в очерке «Сомневающийся» имеется такое место: «Он еще в кадетском корпусе слышал, что есть на свете явление, именующееся «борьбою с законом». Что многие боролись успешно, но многие же и изнемогали в этой борьбе. Так, например, один губернатор более двух десятилетий боролся, и даже чуть было не победил, но приехал ревизор и сразу заставил победителя положить оружие». Это также, несомненно, о Панчулидзеве, правившем в Пензе 28 лет и отставленном после ревизии сенатора Сафонова.

Однако в ряде случаев пензенская действительность названа у Щедрина своим именем или легко угадывается. В «Пошехонских рассказах» есть любопытная характеристика пензенского дворянства. В очерке «Испорченные дети» и неоконченном рассказе «Приятное семейство» Щедрин дал едкую сатиру на жизнь пензенского общества (Пенза обозначена здесь как город П***).

Выразительный образ пензенского дворянина («корнета», по терминологии Щедрина) Вани Поцелуева сатирик нарисовал в очерках «В больнице для умалишенных», продолжающих «Дневник провинциала в Петербурге».

Салтыков-администратор оставил по себе в Пензе хорошую память. Живший в Пензе сын Салтыкова Константин Михайлович в своей книжке «Интимный Щедрин» передает рассказ одного служащего пензенской казенной пала-

Экспозиция «Кабинет М.Е. Салтыкова-Щедрина»
в Пензенском областном музее. 1940-е гг.

ты о том, как Салтыков выполнил ночью срочную работу писца, заснувшего над бумагой, не желая будить его. По его же словам, Салтыков учредил для служащих палаты библиотеку и кассу взаимопомощи. Некоторые служащие палаты, не желая расставаться с Салтыковым, последовали за ним в Тулу и Рязань.

Отношения с губернской администрацией у Салтыкова сложились плохие. Уже в первом письме из Пензы он дал уничтожающую характеристику губернатору Александровскому. Изложив карьеру Александровского — человека с уголовным прошлым, Салтыков заключал: «Вот Вам глава Пензенской губернии; остальное на него похоже, если не хуже». Плохие отношения с губернатором были, очевидно, основной причиной перевода Салтыкова в Тулу в ноябре 1866 года.

Яркая личность Салтыкова на провинциальном фоне особенно бросалась в глаза и привлекала внимание жандармов. Губернский жандарм подполковник Глоба доносил шефу жандармов в Петербург о «неблагонамеренных и дерзких» высказываниях Салтыкова. Так, после покушения Каракозова на Александра II Салтыков «позволил себе выразить свое негодование на государя императора за награду г. Комиссарова» (Комиссаров толкнул Каракозова). Далее Глоба писал: «За г. Солтыковым (так в подлиннике. — А. Х.) я постоянно слежу и, по совести, осмеливаюсь доложить вашему сиятельству, что он весьма неблагонадежного (!) образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления». При этом особенно удручало Глобу то обстоятельство, что «г. Солтыков, как литератор, во мнении некоторых лиц в Пензе и в особенности в среде служащих по акцизу считается весьма умным человеком и пользуется между ними авторитетом».

Сохранился портрет Салтыкова времени его пребывания в Пензе. Тогда он еще не был стариком с большой бородой, как на портретах Крамского и Ге. «Он был молодым, элегантно одетым, вооруженным золотым пенсне на длинном шнурке, которое он ловко подбрасывал», — пишет мемуарист, видевший Салтыкова в Пензе.

Памятниками пребывания Салтыкова в Пензе остались здание казенной палаты (на улице Белинского, 12), обстановка его кабинета в палате — стол, кресло, часы, находящиеся в областном музее, и хранящиеся в областном архиве дела казенной палаты, содержащие собственноручные резолюции Салтыкова.

Вячеслав НЕФЁДОВ

**«ИСКУССТВО
БУДИТЬ
ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ»**

**К 85-летию со дня рождения
Л.В. Меркович**

*Не тот учитель, кто получает воспитание
и образование учителя, а тот, у кого есть
внутренняя уверенность в том, что он есть,
должен быть и не может быть иным.
Эта уверенность встречается редко
и может быть доказана только жертвами,
которые человек приносит своему призванию.*

Л.Н. Толстой.

Слова писателя А. Франса из заглавия этого очерка много лет назад были взяты за основу в своей школьной творческой деятельности нашей, к сожалению, ныне покойной, современницы из города Белинского — отличника народного образования Любови Владимировны Меркович, которой 17 января 2015 года исполнилось бы 85 лет.

Родилась Любовь Владимировна далеко от наших чебарских красот — на Севере, в городе Котельниче Кировской области, в 1930 году. С 1952 года преподавала в средних школах Белинского. Затем в 1959 году окончила Пензенский педагогический институт. В 1971 году стала отличником народного образования.

Вот как пишет о ней в «Пензенской энциклопедии» автор словарной статьи, не менее замечательный педагог Лия Михайловна Пальман: «Делом её жизни стал школьный Лермонтовский клуб «Парус» (организованный в 1969 году), объединивший учащихся 4 — 11-х классов. Работа клуба получила всесоюзную известность». Впоследствии, в 1975 году, на его базе был проведён Всесоюзный Лермонтовский праздник школьников.

Как же всё это начиналось? Вот что об этом вспоминала сама Любовь Владимировна:

«В октябре 1969 года в Белинской средней школе № 2 был создан Лермонтовский клуб. Наша школа расположена в 18 километрах от музея-заповедника Лермонтова «Тарханы». Огромные возможности такого соседства и навели нас на мысль организовать в школе Лермонтовский клуб.

На первое организационное заседание были приглашены все любители поэзии Лермонтова. Ребята познакомились с задачами клуба и формами работы, избрали совет клуба. На заседании совета клуба был утвержден устав:

«Членом клуба может быть каждый, кто любит поэзию Лермонтова, кто хочет лучше узнать его жизнь и творчество. Заседания клуба проводить два раза в месяц, а день рождения М.Ю. Лермонтова отмечать ежегодно 14 октября торжественным заседанием. Эмблемой клуба считать парус, каждое заседание открывать исполнением романса Варламова «Парус», который станет своеобразным гимном клуба. Каждый член клуба обязан внести свой взнос: сочинение или стихи, посвящённые Лермонтову, рисунки на сюжеты его произведений или сборники его стихов, книги о жизни или о творчестве поэта».

По поручению совета клуба наши активисты ездили в Тарханы с просьбой оказать помошь в сборе материалов, писали письмо в Пятигорский дом-музей М.Ю. Лермонтова, обратились к известному лермонтоведу С.А. Андрееву-Кривичу с просьбой стать почётным членом клуба».

Вскоре от С. Андреева-Кривича были получены бандероль и письмо. Он подарил школьникам свою книгу «Тарханская пора» с надписью: «Лермонтовскому клубу от молодого его члена».

В письме говорилось: «Дорогие мои юные друзья! С удовольствием соглашаюсь стать членом вашего Лермонтовского клуба... Ваши места я очень люблю. Ряд лет там прожил и постарался описать то, что довелось увидеть. Очень рад, что книга моя понравилась. Вы как раз те читатели, для которых я ее писал. И мне очень приятно, что она, книга моя, вас интересует».

Из Пятигорска ко дню открытия клуба школьники получили письмо с приветствием, цветные фотографии, альбом с видами Пятигорска. В день рождения Лермонтова состоялось открытие клуба. На торжественное заседание были приглашены учителя, родители и учащиеся школы.

Заседание проходило в литературном кабинете, ставшем теперь комнатой клуба. Там учащиеся организовали выставку произведений Лермонтова, фотокопий его рисунков, установили киноаппарат и эпидиаскоп.

Как только председатель клуба объявил торжественное заседание открытым, зазвучала мелодия романса Варламова «Парус». Затем выступили члены клуба. Они рассказывали о рождении в Москве 14 октября 1814 года у молодых супругов Лермонтовых сына, о переезде Лермонтовых в село Тарханы, о болезни и смерти матери Марии Михайловны, о жизни Мишеньки в доме бабушки.

Портреты родителей поэта, Лермонтова-ребенка на экране сменяются видами Кавказа. Лариса К. прочитала стихотворение поэта «Посвящение Кавказу». Затем прозвучали песни на слова Лермонтова: «Тростник», «Казачья ко-

лыбельная» — в исполнении членов клуба, стихотворение нашего пензенского поэта С.А. Давыдова о Лермонтове».

С этого дня работа клуба стала постоянной, а у Л.В. Меркович прибавилось заботы. В 1970 — 80-е годы членами клуба были учащиеся 7 — 10 классов. Всего в разные годы постоянно занималось 30 — 40 мальчиков и девочек.

«Я предложила ребятам познакомиться с книгами о Лермонтове: «Детство Лермонтова» Т. Толстой, «Тарханская пора» Андреева-Кривича, «На берегу Милорайки» П.А. Вырыпаева, «Разливы рек» К. Паустовского, «На тёмной ели звонкая свирель» Я. Хелемского, — рассказывает дальше Л.В. Меркович. — Автору последней книги школьники написали письмо, рассказали об изменениях, произошедших в нашем городе за 30 лет (Яков Александрович побывал в наших местах в апреле 1941 года), обещали отыскать следы людей, о которых он вспоминал и судьбой которых интересовался. Ребята выполнили обещание и позднее получили от Хелемского в подарок его книгу с автографом».

В разные годы на занятиях клуба читали произведения Лермонтова — к примеру, поэмы «Тамбовская казначейша», «Измаил-Бей», «Боярин Орша». Читая поэму «Боярин Орша», семиклассники, только что изучившие на уроках поэму «Мцыри», встречались со многими знакомыми стихами и были очень удивлены.

Естественно, были вопросы: «Почему? Как же это в «Мцыри» и в «Боярине Орше» одинаковые места?» Ответ Меркович предложила найти членам клуба самим. Вызвалась Вера Б. На следующем занятии ребята узнали от неё, что есть у Лермонтова ещё и поэма «Исповедь», которая является истоком двух других.

Знакомству с творчеством поэта способствовали и конкурсы на лучшего чтеца произведений Лермонтова. За многие годы воспитанники Любови Владимировны читали на конкурсах стихи: «Умирающий гладиатор», «Воздушный корабль», «Нищий», «Русалка», «Ветка Палестины», «Посвящение к поэме «Демон», «Ребёнку», «К Н.Ф.И.», «Завещание», «Дары Терека», «Беглец», монолог Демона из поэмы «Демон» и разные другие.

Лучшему чтецу присваивалось почётное звание лауреата Лермонтовского конкурса и на торжественном заседании 14 октября вручался первый приз — книга стихотворений Лермонтова.

Внимательное, вдумчивое чтение произведений Лермонтова, конкурс на лучший рисунок или иллюстрацию к его произведениям помогали детям лучше понять поэта. Например, Саша С. рассказывал, как он, рисуя иллюстрацию к стихотворению «Три пальмы», изобразил серого коня в яблоках, а потом, перечитывая произведение, увидел свою ошибку, ведь у Лермонтова в тексте было написано: «Араб горячил вороного коня».

Красивы окрестности города Белинского: много лесов, рощ, круч и обрывов. Один из самых интересных уголков — дубовая роща, расположенная недалеко от города. Чембарцы называют её: «12 дубков». В далёкие времена

Л.В. Меркович

в ней был устроен офицерским обществом «вокзал», где, как пишет И.Н. Захарын (Якунин), проводились каждое воскресенье танцевальные вечера, на которые приезжали помещики со своими семействами.

Есть основание полагать, что в этой роще бывал Лермонтов и там написал поэму «Черкесы». Теперь здесь об этом есть памятная надпись на камне. В своё время здесь побывал и я на экскурсии с группой своих сельских школьников. Туда и отправились намного раньше нас воспитанники Меркович в один из воскресных дней. И хотя каждый не раз бывал здесь раньше, все с интересом и волнением останавливались около каждого дуба и вслух высказывали предположения: «Не под этим ли дубом он сидел?» Ведь в рукописи «Черкесов» было помечено: «В Чембар за дубом».

В музее-заповеднике «Тарханы» многие из читателей журнала «Сура», я уверен, бывали не один раз: знакомились с экспозициями музея, некоторые из нас — рисовали и дом, и церковь, и места парка, связанные с памятью Лермонтова. Дети из клуба «Парус» плюс ко всему этому собирали растения для гербария из Круглого, Среднего и Дальнего садов, узнали историю возникновения Тархан.

А вот зимой 1972 года ребята посетили музей, чтобы познакомиться с выставкой работ советского художника П. Бунина. Впервые они увидели в подлинниках графические работы художника-иллюстратора. Блистательный рассказ Т.М. Мельниковой, в то время главного хранителя фондов музея, помог понять этого мастера.

Меркович писала позднее, в 1975 году, во всесоюзном методическом журнале «Литература в школе»:

«Я смотрела на лица ребят и видела, что рассказ экскурсовода взволновал их, видела, что они вместе с талантливым художником вошли в мир поэзии Лермонтова, что с сегодняшнего дня поэт станет им ещё ближе. Вернувшись, ребята поторопились прочесть трагедию «Испанцы». Хотя они и были знакомы со стихотворением Лермонтова «Умирающий гладиатор», знали, что оно написано в Тарханах, но иллюстрации П. Бунина помогли увидеть то, о чём писал Лермонтов. Выставка не только дала ученикам возможность представить зрительно героев Лермонтова, но и познакомила с интересным художником, показала, как воспринимает Лермонтова наш современник.

Постепенно постоянное посещение Тархан позволило многое узнать о работе сотрудников музея, и школьникам захотелось им помочь. Вначале ребята убирали территорию, наводили порядок в теплице. А летом 1972 года, накануне второго Лермонтовского праздника поэзии, чембарским воспитанникам было доверено быть экскурсоводами.

Однажды большую радость доставило школьникам письмо известного лермонтоведа И.Л. Андроникова, в котором он, обращаясь к ним, писал:

«Охотно, с радостью даю вам согласие считать и меня членом вашего клуба и другом всех вас, любящих Михаила Юрьевича Лермонтова. Буду гордиться званием члена клуба».

Не сразу, но общение с друзьями из разных уголков Советского Союза расширяло знания школьников, помогало им видеть, насколько их дело полезно и интересно.

В разное время в гостях у Лермонтовского клуба побывали представители пресс-центра Кировского дворца пионеров г. Куйбышева. Гости присутствовали на заседании Лермонтовского клуба. Возвратившись домой, они выступили по местному радио и телевидению, рассказали на страницах газет «Волжские зори» и «Волжский комсомолец» о своих впечатлениях.

Вот что рассказал Саша С.:

«Заседание клуба началось мелодией романса «Белеет парус одинокий». Вечер. Уютный класс. Музыка. Стихи... Если б меня спросили, что это был за вечер, я бы ответил: «Особенный, когда собираются только друзья. И тёплые слова, и любимые стихи, и любимые песни, и веселый смех, и горячий чай... И на улице 33 градуса мороза».

Одно время три года подряд приезжал к детям из Москвы почётный член клуба инженер В.Н. Орлов, большой любитель литературы, поклонник поэзии Лермонтова. Он написал детям, что в Москве живёт П.Н. Лермонтов, подарил нам интересные гравюры художника Полякова на сюжеты лермонтовских произведений из своей личной библиотеки, подарил интересные книги. Среди них — альбомы о Пушкине, Некрасове и других русских писателях и поэтах, буклеты и путеводители по литературным местам страны, подарил комплект грампластинок с записью музыкальных произведений на слова Лермонтова.

Участие в жизни клуба позволяло развивать творческие способности школьников. Школьный журнал-ежегодник «Кругом родные все места» включал в себя не только рассказы о походах и экспедициях, но и признанные лучшими на внутришкольных конкурсах рисунки, очерки, стихотворения и рассказы о родном Пензенском крае.

В июне 1971 года трое членов Лермонтовского клуба в составе делегации Пензенской области побывали на всероссийской конференции юных туристов и краеведов «В мир литературы и искусства», проходившей на Псковской земле.

Состав областной делегации обсуждался на совете клуба. И ребята не ошиблись в выборе кандидатур: Светлана Б. за стихотворение «Мой букет»

была награждена грамотой, а Лариса К. награждена тремя грамотами: «За участие в конкурсе самодеятельности» (читала лермонтовское стихотворение «Прекрасны вы, поля земли родной»), за участие в творческом конкурсе (за очерк «Мой город»), за участие в конкурсе на лучшее исполнение произведений Пушкина.

В разные годы не один раз сотрудники «Тархан» водили многочисленных посетителей по тарханскому парку и по музею. Сотрудники музея подарили белинским школьникам цветные диапозитивы «Тарханы — родина Лермонтова», передали часть передвижной выставки «Жизнь и творчество Лермонтова». Эти материалы стали основой постоянной школьной выставки. Люблили члены клуба ходить в походы, которых у них было немало.

Очень полюбилась детям Апалиха — имение родственников Лермонтова. Здесь сохранились остатки шан-гиреевского парка, видевшего Лермонтова. Светлая даль реки Милорайки с берегами, поросшими тростником и осокой, создают и по сей день какую-то особую поэтическую атмосферу».

«Невольно думается, — писала ранее Меркович, — что именно здесь родились и «Русалка», и «Тростник», и «Незабудка». Эти произведения поэта мы прочли на берегу реки. Но особенно запомнился ребятам пятидневный поход по лермонтовским местам нашего района. Задолго до похода обсуждался маршрут. В него вошли и Нижние Поляны, описанные в незаконченном произведении Лермонтова «Вадим». Ребята с интересом отмечали изменения в местах, о которых говорится в повести. Вечером у костра затаив дыхание слушали роман «Вадим» и были счастливы, что здесь, у подножия Чёртова Логова, они будто встретились с самим поэтом».

Впоследствии активисты Лермонтовского клуба побывали в интересной экспедиции по лермонтовским местам в Москве. Многие из них в столицу приехали тогда впервые. Всё им было интересно, больше всего же — места, связанные с именем любимого поэта.

Ребята побывали в Лермонтовском музее столичной школы № 320, ознакомились с экспонатами, слушали рассказ о работе музея. Они встретились с Яковом Александровичем Хелемским, который рассказал, как работал над книгой «На темной ели звонкая свирель», первые главы которой посвящены Лермонтову и повествуют о дорогих нашему сердцу местах: Тарханах, Чемба-ре и любимой Пензе.

Детям было очень интересно слушать о заграничных поездках, о встречах с простыми людьми, их жизни. Книгу «Все на одной планете», рассказывающую об этих поездках, писатель подарил ребятам, а они вручили ему удостоверение почётного члена школьного клуба.

Самым же памятным, самым ярким впечатлением от поездки в Москву стала встреча с почётным членом клуба, последним из рода Лермонтовых Петром Николаевичем Лермонтовым — встреча, о которой школьники мечтали больше года.

Меркович отметила: «Нет слов передать волнение, охватившее нас, когда мы поднялись на второй этаж дома на Кутузовском проспекте и остановились перед дверью квартиры с табличкой: «П.Н. Лермонтов». Сидя в небольшой уютной комнатке, стараясь не проронить ни одного слова хозяина, ребята слушали Петра Николаевича. А он взволнованно говорил, как всю жизнь старался быть достойным фамилии Лермонтовых.

С гордостью рассказывал Пётр Николаевич о славном лермонтовском роде, выдвинувшем немало отважных воинов (один из предков Лермонтова был участником войны 1812 года), о том, что сам он — ветеран трёх войн. Летом 1941 года среди защитников Москвы был и Пётр Николаевич. С томиком стихов Лермонтова он не расставался и на войне, в свободные минуты читал их своим товарищам. Всю жизнь Петр Николаевич занимался сбором материалов о своём замечательном предке. Мы видели множество изданий стихов поэта, книги о Лермонтове, подаренные Петру Николаевичу авторами. Ребята с благоговением прикасались к вещам, принадлежавшим бабушке Лермонтова Е.А. Арсеньевой, к вещам, которых, возможно, касалась рука самого поэта.

У нашего клуба много друзей. Это в первую очередь директор нашей школы Александр Федотович Молодцов, которого не случайно ребята избрали поётчным членом клуба. Это Тамара Михайловна Мельникова, которая всякий раз, как только мы приезжаем, знакомит с новыми экспонатами, рассказывает, как они поступили в музей. Она взяла на себя обязанность подготовить экскурсоводов из числа членов клуба».

«...Большим другом клуба был Евгений Александрович Грачёв, сотрудник музея-усадьбы В.Г. Белинского. Благодаря его информации школьники из других городов и сел узнали о нашем клубе. В школу № 2 начали поступать письма из разных уголков СССР. Вот одно из них:

«В газете «Известия» было радостное сообщение, что на родине великого русского поэта М.Ю. Лермонтова в школе создан Лермонтовский клуб. Надеемся быть заочными членами дорогого Лермонтовского клуба. Мы можем быть активными участниками, многое рассказать о восточной литературе, которую любил М.Ю. Лермонтов. Школьники Ташкента, средней школы № 76».

Решением совета клуба приняты в его члены и учащиеся средней школы № 76 Ташкента Хамара С., Рахима И., Мариф М. и Фатима Д. из Киргизии. Заочные члены клуба очень активны. Они были не один год в курсе всей работы клуба, рассказывали о жизни своей школы, своего края, о земляках, присылали в Чембар много и охотно альбомы, фотографии и книги.

Школьники из села Водное Таласского района Киргизии прислали книгу «Киргизское ожерелье», рассказывающую о горном kraе.

Члены литературного кружка «Живое слово» из города Каменки Черкасской области написали о местах, связанных с пребыванием в них А.С. Пушкина и П.И. Чайковского.

По соседству с белинской школой № 2 находится музей В.Г. Белинского. Однажды во время посещения музея ребята с особым вниманием слушали рассказ экскурсовода об отношении Белинского к Лермонтову. А на совете клуба вынесли решение: поручить шестиклассникам, только что принятым в клуб, помочь в уборке территории музея, вскопать клумбы, посадить цветы и ухаживать за ними. Ребята с удовольствием взялись за дело.

На одном из заседаний клуба ребята познакомились с воспоминаниями И.Н. Захарына (Якунина) «Лермонтов и Белинский в Чембаре». Захарын побывал в городе в 1859 году, когда ещё были живы люди, знавшие и помнившие Лермонтова и Белинского, и в Чембаре жил брат Виссариона Григорьевича Константина, с которым автор воспоминаний познакомился.

По заданию музея Белинского ребята занялись поисками нужных музею материалов. Результаты поисков увенчались успехом. Так, Валера Д. передал музею монету 1829 года и старинный подсвечник. Коля Д. — посуду, Володя М. — старинную скатерть. А в летние каникулы трое членов клуба работали в музее экскурсоводами.

В зимние каникулы 1973 года дети гостили у своих друзей — учеников школы № 76 Ташкента, увидели много интересного и необычного: музей В.И. Ленина, музей прикладного искусства и музей Алишера Навои. Познакомились ребята и с творчеством замечательного узбекского поэта Фурката. За десять дней, проведённых в Ташкенте, школьники подружились, трогательным было их прощание».

В 1973 — 1974 учебном году восьмиклассникам, принимавшим участие в работе клуба два года, предстояло изучение творчества Лермонтова по программе. Любови Владимировне хотелось, чтобы они не только хорошо усвоили, правильно поняли программные произведения, но и знали гораздо больше, увидели бы красоту родного края в его поэзии, прониклись чувством гордости за свой край.

К тому времени члены клуба уже многое знали о жизни и творчестве Лермонтова. Более подробно они были знакомы с тарханским периодом его жизни.

И потому талантливая учительница решила, что не ей следует рассказывать о ранних годах поэта, а поручить это активистам клуба. Членам клуба были предложены такие темы для докладов: «Лермонтов в Тарханах», «Знакомство с жизнью крепостных крестьян и антикрепостнические мотивы в творчестве Лермонтова», «Лермонтов и Белинский в Чембаре» и другие подобные.

Места, о которых ребята рассказывали на уроках в своих докладах, им до этого были хорошо знакомы: и арсеньевский дом, и церковь, и все уголки парка, и пруды, и окрестности усадьбы. Готовя доклады, они познакомились с литературой о Лермонтове, раскрывающей тарханский период жизни поэта, перечитали произведения поэта, связанные так или иначе с Тарханами: поэмы «Черкесы» и «Сашка», повести «Вадим», «Я хочу рассказать вам...», драмы

«Люди и страсти», «Странный человек», «Два брата», стихотворения «Родина», «1 января», «Ужасная судьба отца и сына...», «Цевница», «Весна», «Умирающий гладиатор», «Я сын страдания» и другие.

Доклады сопровождались чтением стихов поэта, показом фотокопий портретов родных и близких, цветных диафильмов. В каждом случае интерес школьников к творчеству Лермонтова, его личности значительно вырос. Почти все школьники имели в личной библиотеке томики стихов Лермонтова, собрание его сочинений, литературу о Лермонтове.

Только что вступившие в клуб шестиклассники с сияющими лицами сообщали о прочитанной в библиотеке книге Лермонтова или приобретённых сборниках его произведений, заучивали стихи поэта. Выросла в те годы и любовь к родному краю, гордость за него, ибо ребята начинали понимать, в каком замечательном месте они живут, каких великих людей дала миру чебарская земля: Лермонтова и Белинского.

С большим удовольствием ребята выступили дважды по областному телевидению и радио, рассказывая о своем клубе, читали стихи Лермонтова. С литературно-музыкальными композициями «Поэт и царь», «Друг, этот край моя отчизна!», «Сын России — брат Кавказа» они выступали в здании районной библиотеки имени В.Г. Белинского и перед работниками комбината «Берёзка», на турбазе «Чембар» и на областном Лермонтовском празднике.

Меркович вспоминала: «Мы знаем от сотрудников музея в Тарханах, как часто пишут им ученики и учителя о любви к Лермонтову, просят посоветовать, что читать о Лермонтове, просят прислать книги, путеводители, иногда просят листок с лермонтовского дуба и цветы с тарханской земли. Хочется посоветовать всем: побывайте в лермонтовских местах: в Тарханах, на Кавказе. Только там, где жил поэт, он познаётся по-настоящему. Книги о жизни Лермонтова дают многое, а один день, проведённый в Тарханах, глубоко обогатит духовный мир человека».

Писать о сравнительно недавно ушедших от нас людях достаточно непросто. Вроде и недавно все эти события происходили, а собрать материал к небольшому очерку оказалось не всегда быстро и сразу.

Пензенская коллега Л.В. Меркович, замечательный методист Лия Михайловна Пальман, в телефонном разговоре с ней (10.09.2014 г.) тепло вспоминала учительницу из Белинского:

«Любовь Владимировна была очень эксклюзивным человеком, человеком не из толпы, какой-то особенной личностью. Это было видно как из всей её педагогической работы, так и из простых человеческих отношений. Хорошая учительница, она была патриотом именно пензенских деталей из жизни классиков литературы, патриотом-краеведом. Очень важно, что для такого маленького города, как Белинский, она была оплотом культуры и её олицетворением».

Вспоминаю, что одно время, в летний период, Любовь Владимировна водила экскурсии в музее Белинского. И я одновременно с ней тоже водил экс-

курсии. С тех пор у меня благодаря её стараниям есть на книжной полке «Лермонтовская энциклопедия» и сочинения поэта в четырёх томах.

Скончалась Л.В. Меркович в Белинском 19 августа 1995 года в возрасте всего лишь 65 лет.

...В «Пензенской энциклопедии» Л.В. Меркович упоминается и в статье «Литературная жизнь», и в описании работы школьных музеев области — этот факт ещё раз доказывает несомненную значимость её работы с детьми не только в масштабах Пензенской области, но и всего тогдашнего Советского Союза. Напомню полностью начальную фразу А. Франса: «Искусство обучения есть искусство будить в юных душах любознательность и затем удовлетворять её». С этой задачей, полагаю, Л.В. Меркович справилась очень достойно.

ЛИТЕРАТУРА

Авершин В.И. и др. Из истории повышения квалификации педагогических работников. Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза, 1997.

Зименков В.Н. Музей и культурные традиции современного общества. Гуманизация и гуманитаризация. Материалы научно-практической конференции. Пенза, 1996.

Иванов В. Литературный праздник в Тарханах. Пензенская правда. 26.06.1975.

Истоки патриотизма. Материалы об опыте краеведческой работы школ. Пенза, 1988.

Каткова И.Г. Самодеятельные журналы как средство развития литературно-творческих способностей подростков. Оренбург, 2001.

Меркович Л.В. Лермонтовский клуб в школе. Литература в школе, 1975, № 4.

Михайлов А. Провинция — охранительница. Пензенская правда, 11.06.1994.

Пальман Л.М. Методические рекомендации по организации изучения творчества М.Ю. Лермонтова на базе музея-заповедника «Тарханы». — Методические рекомендации по проведению уроков на базе музея-заповедника М.Ю. Лермонтова «Тарханы». Пенза, 1995.

Пензенская энциклопедия. М., 2001.

Сахно А. Школьники ведут поиск. Пензенская правда, 17.05.1995.

Северина Г. Белеет «Парус». Учительская газета, 17.12.1974.

Стульникова Р. Лермонтовский клуб в школе. Сельская новь, Белинский, 28.19.1969.

Автор выражает благодарность за предоставленные материалы И.С. Головиной и В. Кузнецовой из Москвы, В.А. Власову из Пензы за дружеское содействие.

Белинский — Александровка, декабрь 2014 года.

Лидия ДОРОШИНА

РОССИЯНКА

Памяти Г.В. Смирновой-Трубиной

Сентябрь расцветил наш край кистями рябины и калины.

Сентябрь увёл из жизни Галину Валентиновну Смирнову-Трубину.

Посвятив годы своей жизни сохранению творчества и памяти поистине народной поэтессы, своей бабушки Матрёны Платоновны Смирновой, Галина сама писала трепетные стихи. Она приложила немало усилий, собрав и организовав с помощью брата издание двух замечательных книг Матрёны Платоновны. Изыскивала возможность выпускать и сборники собственных стихотворений. Галина Валентиновна была активным просветителем своих земляков — несла им знания о современной русской поэзии.

Редакция журнала «Сура» скорбит вместе с близкими поэтессы, её земляками-городищенцами. Светлый она была человек! Мир праху её.

* * *

Ах, как быстро осень наступила!
И пошла морозцами шалить.
Ты, наверно, осень, поспешила —
Не успела лета я вкусить,
С тёплым ветром вдоволь налакаться
И малины досытая нарвать.
Погоди же листьями бросаться
И седым туманом колдовать!

ГРОЗДЬ РЯБИНЫ

Гроздь рябины в инее,
Сон тумана синего, —

Горькая ты, Родина,
Милая Россия.
Кружат над тобою
Вороны проклятые.
Грозьд рябины скорбно
Наземь сыплет ягоды.
Снег в кровавых пятнах
Воронов тех радует.

* * *

Льют дожди над Россией,
Моют улицы, скверы,
Храмов мудрая сила
Души чистит от скверны.
Мокро, зябко, туманно,
Вся надежда — на Бога...
Как длинна, долгожданна
К солнцу наша дорога.

*Это стихи из сборника стихотворений Г.В. Смирновой-Трубиной
«Россиянка».*

Сергей ФИЛИН

**Я ЛЮБЛЮ,
КОГДА НЕБО
ТАНЦУЕТ**

Стихи

* * *

Я — несравненный Аполлон!
Пусть льётся лесть со всех сторон,
Что я красив, умён, богат,
Улыбки девушек летят

Ко мне, и падают к ногам
Сердца влюблённых в меня дам,
А я дарю надежду им
Лишь взглядом пламенным своим...

Тут продавщица подошла,
Пиджак и галстук забрала,
И снова я Сергеем стал.
О! Впереди спортивный зал...

* * *

Эй, Земля, запрягай Луну!
Полетим, Вселенную изучим,
В тайны высшей жизни заглянув,
Может быть, ответы мы получим:

Есть ли у пространства берега?
Из какой материи планеты?
Чья непостижимая рука
Завела пружину жизни этой?

И Земля вдруг говорит Луне:
«Приоткроем тайны жизни бренной?»

Может, всё приснилось это мне,
Но я видел жизнь моей Вселенной...

* * *

Решил я навести порядок
В своих делах и мыслях бурных,
Метлою разума, как надо,
Прибраться, лишнее — всё в урну.

Прочь глупости и безрассудства,
Понятий старых паутина!
Откуда здесь взялось занудство?
Наверно, кто-то мне подкинул.

Я выметал, как мог, старался,
Но всё же маленький чертёнок
Весёлых глупостей остался,
Такой хорошенъкий подонок.

* * *

Возьми мои чувства, зажги в них огонь!
О муга, в твоей это власти!
Позволь мне пожать вдохновенья ладонь
И вспомнить забытые страсти.

Дай мне окунуться в поэзию грёз
И в горькую сладость разлуки,
Дай снова почувствовать трепет берёз,
Что тянут ко мне свои руки.

Пусть память со дна закипевшей волной
Встряхнёт ил забытого счастья,
Пусть хоть на секунду вдохну я покой
И вырвусь из жизненной пасти.

Я выпью коктейль «Fashion Art»
И стану «гламурная плесень»,
Сотрётся мой прежний наряд
В изжоге бессмысленных песен.

Пойду в шоу-бизнес тогда,
Ложитесь к ногам моим, фэнзы,

Пусть голоса нет, не беда,
Дай мне покривляться со сцены.

Я стану звездой Mega Star,
Шикарные тачки и шмотки,
И будет мне всё до финта,
Что я выступаю в колготках.

* * *

Я сотворю себе кумира
Из необузданных ветров,
Из той любви, что выше мира,
Из самых лучших, ярких снов,

Из нескончаемой надежды,
Из бесконечной доброты,
Из глаз, что не встречались прежде,
В них все вселенские мечты

Горят, взрываются и плачут...
Пусть в них влетит душа моя,
Пусть дарит счастье этот мачо.
Стоп, подожди, так это ж я.

Я шипы невзгод и сожаленья
Превращаю в пышные цветы,
А моё слепое вдохновенье
Разрезает грани пустоты.

Облака, мне ставшие друзьями,
В зареве закатном вечер жгут,
Я укутан звёздными мечтами:
Там, вверху, спасительный приют.

Там легко глаза стихами пишут
И вдыхают пламенный мороз,
Я лечу туда, где небо лижут
Облака, рождённые из грёз...

* * *

Нырну, разрезав мыслей узел,
В пучину пламенных иллюзий!

Где бесконечность рушит грани,
Мечты заветные фонтанят,

Где чистый разум вольно дышит,
Где эсэмэски Богу пишут!
Там можно всё, там нет запретов,
Там Пушкин взял и стал поэтом!

Вдруг мысли, как раскатом грома,
Прораб снёс окриком знакомым:
«Ты чё, заснул? Бери мешок!»
И снова мысли в узелок...

* * *

Я люблю, когда небо танцует
От горящей улыбки рассвета,
Когда грешную землю целует
Тёплый дождик плаксивого лета,

Когда солнечный зайчик, играясь,
Резво скакет по окнам и лужам,
Когда вечером, в небе купаясь,
К нам луна заплывает на ужин,

Я люблю вспоминать, как когда-то
Мы с тобой целовались глазами,
Глядя в сонную спину заката,
И по небу плескались мечтами...

* * *

Вплетая в чувственный балет
Весь аромат весенних кружев,
Я пью на завтрак солнца свет,
А впечатленья ем на ужин,

Я растворяюсь сам в себе,
Ловя губами песни ветра,
Смеются мысли в голове...
О счастье, здравствуй! Ты ли это?

Я им укутываюсь весь,
Чтоб сохранить в душе навеки

И эту огненную смесь
Зажечь в любимом человеке.

ДЕМОН

В нём нет размягчающей жалости,
Кровавые зимы глаза,
Питается нашей усталостью
И жаждет с нас кожу слизать.

Он ждёт, негатив наш лелея,
И, только собьёшься с пути,
Обнимет... верёвкой за шею.
Подвесив, прошепчет: «Лети...»

Он в мысли, поступки, сужденья
Вплетает разврат и кутёж.
Так взял ты Сергея Есенина,
Но Филина ты — не возьмёшь!

* * *

О Интернет — маяк в дороге!
С тобой не дружит лишь убогий.
Кто пишет письма, дружбу водит,
Играет в игры, в гости ходит

Не на экране монитора —
Реально, — заклеймим позором
Таких противников прогресса!
От них все вирусы и стрессы!

Они на чувства к сайтам скучны,
Не знают радостей ютуба
И, как скептические льдины,
Не верят в мощный клик админа!

Мне жалко их, живущих где-то,
Беспомощных, без Интернета.
В их жизнь прокрался вирус дерзкий.
Спаси их, славный врач Касперский!

Юрий ГУЗЁНИН

ВОЛКИ

Рассказы

ИСТОРИЯ О САШКЕ ВОРОНКОВЕ И ЕГО ЛЮБВИ

Часть первая

Под самый конец дня, когда по уставшей улице разливался, тихо и прохладно, синий вечер, молодая быстроногая почтальонка Вера принесла Сашке Воронкову повестку в сером казённом конверте. С четырёхугольного листа, покрытого рябью букв, дохнуло на него неизбежностью новой жизни — жизни армейской. И было бы неправильным утверждать, что Сашка её боялся. Наивно и добросовестно Сашка готовился к ней заранее, и со слов друзей, отслуживших, опытных, знал он назубок, что положено по первому году и что по году второму. Сходилось всё к тому, что первый год пролетал незаметно — на неуставных, для доходчивости матом приправленных, отношениях. Второй же год тянулся медленнее, солдатскую мудрость оправдывая: чем короче шаг, тем ближе дембель.

И всё это Сашка понимал, ко всему готов был, кроме одного, самого важного, по его телячьему разумению, вопроса. Вопроса полового! И не того, что с ветошью, шваброй, хлоркой, унитазом и стёртой до основания зубной щёткой. А того, до сих пор таинственного для него, как жизнь на Марсе, вопроса физиологического. Чисто земного. Без фиговых листочеков стыдливых. Занимая его рассказами о «весёлой жизни салажьей», поведали ему друзья, между прочим, и такое правило: каждый «дух» рассказывает старослужащим историю о любви. И совсем не о той, где поцелуи робкие да быстрые, а о той, где всё по-взрослому. И мог бы Сашка Воронков историю ту выдумать? Мог бы! Да будучи правдивым на язык, боялся срезаться на вопросах каверзных и хитроумных. Боялся провалить красивую

ДЕНЬНОЙ

легенду о себе самом, перед которым девки ошалелые валились наземь штабелями. И нужен был выход из создавшегося положения, положения ахового, тупикового. И выход тот был рядом, по-соседству.

По рассказам приятелей, безотказна в этом вопросе десятиклассница Римка Гордова, красавица. За два дня до ухода в армию вызвался он проводить её до дома, до калитки заветной... Сам Сашка, может быть, и не решил ся бы так сразу, с кондачка. Да дружок его Пашка Свиридов подтолкнул племянником вслед уходившей в одиночестве Римки и вкрадчиво, бесом шаловливым, пропел, промурлыкал на ухо есенинское, правдивое: «пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха — всё равно любимая отцветёт черёмухой». Подтолкнул и слова сказал нужные: «Беги, дурашка, догоняй! Будет что в армии рассказать».

И пошли они в сумерках майских, наползающих, черёмуховых, из сельского клуба домой вдвоём. Поначалу робко держа друг друга чуть вздрагивающими вспотевшими ладонями. И позже, на скамеечке у калитки, той самой заветной, были слова неумелые — тонкой нитью рвавшиеся. И был сеновал, хранивший запахи хмельные, духмяные — чабрецовье, ромашковые, земляничные, от которых кружилась голова и кружились звёзды над головой.

Смущённо перемигиваясь, освещали они юной нагой девушки глаза — озёрные, ресницами длинными трепетными прикрыты; губы — медовые, лепестками роз разъятые; руки — гибкие, нежные; груди — невинные, испуганными сосками на мир ночной, таинственный глядевшие; бёдра — нечитаной книгой девственной раскрыты... И был шёпот — робкий, шелестом утреннего ветра, в камышах запутавшего, о чистоте первозданной, непорочной говорящий. И было недоумение, ушатом холодной воды на голову телячью стриженную выпитое... И был разговор ночной, уже дружеский, где голова к голове — невинные попутчики. Ходила недотрогой со многими, а любила тайно его. Римка Гордова, не побоявшись сарафанных пересудов, на шумных проводах села рядом с алым маком покрывшимся, безудержно счастливым новобранцем. А у ворот военкомата, зелёных, с красной звездой, на глазах у пьяной толпы, дружно орущей неизменное «...не плачь, девчонка, пройдут дожди, солдат вернётся, ты только жди», поцеловала. Открыто! Многообещающее!

Часть вторая

Пока прошагаешь долгий тернистый путь от «духа» безымянного до «дембеля» заслуженного, не одна пара портянок сопреет, не одни подковки искры высекать перестанут.

На первом году — незаметном — изведал Сашка Воронков все прелести армейской жизни. Не на бестолковой зазубренной теории, а на суровой, круто замешанной практике, в которой было и «натыканье на дверные косяки»

— злые, короткие, расчётливые. Наука, что по «духовщине» второе лучше съедать первым, а первое вторым, т. к. за выделенное время выпить получается гораздо быстрее, чем прожевать. Марш-броски под задорную, по-петушиному растягиваемую команду: «Вспышка... справа, слева, с тыла, с фронта», при которой зачастую приходится падать в грязь и лужи. И устав Советской армии, въевшийся до оскомины, из которого, пожалуй, можно было убрать всё, оставил солдатами метко придуманное: «Пункт первый — командир всегда прав. Пункт второй — если командир неправ, смотри пункт первый». И был тот самый, ожидаемый со страхом, неизбежный допрос прыщавого сержанта Ванникова о любовных приключениях «салаги».

Не стал Сашка рассказывать ни о лифчике второго размера, ни о трусиках кружевных белых, ни о губах девичьих розовых, влажных, закусенных. Не стал! И на вопрос: «Да ты чё, щеня, целкач, что ли?» — промолчал, потупившись, краской смущения предательски заливаясь. Чем и заслужил, спасая дорогой, светлый образ Ритки, позорное для мужского самолюбия прозвище «целкач». Стиснув зубы, белея скулами, жил Сашка с тех пор в ожидании того, что наступит время, и он в парадке, с неподложенным аксельбантами, в ботинках, до жаркого солнечного блеска надраенных, в фуражке с тулей высокой, чёрт-те знает куда заломленной, в значках разрядных во всю грудь пройдёт по знакомой притихшей улице под разухабистое:

Покидают чужие края
Дембеля, дембеля, дембеля.
И куда ни взгляни, в эти майские дни
Всюду пьяные ходят они, —

не в такт гитарному ладу выкрикиваемое дружком его Пашкой Свиридовым. В ситцевом платьице летящем пойдёт к нему навстречу чистая, непорочная Римка Гордова, красавица.

И летело время... летели письма...

От матери — со слезою смешанные, от отца — ностальгией, словно нафтиалином припорощенные. И от Римки — осенними листьями, цветными, кричащими, ворохом из сумки почтальонской брезентовой солдату брошенные. И были в ворохе том

зелёные — надежды полные...
красные — любить обещающие...
жёлтые — грустью подёрнутые...

И было коричневое... последнее... скомканное. С оголённого дерева любви к сапогам солдатским кирзовым безжалостно брошенное.

Было в том письме скучно и просто сказано: «Прости меня, милый, дорогой, меня, глупую, за... любовь обманутую, за мечты несбывшиеся, за всё, всё — прости! Выхожу замуж за дружка твоего бывшего, за Пашку Свиридова...»

И была тоска чёрная — на караульной вышке в листе коричневом, скомканном, в почерке девичьем торопливом — саднящая... И бились в тоске той саднящей мотыльками ночными об стекло ламповое, горячее, смертельные мысли. Что вот на том же сеновале, под небом звёздным, лунным Пашка Свиридов, лучший его дружок, выпростает из-под кофточки груди девичьи испуганные, Римкины, оголит бёдра и ножом познания вскроет книгу нечитанную, девственную. Листая её, будет, мусоля, переворачивать страницы, загибая уголки на захватывающих, волнующих местах. И Римка, счастливая, прикрывая глаза озёрные ресницами длинными, трепетными, растает воском в его горячих объятиях.

И было отчаянье сердобольными лягушками на речке камышовой, среди ряски зелёной кричащее. Сердцу разбитому вторящее: «Курррва, курррва, курррва».

И был автомат Калашникова — безотказный, другом единственным, последним в глаза смотрящий... Торопливо, потому что видел издали подходящего к посту разводящего, встал Сашка на колени, переставил защёлку автомата на одиночный выстрел и, уперев его прикладом в пол, кожу прицелом царпая, подсунул дулом к подбородку. Большим пальцем правой руки, не спеша и плавно, как на стрельбах, нажал на курок тугой.

И был сержант Ванников, который дембельским шагом шёл, неторопливым. Шёл и лениво прутиком ивовым метёлки с полыни смахивал, смаковал, что вот сейчас, обменявшись паролем-отзывом, скажет Сашке Воронкову: «Ну, что, целкач, я же говорил, вызывай Римку, меняй погоняло». И тут выстрел услышал неожиданный. Разумом своим дохоччивым, сметливым всё оценив, потом холодным покрываясь, побежал к вышке караульной, слыша, чувствуя, понимая, что за ним, догоняя, наступая на пятки, топчут пожухлую траву не три пары сапог, а три года дисбата. Где даже бег сопровождается командой, рвущей воздух и лёгкие: «Раз, раз, раз — два — три!» Пренебрегая чертой запретной, пренебрегая всеми пунктами устава караульной службы, рванулся сержант кошкой наверх, на вышку. Меловым налётом покрываясь, закричал в исступлении: «Сука, сука, сука-а-а!» И подлые лягухи на заболоченной речке, в трясине зловонной сидевшие, Сашке изменяя, закричали, под сержанта подстраиваясь: «Курррва, курррва, курррва!»

Да только Сашке было уже всё равно. В парадке, дембелем бессрочным плыл он... плы-ы-ы-л... по знакомой, притихшей в ожидании долгожданной встречи улице, где ждала его чистая, непорочная Римка Гордова — красавица.

Положи меня, как печать, на сердце твоём,
как перстень на руке твоей, потому что крепка,
как смерть, любовь и жестока, как ад, ревность:
стрелы её — стрелы огненные¹.

¹ «Песнь песней» — Ветхий завет. Копия в переводе взята из повести А.И. Куприна «Суламифь».

ВОЛКИ

Зимней тихой ночью из ближнего леса по оврагу в село забрёл волк. Выбравшись по пологому склону наверх, он потянул влажным, чутким носом воздух и уверенно, не торопясь, побежал к колхозной овчарне, по самые окна заставленной пушистыми сугробами.

Двусторчатые тесовые ворота, нехотя выщелкнув из гнезда крюк, поддались напору зверя, и массивное туловище вслед за лобастой головой притиснулось в узкую щель. Сбившихся в кучу овец обдало морозом и ужасом глухой январской ночи.

Чувствующий себя хозяином волк был голоден, как, впрочем, была голодна и его подруга, ожидающая от него куска добычи — кровавого, еще хранившего тепло недавней жизни. И он, как знающий себе цену ухажёр, был уверен в том, что нельзя корчиться от боли в желудке, когда совсем рядом, под боком, в тёплых и уютных яслях тупо пережевывают серку слабые и пугливые существа. Нельзя! И, гордясь этим сознанием, он обрушился на круторогого барана, пустив в ход свои великолепные, не знающие пощады клыки.

Было уже утро, когда к воротам залитой кровью овчарни съехалось колхозное начальство. Там, поджиная их, уже шумела разношерстная любопытная толпа, среди которой заметно выделялось несколько мужиков. Высокий и худой скотник Петя Нарошный стоял в сторонке. Привалившись плечом к столбу и выставив вперёд ногу, он, слушая собравшихся, глубокомысленно затягивался прилипшей к нижней губе размокшой беломориной.

Вечно грязный и взъерошенный, мухортенский мужичок Ванька Вытри Нос, до страсти любивший в своей жизни две вещи: сильных, по его мнению, людей, и дармовую выпивку, — крутился в толпе, как всегда крутился около этих-то понятий, чем доставлял себе и другим неописуемое удовольствие.

И, наконец, заслуживающим особое внимание лицом был рыжий старик дед Митяй. Он напоминал высохший от старости гриб с колючими, глубоко посаженными глазами. Живя вдовцом в завалившемся на угол избёнке, он был неразговорчив, нелюдим и породил о себе множество невероятных и зловещих слухов. Как бы оправдывая эти слухи, он, опершись на батожок, буравил людей немигающим сумрачным взглядом.

— Вот и я говорю, — в который уже раз пересказывал ночную историю сторож теперь для колхозного начальства, — слышу, значит: собаки заливаются. Ну, взял я ружье, зарядил картечью, выгнал их из-под крыльца и пошёл к сараю. Подхожу — ворота приоткрыты. Открываю их и... ё-п-р-с-т, как Мамай прошёл, кровища-а-а, брызги до окон. А передо мной, веришь, нет, как телок годовалый, волк, значит. Стоит, сука, голову набычил. А собачишки, черт бы их подрал, сгрудились около моих ног и хвосты поджали. Жуть!

— Конесна, зуть, — встярал в разговор вездесущий Вытри Нос. В минуту крайнего волнения или умиления он начинал отчаянно «присептывать», вызывая тем самым сдержаненный смех у слушателей. Но Ванька не обижался, по-

тому как был даже рад такому к себе вниманию. — Я бы тозе испугалсса. Ты смотри, каки клыциссы.

— Вот, — продолжал недовольный вмешательством Вытри Носа сторож, — меня-то, предположим, клычищами не испугаешь, не такое видывал. А тут этот... как же его... фактор неожиданности сработал, вот.

Вспомнив мудрёное слово, он приободрился и неожиданно для всех закончил:

— Поднял я, значитя, свою тулку и, пока он к прыжку готовился, башку-то ему и продырявил.

Помолчал и, вспомнив что-то очень важное и удивившее его, добавил:

— А ведь он мог и в окно сигануть. Вот. А почему-то не сиганул.

Толпа, внимательно выслушав его пересказ, шумно выдохнула и нерешительно, повинувшись какому-то животному инстинкту, приблизилась к зверю, лежащему на окровавленном, подтаявшем под ним снегу. Волк, задрав кверху ощеренную морду, казалось, ещё смотрел на собравшихся вокруг него зевак презрительно и надменно. Его лапы, размётанные в несуществующем уже беге, будто влекли его в последний смертельный прыжок, в котором не было страха, как не бывает его у людей, истово верящих в свои идеалы.

Он был красив, красив даже мёртвым. И рана, взбужившись кровью на серой, в подпалинах, голове, только усилила эту красоту, полную непобедимой мощи.

В толпе, внезапно охваченной непрошеною жалостью, стали откровенно восхищаться бирюком.

— Красивый, стерва. Его бы на племя оставить.

— Мужиков бы таких поболе. А то родят бабы вроде Вытри Носа, и шабаш.

— Да уж, Сергуни давно повывелись.

— Сергуни! Да он на него, на Сергуню-то, и смахивает.

— Да ну!

Как вслед за бурей на море неизменно приходит штиль, так и сейчас выкрики понемногу стихли. Кому из собравшихся здесь не было знакомо это имя! Какие умы не посещало оно в досужих размышлениях о силе и красоте! Редкая баба, таясь самой себя, не мечтала оказаться в его объятиях. Мальчишки, забыв о том, что были другие, настоящие герои, играли в Сергуню. Но настоящие погибли где-то далеко, не на глазах, и об их подвигах порой могли рассказать только скучные на слово похоронки, а Сергуня...

Сергуня пришёл с войны во славе фартового фронтового разведчика. И с его возвращением в село вернулось то давно утраченное, ушедшее вместе с началом войны чувство — бурлящей, бьющей через край жизни. Чёрный, волнистый чуб, трофейный аккордеон и обволакивающий, манящий к себе прищур серых глаз не давали покоя настрадавшейся от нехватки мужчин женской части населения.

Сергуня был нарасхват, «на раздёр». И так продолжалось бы долго, если бы не пришла из районной милиции повестка с грозным требованием явиться для

дачии показаний. И показания эти не сулили ему ровным счётом ничего хорошего, так как разговор в них шёл о давно забытой, неприятной истории, которая случилась с ним в довоенном прошлом.

Дело было закрыто и сдано в архив за недостаточностью улик, но бывший осошибист, а ныне начальник районной милиции майор Рогов решил докопаться до истины. И, может быть, разошлись бы они по-мирному, по-хорошему, да только, вспылив, бросил Рогов в лицо Сергунин слова, которые до крайности обидели большое самолюбие лихого разведчика: «Да я таких, как ты, на передке живо в чувство приводил». После этого в чувство пришлось приводить потерявшего сознание и зубы майора, а Сергуню под надёжной охраной отправили ночевать в камеру, из которой он той же ночью и сбежал.

Рогов не простил Сергуню, а Сергуня не смог простить Рогова, и, понимая, что майор милиции — это лишь звено в системе аппарата, он объявил войну не своему обидчику, а государству, которое создало этот аппарат, давший власть майору.

Подельников из числа бывших фронтовиков Сергуня подбирал себе не с бухты-бараахты, а толково. Ему нужны были такие, как рыжий Митяй, штрафник, у которого ненависть к людям, чистым и светлым, так и плескалась в полуопущенном взгляде, или такие, как бывший обозник Васюха. Уж кто-кто, а сметливый, нечистый на руку возчик знал, чем поживиться.

Банда действовала дерзко и внезапно. Ликвидировать её оперативно не представлялось возможным, так как днём они, подобно всем, мирно трудились на колхозных полях, а ночью громили по округе склады и магазины.

Неминуемая связька всё-таки наступила. Кто-то из сельчан сообщил, что Сергуня пришёл из леса домой на побывку. Понежиться на перине да попариться, помыться в бане. Вот тут-то его, размякшего и отдохнувшего, можно будет спокойно брать.

Оперативная группа во главе с майором Роговым выехала на задание. Созваться сдуру под выстрелы опытного разведчика было рискованно и, заметив на улице возле дома Сергуниних родителей мальца, лукаво задобрав его кара-мелькой в красивой обёртке, Рогов, довольно миролюбиво, спросил его:

— Ты чей такой, пострел?

— Венька Гончаров, — ничего не подозревая, ответил тот, глядя на белое, искрящееся голубым отсветом лакомство.

— А! Так ты Сергунин брат, так, что ли, выходит?

— Да.

— А где он сейчас? Он нам по важному делу нужен.

— Так вон он, в бане моется. Позвать?

— Не нужно. Мы его сейчас сами позовём.

В обойме у Сергуни было пять пуль, пять смертей. Первая поцеловала Рогова. Смертельно раненный майор, пьяно перебирая непослушными ногами, ткнулся в малинник и, упав там, умер. Ещё три раза после этого стучал, пле-

вался свинцовыми плевками презрения «ТТ», и ещё три милиционера нашли свою смерть, навеки застыв на зелёной лужайке ясным, погожим днём возле злополучной, потемневшей от старости баньки.

Пятой жертвой стал сам Сергуня.

Старый школьный учитель Мишин, подняв над головой раскрытую правую ладонь, пошёл один, в настороженной тягучей тишине, к баньке. Он шёл, что-то говоря, не слышное для других. А когда уже потянулся рукой к двери, Сергуня сделал последний выстрел — себе в висок.

— Кто-то там на Сергуню похож? Ну-кось, ну-кось? — распихивая батожком толпу, к убитому волку подошёл, подскрёбся рыжий стариk, дед Митяй. Пристально всмотрелся в оскаленную морду ночного разбойника и вдруг медленно, тяжело опустился на колени. Мутная, крошечная слеза выкатилась на дряблые щеки, а рука, трясущаяся крупной дрожью, стала любовно поглаживать окровавленную шерсть:

— Сергуня! Друг!

Рядом с ним присел опешивший Вытри Нос. Испуганно косясь на старика, «засептал»:

— Цё, похозь? Дядь Мить, правда, похозь?

Старик молчал, только шея, выгорбившись колковатым загривком, клонилась всё ниже, а слёзы, крупные, катились всё чаще.

— Похозь! — дурашливый высокий голос разорвал гнетущее напряжение. Петря Нарошный, прилепив к слюнявой губе свежую беломорину, почмокал ею, выпустил вверх сизоватую струйку дыма, повторил:

— Похозь. А че, мужики, сходить разве к Веньке? Сказать, что братан приходил, про конфетку спрашивал.

И зашагал, легко, в ближнюю улицу, сопровождаемый неотрывным взором мёртвых волчьих глаз. Сергуниных.

Светлана ПРОСЕКОВА**ВАРЕНЬКА
И ЯША****Истории для детей****КАК ВАРЕНЬКА ДАЛА ЧАСАМ ОТДОХНУТЬ**

Варенька уже лежала в своей кроватке. Каждый вечер перед сном мама рассказывала ей какую-нибудь сказку: то про зверюшек, то про птичек, то про разных букашек. «Все сказки — интересные и поучительные», — так говорила мама. Варенька не всегда понимала, чему учили эти сказки, она просто слушала и удивлялась тому, какими умными бывают белки или муравьи. Днем, когда Варенька гуляла, старалась отыскать кого-нибудь из тех, о ком говорилось в сказках. Потом тихо садилась рядом и долго наблюдала. В сказке дождевой червяк ползal, напевая песенку про теплый дождик, бабочка все время хвасталась своими красивыми крыльышками. И главное — они все умели в сказках разговаривать. Варенька тоже хотела поговорить с ними. Она старалась вежливо что-нибудь спрашивать, потом прислушивалась-прислушивалась, но что они отвечали, понять не могла.

— Наверно, я еще маленькая, вот вырасту и научусь их слышать, — думала девочка.

Рассказы о детях Варя не любила, там всегда был кто-то непослушный, с которым папа или мама ссорились. А Варенька старалась быть хорошей девочкой: убирала свои игрушки, помогала маме мыть посуду, не мучила маленького котенка и почти не капризничала. Она очень старалась быть послушной, но не всегда получалось: хотела сделать что-нибудь полезное, а мама и папа хмурились и укоризненно качали головами.

Варенька вспомнила, как однажды добавила в чашку с едой котенка маленькую ложечку варенья, такого вкусного, любимого. Но котенок сунул мордочку в варенье, фыркнул и отошел. Мама увидела это, рассердилась и строго сказала, что котята варенье не едят. Вареньке все равно было непонятно, как можно не любить варенье!

— Какой глупый котенок! Он даже не попробовал, а уже фыркает, — размышляла Варя, лежа в кроватке. Маленький ночник совсем немного освещал ее комнату. Все игрушки на полке сидели смироно. Куклы лежали в своих кроватках. Было тихо. Вдруг Варенька обратила внимание на тиканье часов.

— Тик-так, тик-так, — повторяли часы снова и снова.

— Они меня о чем-то просят, — подумала она. Наверно, тоже хотят отдохнуть, мама забыла их остановить на ночь.

Варенька встала, сняла стеклянный колпак с часов и остановила крутящиеся шарики под циферблатом. Часы перестали тикать.

— Ну вот, теперь все спят, — довольная собой, подумала она и легла в свою кроватку.

Утром за завтраком Варенька рассказала, что дала отдохнуть часам. Она была уверена, что ее похвалят. Но папа опять покачал головой, а потом объяснил, почему часы нельзя останавливать.

Варенька поняла, что, когда часы стоят или неточно показывают время, она может опоздать в детский садик, а папа — на работу. Все поезда отправляются в рейсы точно по расписанию, и самолеты улетают в назначенное время. Часы устанавливают порядок: когда ложиться спать, когда вставать, когда обедать и многое другое. Так Варенька узнала, что часы должны тикать всегда-всегда, им отдых совсем не нужен.

ВАРЯ-ПОЧЕМУЧКА

Вареньку интересовало все-все на свете. Она старалась сама ответить на свои вопросы, но не всегда получалось. Снова и снова она подходила к маме и спрашивала: почему светит солнце, почему идет дождик, почему, почему... и так без конца. Мама уже называла ее «почемучкой». Варя не понимала, хорошо это или плохо, сердится она или нет. Сматривает в окно и опять задает себе вопросы: почему у старушки, которая гуляет с собачкой, есть зонтик, а у собаки — нет. Варенька знает и эту старушку, и собаку, ее зовут Ральф.

— Ой, Ральф совсем промок, я отдам ему мой зонтик, мне не жалко. Наверно, он обрадуется, — глядя в окно, тихонько говорит Варя.

Мама, услышав, опять покачала головой, явно не одобряя такое решение. Строго посмотрев на дочку, она сказала:

— Собакам зонты не нужны. Ну подумай сама, как Ральф будет держать зонт, ведь он бегает на четырех лапах? У собак густая шерсть, которая защищает их от дождя и холода.

Во дворе Варя часто играла с соседским мальчиком Колей. Но Коля часто болел. Когда после выздоровления они встречались, Варя прежде всего спрашивала:

— Ты уже совсем поправился? А как тебя лечили?

На все вопросы Коля всегда отвечал одинаково:

— Опять лежал в постели и глотал противные таблетки, если не успевал их спрятать.

Варя вспомнила, что ей каждое утро дают пить рыбий жир и все время приговаривают:

— Чтобы не болела, быстро росла и была здорова.

«Так вот что нужно пить Коле, хотя этот жир такой противный», — подумала Варя.

— Подожди меня, я сейчас приду! — загадочно сказала Варя и побежала домой, схватила бутылочку с рыбьим жиром и вернулась во двор, к Коле.

— Вот, возьми это лекарство, оно укрепляет здоровье, будешь его пить — перестанешь болеть!

— Спасибо, — сказал Коля, — а как же ты?

— Я здорова, а тебе это обязательно поможет.

На следующее утро мама долго искала бутылочку с рыбьим жиром, потом посмотрела на Варю и сразу все поняла.

— Да, мама! Это я отдала рыбий жир Коле, чтобы он перестал болеть, — не дожидаясь вопроса, смело ответила она.

Папа с мамой улыбнулись Вареньке и сказали только одно слово: «Молодец!»

— А я думала, вы опять будете недовольны мной.

СКАЗКА ПРО ДОБРОГО ЯШУ И ЗАКОЛДОВАННУЮ ШАПКУ

Эту историю я увидела во сне.

Жил-был мальчик Яша, послушный и очень добрый. Он не мог никому отказать в любой просьбе. Однажды во дворе, где он гулял, появилась незнакомая старушка. Она подошла к мальчику и попросила, чтобы он дал ей померить свою шапку.

Яша, не раздумывая, снял с головы и передал шапку старушке. Он не знал, что на голове этой старушки она тотчас совершила волшебство: надев ее, старушка становилась мальчиком, а он, мальчик, превращался в старушку.

Он отдал шапку, и бабушка, схватив и спрятав ее, быстро-быстро заторопилась со двора. Яша очень удивился и расстроился, что та убежала с его шапкой. Но решил, что она очень замерзла и захотела согреться. Яша подождал немного, но старушка не возвращалась, и пошел домой. По дороге он думал, как объяснить родителям, зачем отдал шапку какой-то старой бабушке. Он еще не знал, что уже выглядит как она. Когда мама открыла дверь и увидела вместо сына старушку, очень удивилась и спросила:

— Что вам нужно, бабушка?

Мальчик подумал, что она шутит.

— Это я, ваш сынок Яша, — ответил он испуганно.

— Не надо так шутить, — строго сказал пapa.

Конечно, родители Яши и не догадывались, что это их заколдованный сын. Яша-бабушка заплакал и все им рассказал.

Стали думать, как отыскать старушку и разгадать, зачем понадобилась ей чужая шапка и что она собирается сделать, став мальчиком.

Поискали-поискали — не нашли.

На всякий случай родители развесили везде объявления, что пропал мальчик, у которого такая-то шапка на голове, сообщили и еще приметы. Они понимали, что шапку старушка снимать не будет, чтобы себя не выдать.

На следующий день Яша (ставший бабушкой) не пошел в школу, а вот бушка (ставшая Яшой), наоборот, побежала туда, села за парту и вела себя очень тихо. С ней пытались разговаривать ребята, но она боялась выдать себя старушечным голосом. На уроке учительница попросила снять шапку, но башшка-Яша только помотала головой.

Учительница подумала, что у мальчика болят уши, и не стала настаивать, решила разобраться потом. Так было на всех уроках.

На следующий день вызвали родителей мальчика в школу. Тут-то все и узнали печальную историю мальчика и причину, по которой старушке нужно было обманом отнять шапку у доброго Яши.

А история была такая. Когда старушка была еще девочкой, к ним домой пришел пожилой путник. Стояла суровая зима, он был весь в снегу и очень замерз. Путник попросил воды и разрешения погреться у теплой печки. Но девочка посмеялась над его лохмотьями и выгнала на холод.

Путник грустно посмотрел тогда на нее и сказал, что она тотчас превратится в старушку и будет бродить и в холод, и в жару, и в дождь и не находить приюта у добрых людей.

Колдовство, сказал он, с нее будет снято только тогда, когда она обманом отнимет шапку у самого доброго мальчика и он простит ее.

Конечно, мальчик и родители, узнав эту историю, простили старушку. Заклятье было снято, и старая бабушка превратилась в милую и теперь уже добрую девочку, с которой Яша подружился. Они вместе стали ходить в школу.

Алина АЛЕКСАНДРОВА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Рассказ

*Линия жизни есть у каждого —
мы рисуем её сами... Доказано любовью.*

Это был вечер ещё тёплой осени. Большой уютный зал старой, гордо стоящей в окружении новостроек «сталинки». Таких в городе совсем немного осталось...

Вся семья в сбore, каждый был занят своими делами. Отец читал в кресле возле окна газету «из серёзных», критически комментируя новости политики. Его супруга творила на кухне любимые всеми голубцы под фон очередной мыльной оперы, которая доносилась из старенького телевизора, а мальчик Витя, сидя в «домике» — под крышкой дубового стола в центре гостиной, — строил свой «город» из того, что было в его распоряжении: кубиков алфавита, конструктора, книг. Кисти когда-то богатой скатерти, купленной полвека назад, скрывали творение юного архитектора.

За столом бабушка Маша обсуждала со своей подругой последний номер литературного журнала... Люди с доброй душой, тонким вкусом и живым интересом ко всему происходящему, они продолжали баловать себя литературными новинками. Авторов многих из них знали не понаслышке...

Валентина, подруга бабушки, пела в городском хоре и больше интересовалась стихами, многие из которых слышались ей романами. Некоторые строчки она сразу же напевала.

А бабушка Маша, в прошлом учитель русского языка и литературы Мария Викторовна, предпочитала прозу. Она оценивала всё прочитанное живо и профессионально, частенько спорила с подругой, доказывая свое мнение легко и уверенно, как и подобает литератору «старой школы»...

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЁЙ

В свои пять лет Витя мало что понимал из их разговора. Он пропускал мимо ушей, что говорили бабушки про Блока, про Бунина, про новые модные романы. Но случалось, что в беседе вдруг проскальзывало что-то сказочное... как в этот раз...

— Представляешь, Маша, мне вчера дочь по руке гадала, и многое сходится! Она у меня хиромантией интересуется, вот и решила на мне попрактиковаться, и, могу сказать, успешно. Вот здесь, смотри, мой сахарный диабет, в сорок лет диагноз поставили... — рассматривая ладонь, Валентина настолько увлеклась, что сама стала походить на цыганку. — А вот эта развилка на линии жизни — работу неожиданно поменяла. И двух детей «увидела» на сгибе запястья, и творческую натуру — вот здесь, в районе Венеры. Вся жизнь, оказывается, на руке написана!

Она задумалась, отхлебнула чаю из полупрозрачной фарфоровой чашки и послушав предложила:

— А можно, она и тебе погадает? Увлечение полюбопытнее некоторых современных... Ты не против?

— Да я не то чтобы против, — неуверенно произнесла бабушка, — только не верю в это. Смотрели некоторые «посвящённые», говорили, что болеть сильно буду... в семьдесят лет... возраст для меня рискованный.

Она улыбнулась:

— И что? Живу! Живу и не жалуюсь! А так и бессонницу недолго заработать, в ожидании «ударов судьбы». Нет, Валя, не обижайся, но пусть других «подопытных кроликов» обследует...

Тут под столом что-то с шумом рухнуло — видно, обрушилась одна из Витиных городских башен. Бабушка, всплеснув от неожиданности руками, восхлинула:

— Боже мой, Витенька! Ну нельзя же так пугать!!! Бабушка уже немолода, а так, и правда, до восьмидесяти не дотяну!

— Виктор! Не пугай бабушку! — громко сказал отец, не отрываясь тем не менее от газеты.

Из-под скатерти выглянула любопытная мордашка внука, а потом сам Витя быстро выбрался из-под стола и уселся рядом с подругами.

— Ба-а-б... а что это значит? Что это ты сказала? А? — взволнованно спрашивал мальчик, теребя бабушку за руку.

— Что значит? Да ничего, в общем, и не значит, — пыталась отвлечь Мария Викторовна внука. — Просто есть люди, которые верят, что вот эта линия, — она показала мальчику правую ладонь и провела по ней пальцем другой руки, как по карте, — означает «жизнь», и сколько она длится — столько будто бы мы и живём. Пусть себе верят, а нам с тобой это незачем. Мы ещё до-о-лго будем вместе, так что я от тебя никуда и не собираюсь... Ага?!

Но Витя не успокаивался:

— А у тебя она длинная или нет? Покажи ещё, покажи!

Усадив внука на колени, бабушка спокойно пояснила, что «длиннее и не бывает». Потом раскрыла его ладошку и произнесла:

— О-о-о! Да у тебя линеечка ещё длиннее! Жить будем до-о-лго!.. Правда, Валюш? — она выразительно посмотрела на подругу.

— Конечно, правда, Витя!.. — с готовностью закивала Валентина и жестом фокусника вынула из кармана вязаной безрукавки конфету «Гулливер». — А вот тебе подарочек на новоселье в твоём новом домике!

Подруги всячески старались отвлечь мальчика, а через несколько минут, очень кстати, началась детская передача по телевизору. Валентина откланялась и поспешила домой — пока совсем не стемнело.

Витя посмотрел мультики, но идти спать в свою комнату в этот раз категорически отказался...

— Нет, хочу спать с тобой!!! Пожалуйста!

Чувствуя его необычную взволнованность, бабушка сдалась и разрешила ему спать в своей комнате.

Осеннее утро, просеянное сквозь жёлто-пурпурное сито последних листьев, тихо и мягко высветило окно. Воздух пах добрым сонным домом... уютом... надеждой...

Проснувшись, мальчик подвинулся поближе к бабушке и стал напряжённо прислушиваться к её дыханию. Убедившись, что всё хорошо, он очень тихонько слез с кровати. Осторожно, на цыпочках, пробрался по коридору в комнату родителей, подошёл к письменному столу отца и начал что-то искать, передвигая предметы. Утренний шорох, конечно, разбудил маму.

— Витя! Ты чего в такую рань потерял?

— Ищу... тут... — не отрываясь от поисков, шёпотом сообщил сын. — Мам, а где... ну, чтобы рисовать красиво?

— Ты фломастеры ищешь? На столе, под газетой. А бабушка уже встала?

— сонно поинтересовалась мама.

— Да! Проснулась, мы скоро гулять пойдём! — Витя соврал, как ему самому казалось, ради чего-то большого и важного.

— Ну хорошо, только надень тапочки, пол холодный, — прошептала мама и перевернулась на другой бок.

— Ага.

Витя нашёл фломастеры и быстро «прошуршал» обратно. А мама поправила одеяло мужа, посмотрела на часы и, решив вздремнуть ещё часок, спокойно закрыла глаза...

Пятилетний малыш, чуть дыша, снова «просочился» в комнату бабушки. Забравшись на диван, Витя сел на корточки и бережно взял бабушкуну ладонь. Бабушка Маша нахмурила брови, но не проснулась, так как из-за перемены погоды заснула только под утро, и тревожный сон ещё не отпускал её...

Открыв фломастер синего цвета, Витя сосредоточенно и осторожно повёл «линию жизни» по мягкой тёплой ладони...

Мария проснулась раньше, чем он закончил свое важное дело, но открыла глаза только тогда, когда счастливый Витяка приподнял её руку, чтобы получше рассмотреть своё творение.

И в этот момент, словно в награду за добрый поступок, на лоб его прыгнул солнечный зайчик. Здорово!

— Чудо моё, ты уже проснулся? Давно?

— Не-е-т! — весело крикнул Витяка. — Недавно! Пойдём гулять! Пойдём гулять! Пойдём гулять!

— Конечно, пойдём, — улыбнулась бабушка Маша. — А что ты тут натворил?

Она посмотрела на перепачканное фломастером одеяло.

— Линия жизни! Теперь она у тебя длинноящая-предлинноящая! Я её сделал как надо!

Мария взглянула на свою ладонь. На ней синей густой рекой бежала широкая линия жизни, чёткая, уверенная, с руслом, уходящим почти к середине предплечья. Сердце забилось где-то возле горла...

— Мой родной! — на резком вздохе с дрожью в голосе произнесла бабушка...

Она, глотая слёзы, обняла счастливого Витяку, и в этот момент ей нечего было больше сказать...

Валерий СУХОВ

**РАЗГОВОР
С ДМИТРИЕМ
ДАРИНЫМ**

Творчество известного поэта, автора текстов песен, которые поют И. Кобзон, А. Маршал, В. Пресняков, прозаика и публициста, члена Высшего художественного совета Московской городской организации Союза писателей России, председателя жюри международной премии имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» Дмитрия Александровича Дарина знакомо пензенским читателям по публикациям в журнале «Сура». В конце декабря 2014 года Дмитрий Дарин отмечает свое 50-летие. В преддверии этой юбилейной даты мы и встречаемся.

В.С. Дмитрий, мы беседуем с вами в день рождения Сергея Есенина. В связи с этим вспоминается ваше проникновенное эссе «В России Есениным дышат», опубликованное в журнале «Сура» в декабре 2010 года. Не изменилось ли ваше отношение к поэту за прошедшие годы? Какие его строки вам представляются особенно современными в связи с событиями на Украине?

Д.Д. Благодарю вас за острый вопрос. Всегда интересно посмотреть на то, что волнует тебя, многие миллионы людей, в некой динамике. Ведь все мы «взрослеем», если можно так выразиться, получаем новый опыт, узнаем новых людей, боремся с разными обстоятельствами. И когда среди этого изменчивого и очень переливчатого людского моря твои глаза привычно находят маяк, видят его мерцающий огонь, значит, все в порядке, крушение обошло тебя стороной. Я с годами только больше и больше вижу тепла в мерцающем свете есенинской поэзии, больше глубины, больше восторженного полета. И не знаю, сохранился ли музей Сергея Александровича в Харькове, где поэт бывал когда-то, оставили ли прежним название улицы, названной в его честь. Есенин, кстати, очень любил и ценил Тараса Шевченко и даже переводил отрывки из его поэм. Мы переживаем сейчас попытку нового крестового похода на рус-

ский мир, и обратите внимание, как преследуется русское слово. Русское слово — осиянное. Русское слово — и вера, и пуля, и бинт. Нас хотят лишить цивилизационной принадлежности, оскопить и оплебенить. Поэтому мне приходят на ум слова Есенина об Америке: «Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества». И все мы, кто охраняет осиянное русское слово, просто обязаны не допустить этот смрад в русские души.

В.С. Дмитрий, вы возродили международную премию имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» и стали председателем жюри этой премии, взавлив на себя этот тяжелый крест. Зачем? Почему? Ведь приходится так много времени тратить на чтение присланных текстов.

Д.Д. Частично, мне кажется, я уже ответил на этот вопрос — почему. Нужно не только охранять, но и помогать самим поэтам, вообще всем, кто несет его в себе и с собой. И мои товарищи по поэтическому окопу — состоявшиеся писатели и поэты — тоже тянут эту лямку. Например, только что закончился всероссийский 10-й юбилейный фестиваль молодых поэтов «Мцыри». Кроме прекрасной организации была проведена огромная работа по отбору, и все мы получили на несколько дней праздник поэзии — настолько талантливые ребята приехали! Почти ни одного слабого стиха за неделю! Почему нашел время в своем плотнейшем графике и возможность приехать поприветствовать поэтическую молодежь народный артист России Николай Бурляев? Потому что считает, как и мы: русское слово нужно возвращать и охранять урожай от саранчи всякого рода и племени. И, кстати сказать, четверо финалистов «Мцыри» автоматически проходят к нам во «взрослую» уже международную премию имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» — в номинацию «Надежда России». И я с удовольствием назову их имена: Гусманов Ренат (Москва), Синица Алёна (Москва), Антипов Александр (Москва), Нигамедзянов Аскар (Уфа). Одной из самых интересных по глубине и красоте мысли может стать — несмотря на свой юный возраст — поэтесса из Минска Анна Март.

В.С. А как вы считаете, возрастет ли значение Есенинской премии в связи с предстоящим юбилеем — 120-летием со дня рождения поэта? Какие требования вы будете предъявлять к ее новым лауреатам?

Д.Д. Во-первых, мы повысим требования к самим себе и всем, кто будет помогать в подготовке к вручению этой премии в юбилейный год. Моя мечта — провести целый фестиваль — трехдневный, но не в октябре, а летом, в хорошую погоду, чтобы семинары по есениноведению проводились под открытым небом, под шум берез и кленов. Я даже уже подбираю некоторые площадки. А что касается конкурсантов — думаю, мы пригласим всех наших победителей разных лет — для мастер-классов и, так сказать, для наглядности. И те поэты, кто выиграет в своей номинации и станет лауреатом премии «О Русь, взмахни крылами», ни в чем не должны уступать уже признанным победителям. Я, во

Дмитрий Дарин
**РУССКИЙ
ЛАБИРИНТ**

вал «делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе». Вот этот принцип я и стараюсь соблюдать. А что может быть в мире выше русской поэзии?

В.С. Дмитрий, ваша любовная лирика переполнена искренним чувством высокой любви к прекрасной половине человечества. А как это сочетается с тем, что вы пишете о женщинах в прозе? Мне показалось, что в ней женские образы выписаны более реалистично. Как продвигается работа над романом «Бабьё»?

Д.Д. Сразу хочу упредить: «Бабьё» не женоненавистнический роман, а роман-предупреждение мужчинам. У меня настолько разнообразный опыт в «женском» вопросе, что я не могу не поделиться с «братьями по полу» способами, как отделить женщину от самки человека и как избежать тягостных последствий неразделения. Сейчас уже пишется заключительная, пятая часть. Получится как минимум познавательно, но я надеюсь, что и увлекательно тоже. Кто-то себя обязательно узнает, кто-то своих знакомых, и слова читателей: «Так ведь это про меня! Как же я раньше-то...» — будут для меня самым главным признанием.

В.С. Почему вы выбрали такое название для книги прозы — «Русский лабиринт»? Есть ли из него выход или нет?

Д.Д. Название было дано по «титльному» рассказу. А поскольку я никогда не придумываю сюжеты (в России это и не нужно), то это одна из множества

всяком случае, имею все основания надеяться, что так и будет: уровень поэзии в России заметно вырос.

В.С. Дмитрий, а теперь хотелось бы поговорить о личном, если вы не будете возражать. Судьба ваша сложилась удивительным образом. От «нового русского» — до поэта, автора текстов популярных песен, прозаика и публициста, — такова ее амплитуда. Верите ли вы в то, что это было предназначено свыше. Когда вы решили себя целиком посвятить творчеству, а не бизнесу? Можно ли совмещать два этих «ремесла»?

Д.Д. Совмещать можно много, но недолго. Конечно, когда-то одно начинает мешать другому. И если хороший переводчик легко переходит с одного языка на другой, то состояния души так просто не поменять. Аристотель советовал «делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе». Вот

этот принцип я и стараюсь соблюдать. А что может быть в мире выше русской поэзии?

историй, происходивших в том или ином виде на моих глазах. Все мы подчас путаем в своих лабиринтах, а русский лабиринт всегда был самым сложным, непростым и запутанным. Именно поэтому к нам неприменим «общий аршин» и рассудочная мера западной цивилизации плотских людей. Не зря ж мы «веками непонятны чужеземным мудрецам». Своим, впрочем, тоже. Но выход есть, конечно, стоит только посмотреть наверх. Выход там.

В.С. В журнале «Сура» была впервые опубликована повесть «Барак», с которой начинается сборник вашей прозы. На мой взгляд, это одна из лучших ваших прозаических вещей. А вы что считаете наиболее близким и дорогим для себя в этой книге?

Д.Д. Спасибо, мне очень приятна такая лестная оценка. Такая вешь, как «Барак», действительно, пишется раз в жизни. До сих пор получаю письма — даже возмущенные — по поводу судьбы главного героя Платона. И, кстати, монолог Платона любезно согласился прочитать со сцены во время моего юбилейного концерта заслуженный артист России Владимир Фролов. Я уже слышал пробник, так сказать... не стыдно мне за написанное! И трудно определить, что мне, как автору, больше или меньше нравится из моего же. Но самый светлый рассказ, самый трогательный — это, конечно, «Родное сердце». И он тоже основан на реальных событиях.

В.С. Дмитрий, а кем вы себя сейчас в первую очередь ощущаете: поэтом или прозаиком? В чем принципиальная разница работы над поэтическими и прозаическими текстами?

Д.Д. Конечно, поэтом. В поэзии по понятным причинам удельный вес слова намного больше. Проза может несколько расслабить — нет сдерживающих размеров, рифм и т.п. Вот в этом есть некая опасность для пера: начинаешь описывать многими словами то, что в поэзии обязан высказать одним. Поэтому, как поэт, я ищу то самое, единственное слово, ищу иногда долго, жду, когда Всевышний подскажет, если чувствую, что любое другое будет фальшивым. А в прозе наоборот: я разгоняю стаю слов как воробьев, чтобы осталась одна птичка, но певчая.

В.С. В первый раз мы с вами увиделись в Пензе на Купринском литературном празднике, а познакомились на родине Куприна в Наровчате. Как вы относитесь к его прозе? Оказала ли она на вас влияние?

Д.Д. Может быть, кроме Гоголя, Лескова, Куприна и частично Шмелева и не было на Руси писателей в смысле художественного словописания. Наши великие имена — Толстой, Достоевский, — на мой взгляд, больше философы, использующие литературную форму изложения, морализаторы, проповедники, но не словописцы. Условно, конечно, но русский язык в чистом виде — как художественная самоценность — встречается именно у Лескова и Куприна. Гоголь даже не писатель, он сам — язык. Каждый, конечно, по своему видит... у каждого свой Куприн, но, думаю, со мной согласится читатель: «Суламифь» по красоте слова превзойдена, наверное, не будет.

В.С. В Наровчате я впервые услышал песни группы «Рядовой Дарин» на ваши стихи. Хочу признаться, что они произвели на меня сильное впечатление. А как вы стали писать тексты для песен? Что их принципиальным образом отличает от ваших стихов?

Д.Д. Хороший вопрос, потому что дает высказать мысль, которая является принципиальной для меня. Я вообще не пишу никаких текстов, не подтекстовываю уже написанную музыку и не пишу на заказ. Я считаю, что музыка растворена в поэзии, если это настоящая поэзия. Просто она там в другом агрегатном состоянии. И композитор так только говорит, что он пишет музыку, на самом деле он ее различает в словах и только записывает с помощью нот. А поскольку написана в сотрудничестве со многими композиторами — Владимиром Пресняковым, Олегом Ивановым, Анатолием Верещагиным — не одна сотня песен, смею заверить, что именно так и происходит. Именно поэтому на некоторые стихи написано больше пяти вариантов мелодий — как на «Милую», известную больше в народе как «Два черных лебедя». Каждый композитор слышит за словами своё. И очень хочется надеяться, что стихи вашего покорного слуги и дальше будут хранить музыку в себе.

В.С. На мой взгляд, группа «Рядовой Дарин», которую вы создали, выгодно отличается от остальных своим «лицом необщим выраженьем». Считаю, что главная заслуга в этом — автора текстов песен. Какие песни на ваши стихи вам особенно дороги?

Д.Д. Дороги, конечно, все, тем более многие полюбились слушателям, и минусовки у меня для этих песен заказывают со всего русскоговорящего мира. И юбилейный диск — к 10-летию группы — под названием «Помирать, так от любви» получился на загляденье — песня к песня, как дерево к дереву в красивой роще. И там уж точно каждая из них — любимая!

В.С. Через 12 дней мы будем отмечать 200-летие со дня рождения нашего великого земляка — М.Ю. Лермонтова. Вы в своей прозе предприняли попытку также создать образы «героев нашего времени». Кто из них вам особенно близок по духу?

Д.Д. Мне кажется, что все, что происходит с героями моих повестей и рассказов, не случайно. Ведь подобное происходило и в жизни — с кем-то похожим на них, на читателя, на нас с вами. Кого-то мне самому жаль, кто-то похож на самого меня в некоторых обстоятельствах, а кто-то и «нарывается» на нравоучения. Я понимаю Платона из «Барака» и очень его люблю, но я бы не стал поступать, как он, в иной ситуации. Я бы выпил, конечно, с музыкантами Щагиным из рассказа «Кемска волость» (да и выпивал с прототипом, честно признаться). Размышления героя из рассказа «Горы и люди» — это вообще мои мысли, но обстоятельств, при которых рассказ писался, я бы хотел избегать в будущем. Так что — ближе мне по духу сам автор «Русского лабиринта»!

В.С. Дмитрий, вы стали одним из первых лауреатов международной премии имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...». В своей статье «Сергей

Есенин в современных поэтах» вы написали: «Ошиблись все, кто хоронил свое Отечество, и также ошиблись те, кто хоронил Есенина, воспевающего его. Поэтому что его поэзия была наполнена не только и не столько так узнаваемыми образами, а мерцающим содержанием любви к России. Вот этого содержания я и желаю современным, особенно молодым, российским поэтам...» А в каком из ваших стихотворений это есенинское содержание является определяющим? Может быть, в день рождения Сергея Есенина вы прочитаете его?

Д.Д. Если брать написанное в последнее время, то, наверное, в стихотворении «Осиянная Русь» такое содержание является определяющим. Там есть такие строки: «Я люблю красоту белоствольную эту, / Что не высказать словом, а только вздохнуть./ Осиянная Русь, разве сыщется где-то / Край такой, чтоб под шелест берез не уснуть? / Я люблю красоту белоствольную эту, / Дальний дым над трубой и дорогу в полях, / Осиянная Русь, я люблю беззаветно / Слезы синих озер и печаль в соловьях!»

В.С. Дмитрий! В завершение беседы хотелось бы поздравить вас с предстоящим юбилеем и пожелать вам новых творческих удач! Пусть 50 лет станут для вас периодом расцвета. Надеемся на дальнейшее сотрудничество с «Сурой».

Д.Д. Желаю читателям «Сур» получать радость от журнальных публикаций, здоровья и счастья всем!

Эдуард АНАШКИН

**МИР,
КОТОРЫЙ
ПОСТРОИМ
МЫ**

Новая книга детского писателя Светланы Выюгиной — хороший повод оглянуться в наше литературное прошлое. Не такое давнее, но очень поучительное. Более семидесяти лет назад, 26 марта 1943 года, в Москве состоялся первый праздник детской книги, основателями которого стали известный детский писатель Лев Абрамович Кассиль и директор издательства «Детгиз» Людмила Викторовна Дубравина. Казалось бы, Великая Отечественная война, холодная, голодная, полуосажденная Москва, пребывающая в статусе комендантского часа. Ещё ничего не ясно на фронте, впереди одна из главных битв Великой Отечественной — Курская дуга. И вдруг в столице страны, ведущей войну, проводится праздник детской книги!

По истечении более семидесяти лет с этого праздника и в свете новых условий нашей современности становится особенно очевидной дальновидность Иосифа Сталина, давшего «добро» на проведение этого праздника и решившего провести этот праздник не где-нибудь глубоко в тылу — в Алма-Ате, Самаре или Ташкенте, а именно в Москве, в Колонном зале Дома Союзов! Так состоялся праздник «Книжки-ны именины», открывший Всесоюзную неделю детской книги.

Это была не какая-то компанейщина или «одноразовая акция» по поддержке детского чтения, т. к. в год великой Победы, 1945 год, Всесоюзная неделя детской книги прошла уже в другой советской столице — в Киеве. Город еще лежал в послевоенных руинах, но власть уже была всерьез озабочена мирным будущим страны, тем, какими вырастут наши дети, потому что книга призвана помочь им вырасти достойными детьми отцов-победителей!

Будущая детская писательница Светлана Выюгина, которая, несмотря на свою женскую молодость и привлекательность, отметила свой юбилей, принадлежит, собственно, к тому самому поколению послевоенных детей, во имя которых и проводились в стране «книж-

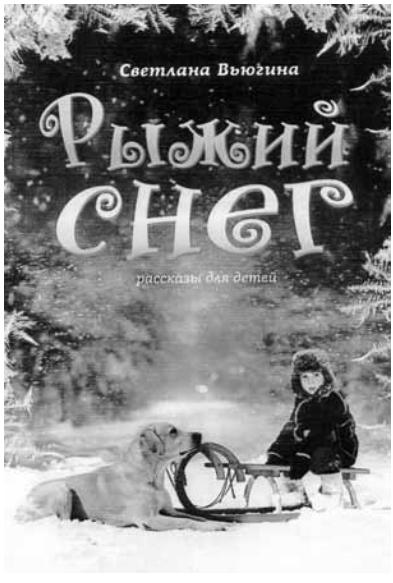
кины» праздники и именины. Это помогло нашим детям, что росли в непростых условиях послевоенной разрухи, тем не менее вырасти гармоничными добрыми людьми. И людьми православными по своим внутренним убеждениям! Да, эти послевоенные поколения росли в атеистическом, казалось бы, государстве. Но в этом государстве высокую миссию православной духовности пронесла именно литература. Живое писательское слово помогло стране духовно не потерять ни одного поколения. А что сегодня?

В начале 2005 года в Совете Федерации РФ состоялась встреча с ветеранами Великой Отечественной войны. Тема встречи звучала так: «Патриотизм и любовь к родине как залог возрождения России». На встрече присутствовали известные, выдающиеся наши писатели-фронтовики: Юрий Бондарев, Михаил Алексеев, Егор Исаев, Константин Ваншенкин, Сергей Викулов. На этой встрече выступил председатель исполнкома Международного сообщества писательских союзов Сергей Владимирович Михалков, сказавший: «...Даже во время войны детское издательство печатало книги для детей, это было государственное издательство. Оно печатало книги на плохой бумаге со слабыми рисунками, но большими тиражами... Когда в советской культуре наметилось угасание интереса в патриотической тематике, я пошел к Брежневу... И Брежnev принял писателя Михалкова, взял все записки, которые у меня были, и по всем запискам были приняты решения Правительства и ЦК. Были награждены орденами издательства, которые издают литературу для детей. Были учреждены Ленинские премии за детскую литературу. Звания народных артистов СССР получили выдающиеся артисты детских театров. И когда все было сделано, Брежнев позвонил мне и спросил: «Ну, я все сделал, что вы просили?» А что же мы видим сегодня? Ничего из того, что было сделано, мы уже не имеем...»

И все же таковы детские писатели России, воспитанные в самой читающей стране, что они всегда стараются не только верить в лучшее, но по мере своих сил приближать это лучшее. Только так можно спасти новые поколения от угрозы духовного одичания и дебилизации.

Обнадеживает недавнее выступление Президента России Владимира Владимировича Путина на съезде Российского книжного союза, где президент отметил не просто необходимость возрождения интереса к чтению книг. Владимир Путин присвоил этой задаче статус общенациональной, сказав: «Мы долгое время были одной из самых читающих стран мира. Есть опасность, что этот статус мы можем утратить. У нас растет число людей, которые вообще не читают книг. Это очень тревожный факт. В данной ситуации повышение интереса к чтению становится, без преувеличения, общенациональной задачей».

Уже сделаны первые шаги в этом направлении в плане материального и государственного поощрения тех писателей, что нравственно и духовно-эстетически окормляют души подрастающего поколения. Указом Президента учреждены три премии в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества. Цель награждения детских писателей — дальнейшее

кайко и тактично, не подавляя волю ребенка, научит его любить окружающий мир. Любить маму, папу, дедушку, бабушку, заботиться о братьях наших меньших. Она покажет ребенку красоту окружающего мира родной природы и станет проводником ребенка в этом созданном ею добром и светлом мире. Мире, где ребенку спокойно и уютно, в мире, котором хочется жить.

«Светлана Васильевна, откуда у вас такая любовь к животным и понимание их?» — поинтересовался я как-то, когда мы с Вьюгиной встретились на Все-мирном Русском Соборе. Вьюгина, по своему обыкновению, застенчиво улыбнулась: «Просто мой папа Василий Арсеньевич работал зоотехником, мы жили в Подмосковье. Он выращивал лис-чернобурок, был неоднократно участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства, получал золотые и серебряные медали. А потом папу пригласили на работу в научно-исследовательский институт животноводства — это было престижное назначение, которое говорило о том, что папу высоко ценят как профессионала. Он попал в сектор, где занимались лошадьми, а их мой папа особенно любил! Однако про-работал он с лошадьми недолго. Специфика научной работы была такова, что у лошадей брали кровь для изготовления сыворотки, а папа не мог это видеть. Ему было настолько жаль животных, которых фактически во имя науки сделали донорами, что он тяжело переживал и в конце концов ушел с этой работы». Вот еще раз подтвердилось высказывание, что все мы родом из детства. И что личный пример родителей, их отношение к окружающему миру учат нас наряду с нашими добрыми друзьями — книгами.

стимулирование их деятельности именно на данном творческом направлении. Премии будут вручаться ежегодно с 2014 года. Уже есть первые лауреаты.

Я не вхожу в комитет по присуждению этих премий, но возьму на себя смелость утверждать, что творческий вклад таких писателей, как Светлана Вьюгина, о которой я писал не раз, будучи пристальным читателем ее книг, вполне заслуживает рассмотрения на премию в области литературы для детей. Ни одной своей строкой, ни одним словом Светлана Васильевна не научит наших детей дурному — уж в этом можно быть уверенными! Мы, родители, дедушки, бабушки, желающие привить ребенку вкус к чтению, можем смело оставлять наших детей один на один с книгами Светланы Вьюгиной. Она спо-

От родителей перешло Светлане Васильевне обостренное чувство любви и сострадания всему живому, что бы она ни описывала в своих произведениях. У Вьюгиной живое все, не только животные, но даже черемуха, травы и кустарники. Этим, наверное, и так притягательны ее произведения. Когда Светлана Васильевна рассказывает про яблони, сливы и крыжовник, что растут у нее на даче в Подмосковье, понимаешь, что эти деревья и кустарники для нее ничуть не менее живые, чем были для ее отца лошади. Дача — не только прекрасное место, где на лоне природы можно пообщаться с внучатами. Пятилетний Володя и десятилетняя Аня — первые слушатели новых произведений Вьюгиной. Ну и, конечно, ее муж — писатель и поэт Иван Тертычный. Это такие необходимые каждый семье «посиделки», когда происходит содружество разных поколений. Бабушка читает свои новые произведения и смотрит на реакцию своих будущих читателей, определяя ее по реакции внуков. Они же дают бабушке-писательнице советы. А заодно приобщаются к литературе, которая является, не побоюсь этого определения, душеполезной. А вокруг — чудесный лес! Грибов столько, что можно набрать и угостить всех — друзей, знакомых и просто хороших людей.

Маленькие читатели — особенно взыскательные читатели! Надо быть очень интересным собеседником, чтобы завладеть их вниманием. Детей не обманешь — они никогда не станут слушать то, что им неинтересно, из одного лишь чувства приличия. Вьюгина в этом смысле очень интересный человек и рассказчик. Видимо, сказался в свое время законченный ею престижный факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Светлана Васильевна — лауреат всероссийской премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина за книгу стихов для детей. Печатается во многих литературных журналах России и зарубежья. Но опять-таки — юным читателям не интересны все эти «взрослые» подробности в виде премий, образования, лауреатства. Дети ориентированы на живое общение с писателем как человеком. Чтобы их воспитывать, их надо суметь заинтересовать. И Светлана Вьюгина это умеет отлично. Эта обаятельная красивая женщина с негромким голосом и тихой улыбкой несет в себе столько света, что в наше непростое время к нему не может не потянутся душой ребенок. Даже если он увлечен компьютером в свои малые лета, но виртуальный мир сразу отступит, когда явится душе ребенка мир реальный — полноцветный и живой.

Я от души поздравляю Светлану Васильевну с ее новой книгой «Рыжий снег», что вышла совсем недавно — в феврале 2014 года! А также поздравляю с выходом этой книги всех тех ребяташек, кому она попадет в руки. Потому что эта книга — о них и написана с глубоким знанием детской психологии. Это знание растворено даже в самих названиях книг Вьюгиной: «Конопастик», «Облака-забияки», «Черемуховое крылечко», «Сибирский Валенок», «Тайна зеленых ежиков»... Надо просто, чтобы наши детки прочитали хотя бы несколько рассказов Светланы Вьюгиной. А потом уж, уверяю вас (дело проверенное!),

они сами не выпустят книгу Вьюгиной из рук. А их родители скажут Вьюгиной спасибо за то, что после прочтения ее книг дети стали лучше, добрее и гармоничнее. Так же благодарили Светлану Васильевну осенью 2013 года кавказские матери после выступлений писательницы в школах и библиотеках Владикавказа, Северной и Южной Осетии. Светлана Васильевна была приглашена туда на презентации своей книги «Солнечные краски», вышедшей на русском и осетинском языках. Непросто сегодня живут дети Кавказа, но они все равно остаются детьми, которым нужна доброта, душевная теплота и внимание взрослых. Этую нашу взрослую доброту наши дети, несмотря ни на какие войны, должны ощущать от нас.

Не помню, кто написал эти строчки, некогда запавшие мне в душу: **«Война — войной. // Весна — весной. // А дети — это дети. // Дороже их стране родной // Нет ничего на свете!»**

А еще добавлю к сказанному цитату из стихотворения Любови Захарченко: **«Покидают нас вожди и обыватели, // Унося с собой все хлопоты пустые. // Остаются только детские писатели — // Даже после смерти молодые».**

Видимо, секрет того, что детские писатели долго, если не всегда, остаются молодыми, остаются открытыми миру детьми, именно в этом вот детском взгляде на мир, который они сохранили в себе. И тем стали интересны своим юным читателям! Хорошую детскую книгу уместно сравнить с качественным лекарством, которое вовремя попало к ребенку. Еще над входом во дворец фараона Рамзеса Второго было написано: «Библиотека — аптека для души». Фараон был увлеченным книжочеем, уверенным, что книги сравнимы с лекарством, которое делает сильным ум человека, облагораживает душу, врачует тело. Только такой, врачующей и формирующей душу ребенка, наполняющей знаниями его ум, — только такой и должна быть детская литература. Чтобы чтение книг с раннего детства стало потребностью человека. Кто-то скажет, что без книг человек не умирает! А вот и нет — умирает, хотя не сразу. Но по-немногу, лишась книжного «питания», начинает угасать сознание человека, его способность мыслить, сопереживать и сострадать... А там не исключен риск постепенного возвращения в пещеру к каменному топору! Не желая допустить этого, люди читают и перечитывают книги, приобщают к чтению своих детей и внуков, собирают книги, бережно хранят их. А есть еще такие энтузиасты, которые называются детскими писателями. Энтузиасты и жизнелюбы, к которым принадлежит московский детский писатель Светлана Вьюгина. И от того, какие книги они напишут, в немалой степени будет зависеть будущее наших детей и нашей страны.

Алексей СУХОВ

**ЗАХАР
ПРИЛЕПИН
В ПЕНЗЕ**

26 — 28 сентября этого года в Пензе прошла книжная ярмарка, гостями которой стали известные современные писатели Захар Прилепин, Леонид Юзефович и Герман Садулаев. 27 сентября перед посетителями ярмарки выступил Захар Прилепин. Он поделился размышлениями о своем новом романе «Обитель», ответил на вопросы читателей. Захар подчеркнул, что лагерная тема ему близка потому, что его прадед сидел в советских тюрьмах, три года дед провел в немецких лагерях смерти, имели тюремный опыт брат и крестный отец. Писатель искренне признался: «Сюжет отчасти пришел мне в голову и отчасти имеет отношение к действительности. Я много читал об этом, собрал колоссальную библиотеку по Соловецкому монастырю. В один момент дочитался до такой степени, что стал «дымиться» и начал писать роман. Многие персонажи реально существовали — я их нашел по документам, по чекистским сводкам отследил какую-то часть их судеб. Я дохожу до конца главы и не понимаю, что будет дальше происходить. Ложусь спать в десять часов вечера, а в три часа ночи просыпаюсь, и вдруг у меня мгновенная картина в голове: я откуда-то знаю, что должно случиться в следующей главе, кто куда пойдет, что кому скажет. Как будто это какой-то выстрел, разряд в сознании. Это было удивительно. Я думаю, в этом есть если не мистика, то определенная метафизика в связи с тем, что действительно эти люди были и они исчезли. Причем не только лагерники, но и чекисты, охранники, судьбы многих из них сложились тоже очень трагично».

В ответ на вопрос, почему такое важное значение в романе «Обитель» приобретает есенинское начало, Захар ответил так: «Я родился в рязанской деревне Ильинке 39 лет назад. Благое умопомрачение, которое со мной произошло, когда начал читать стихи (а первым был, конечно же, земляк Сергей Есенин), сделало меня тем,

*Захар Прилепин
и почитатели
его творчества*

что я есть. Как огурец состоит на 90 процентов из воды, так и я на те же проценты состою из русской поэзии. У меня над кроватью висит фотография Есенина. Это тот человек, о котором думаю постоянно — наряду с женой, отцом и еще несколькими людьми. Когда служил в ОМОНе, никто из коллег понятия не имел, где провожу свободное время, а я проводил его там — в Серебряном веке. Поэтому одна из задач современных критиков состоит в том, чтобы найти те страницы в романе, с которых «подмигивает» Есенин».

Затем Захар Прилепин представил первое собрание сочинений А.Б. Мариенгофа, издание которого он подготовил вместе с москвичом Олегом Деми-

*Захар Прилепин и Валерий Сухов
с томами первого собрания сочинений
А.Б. Мариенгофа*

довым при участии пензенского филолога В.А. Сухова. Прилепин подчеркнул, что за эту работу он не получил ни рубля, а все делал безвозмездно, таким образом отдав дань уважения своему любимому прозаику и поэту.

После выступления писателя к нему выстроилась длинная очередь его читателей за автографами. Затем на «круглом столе» состоялось бурное обсуждение названия новой площади в Пензе. Слово было предоставлено Прилепину, который объяснил, почему у него возникла идея принять участие в этом процессе: «Я увидел опрос на сайте администрации Пензы. Анатолий Борисович Мариенкоф на тот момент занимал второе место. Я позвонил знакомым писателям, музыкантам, известным деятелям культуры, рассказал об идее, меня поддержали. Я бы смог собрать и 200 подписей известных людей, но не стал этого делать. Хотел подать это письмо максимально легко. Мариенкоф — не случайная фигура. Это он повлиял на творчество Есенина, а не наоборот, как многие думают. Иосиф Бродский называл роман Мариенкофа «Циники» лучшей книгой века! Но повторюсь: я никак не против других достойных имен: Лидии Руслановой, братьев Мозжухиных, Татлина или Суворова. И я ни в коем случае не затаю на пензенцев злобу, если новая территория будет называться площадью Искусств или Музыкальной площадью. Просто мне показалось, что именно в Пензе появился реальный шанс увековечить имя Мариенкофа».

В ответ глава городской администрации Ю.И. Кривов отметил, что такое пристальное внимание к личности нашего земляка возникло не на пустом месте. Юрий Иванович особо подчеркнул: «Мы благодарны Захару Прилепину за неравнодущие к таким вещам. Есть люди, которые и про Мариенкофа-то узнали после открытого письма Захара. Уверяю вас, имя Анатолия Борисовича обязательно будет увековечено в Пензе. Даже если не назовем его именем площадь, назовем улицу. Сохранилось здание гимназии, где он учился. Еще несколько домов, где поэт бывал. Но нам ничто не мешает еще раз провести открытое обсуждение по названию площади. Спешить некуда. Я предлагаю эту тему вынести на заседание градостроительного совета. И дальше поискать варианты. Окончательное решение о том, какое название будет носить новая площадь, будут принимать депутаты Пензенской городской думы. А вот что обязательно надо сделать — включить творчество Мариенкофа в программу следующей Пензенской книжной ярмарки!»

Среди присутствовавших на встрече с Захаром Прилепиным были студентки историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, проявившие неподдельный интерес к его творчеству. Об этом свидетельствуют их эссе, лучшие из которых были опубликованы на сайте писателя. На прощание Захар Прилепин пообещал приехать в наш город, который ему очень понравился, на следующий год. Будем надеяться на то, что именно тогда и будет установлена мемориальная доска на здании по ул. Московской, 34, где размещалась частная гимназия Пономарева, в которой с 1913 по 1916 год учился Анатолий Мариенкоф.

ПЕСНИ СВЕТЛАНЫ ПОПЕЕВОЙ

* * *

Там, где меня раньше не было,
Ели покрыты инеем.
Снежных лугов километрами
Скрыты дорог линии.

Там, где меня раньше не было
Жизнь, как у всех, — по-разному.
Спальных районов ребусы —
Скрытая недосказанность.

Там, где меня раньше не было,
Время сжигает прошлое.
На серебристом пепле
Месяц рисует рожками.

Там, где меня раньше не было,
Зимняя ночь нескончаема.
Звёзды дождями с неба и
Вот уж в заварочном чайничке.

Вновь я туда, куда не было,
Методом слепо-тыканья,
С глупой такой нелепостью
В поезд чужой прыгаю —

И не туда, куда следует,
Вновь не собравшись с мыслями...
А где-то там, где не было,
Ждёшь меня ты — единственный.

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

* * *

Поэтичные жаркие песни
В одночасье зашторила проза.
Иней сети седые развесил.
Птицы — к югу, а мне уже поздно.

На гитаре оборваны струны.
И ничто тишины не нарушит.
Лишь фонарные желтые луны
Расплюются в стынущих лужах.

Ветер снова беснуется в танце,
Круговорот листвой опалённой...
Не успев даже наспех собраться,
Лето скрылось за дверью вагонной.

И дождя отрезвляющим душем
Смыло след твой цветочно-дешевый.
Лишь остался заспинный, бездушный
Осуждающий лиственныи шёпот.

Я стою на пророгшем перроне...
Вряд ли в этом наш август повинен.
И никто не согреет ладони,
И никто пиджака не накинет.

Поэтичные жаркие песни
В одночасье зашторила проза.
Иней сети седые развесил.
Птицы — к югу, а мне уже поздно.

НА БЕГУ

Я бегу, бегу, бегу, бегу...
Нараспашку сердце, плащ и рот.
Бусинки-проталинки в снегу —
След от новомодных бот.

Я бегу, бегу, бегу, бегу...
Просто удержаться не могу.
Оседлаю радугу-дугу
И соседу Ваське подмигну.

Я бегу на службу к девяти.
Бутерброд с собой — дорогой съем.
Надо бы к родителям зайти,
Да вот только некогда совсем.

Я бегу — вот так и прожит день.
Дочь — невеста, а я все бегу.
Кругом голова, а счастье где?
Где-то не на этом берегу.

Жизнь вперед, а я бегу, бегу...
Вот уже и с внучкой в первый класс...
Все свои «boleю, не могу»
Спрятав, где таблетки про запас.

Я бегу, бегу меж круглых дат...
Все бегу, себя не берегу.
Мне до финиша рукой подать.
А я, видно, мимо пробегу.

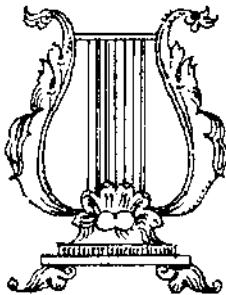
* * *

Мне б весны, чтоб до одури,
Чтобы годы не годы мне,
Синевы глаз до выплеска,
Чтоб до пальчиков выласкал,

Чтобы, сняв робу робости,
Воспарить бы над пропастю,
Открывать, что не познано,
Чтобы допьяна, досыта...

Мне бы счастья не долями —
Целый мир — ты, и только мне,
Чтоб я таяла, таяла,
И стихи в небо стаями...

Вот уж март — а метелица.
Ну а мне так не терпится!
Где ты ходишь, заснеженный?
Мой единственный, где же ты?!

НОВОГОДНЕЕ АССОРТИ

Стихи

Алёна ПОЯРКОВА (Воронеж)

* * *

А я легкой судьбы не просила,
Мне хватало — какою жила.
Я бы мыла, стирала, варила.
Я бы сына тебе родила!

Я бы тоже вставала с рассветом,
Я б царицей была и рабой.
И на свете — на том и на этом —
Я хотела быть
Только с тобой!

Все смогла бы!
Вязала и шила,
Пироги в воскресенье пекла,
В счастье — пела, в болезни — лечила.
Не поверишь... и верной была.

И за старым тобою ходила,
Твою боль — на себе понесла...
Я другого себе не просила —
Я б любого тебя приняла.

Знала — любишь, не мыслишь худого,
И ждала... Только ты — не позвал.
Ты мне принца желал молодого,
Ты мне легкой судьбы пожелал.

Пожалел молодую...
И знает
Мое горе Всевидящий Бог!
...Только легкой судьбы — не бывает!
...От чего ты меня уберег?

Анна ПАНИНА (Пенза)

ПЕНЗА. ЦЕНТР

Дорожка в лиственничных иглах,
Вечерний опустевший рынок,
Внезапной осенью застигнут,
В обледенелых лужах стынет.

Дрожат палатки у мечети,
Накрыты полиэтиленом,
А репродуктор с минарета
Кричит о чем-то там нетленном.

Огни на набережной резки,
Односторонни и практичны.
Их отраженья в зябкой речке
Отсвечивают симметрично.

Я на ходу жую конфету.
Рахат-лукум такой тягучий...
Как в пуховик, луна одета
В большую снеговую тучу.

Арсений АЛЕКСЕЕВ (Пенза)

* * *

Случилась поздняя зима,
Точнее, я её заметил.
Февраль метели ловит в сети
И сыплет бури в закрома.

От Блока то ли
Или всё ж
От странных снов тоска треножит?
Но совпадение — как нож,
Уже давно не бывший в ножнах.

Кинжалит солнце рыхлый снег.
Зима не рыцарь, а повеса.
Звучат метели, словно месса,
Которой верит человек.

Валерий КРЕМЕР (Саратов)

СОН

Когда сомнёться холода кольцо
И завьюжит — не выйти на крыльцо,
Уснут земля в снегу, вода в оковах.
Когда сомнёться холода кольцо,
Я буду вспоминать твоё лицо,
Волос траву и голос родниковый.
Ты мне не дашь застыть, окостенеть,
Ты будешь так в душе моей звенеть,
Что станет жарко и утихнет вьюга.
Пусть мы на разных берегах реки,
Солжёт, кто скажет: «Как они близки!»
Мы не близки — мы проросли друг в друга.
Здесь, на далёком мёртвом берегу,
Я от безумств усердно берегу
И лёгкие, и печень, и аорту.
Вокруг обманно-мёртвые слова
И рифмы, как пароль: трава — мертвa,
Чтоб знали: я — как все, такой же мёртвый.
Но ты толкнёшься вдруг, и я смогу,
Смеясь, остановиться на бегу
И ощутить: растёт в гортани слово.
Я оживу на несколько минут,
И все меня с опаской обойдут,
Издалека почувствовав живого.

Виктор ХАБИБУЛИН (Пенза)

* * *

Вязью вычурной руны
Снежность листа окропят.
Пьют тишину мои струны
И в непогоду глядят.

Там бесконечная осень,
Грязь и мерцание лун.

Бьёт мою душу озень
Декабрь — чёрный колдун.

Пьют и не могут напиться,
Видно, настрой не тот.
Мечтают развеселиться.
За годом шагает год...

Валерий РУМЯНЦЕВ (Б.И. Зорькин, Сочи)

* * *

Лёд украсил ветви блеском
Бриллиантовых букетов.
В хрупких белых перелесках
Взрыв искрящегося света.

В тишине морозной слышен
Треск ветвей обледенельых,
Словно лес украдкой дышит
Неумело и несмело.

Просинью на белой краске
Тени на снегу повсюду.
И висит над лесом сказка
Звонким ожиданьем чуда.

Михаил ШМАКОВ (Пенза)

ОГОНЬ

На бескрайней равнине холодных снегов,
Не заглянет куда даже милость богов,
Среди глыб и распадов сверкающих льдин
Вдруг костёр появился. Случайно. Один!
Вспыхнул он, как не зная, в белеющей тьме,
Одиноко пылая в огромной зиме.
И тепло его поле глотало сполна:
Ужимали сугробы, пугала луна,
Полонил его сумрак... А он всё горит!
Ему тайный запал умирать не велит!
Леденящих осколков боятся войска:
«Что за брёвна горят в нём, какая доска?..»

Скорой злобой давился стекла господин...
А он ровно горел. Он ведь тёплый — один!
Разъярённой метелью скрутили, пошли!
И шипели, шипели, шипели угли!..
Но пылает, не чувствуя льда паутин!
И горит. И горит! Светлый, тёплый... Один.

Олег ПУГАЧЁВ (Тарханы)

* * *

Вот листьев пятаки,
К сырой земле прилипнув,
Нам будто говорят
Последнее «прости»,
А мы — ногами их,
В судьбу так и не вникнув,
И попираем в такт,
Не думая спасти.
Да, медный разнобой,
Он мёртв уже и хладен,
И глушит поступь он
Рассеянных шагов...
Листву покроет грязь,
Но смысл её громаден:
Он в сердце сокрушил
Языческих богов.

Как пламенный привет,
Но как привет последний,
С обрыва бытия
Мне этих листьев цвет.
Он призрачно красив,
Но кто ж его наследник?
Известно, что за ним
Нет продолженья, нет.
Всю землю навсегда
Укроет белый саван.
Как в жилахстынет кровь,
Застынет так река.
Всё прошлое — в реке.
Тосклив покой и жалок.
И сгрудились в комок
Созвездья и века.

Ольга ТОКАРЕВА (Заречный)

СУМЕРКИ ГОДА

Земля в ожидании снега застыла,
Предчувствуя холод, немилость зимы.
Ноябрь бездорожья разводит чернила,
Поёт погребальные лету псалмы.
С небес Скорпион сеет зло саркастично...
И волны зонтов по проспектам бегут.
Туманно и мрачно, дождливо, готично.
В оправе ракит стынет мраморный пруд.
Ноябрь — вампир. Пьет последние соки
И кущую жизнь добывает вокруг...
Мы в сумерках года сильней одиноки,
И тягостней боль предначертанных мук...

МАКИ

Маки жгут бледность утра.
Хризантемное солнце
Жёлтым всходит соцветьем.
Листья роз в перламутре
Нежно трогает ветер.

Васильковые слезы
Растеклись по долине.
Душно пахнут мимозы
Терпкой нотой полыни.

Тая ЛАРИНА (Москва)

ДЕТИ

Для человека это вообще очень важно,
вдруг оказаться кем-нибудь вроде Бога:
нарисовать на мятом листке бумажном
персонажа: голова, руки, ноги.
Подарить ему мяч
(о котором мечталось в три года),
Отвести его в школу
(мой-то будет отличник),
Нарисовать над ним солнышко
(это типа погода).

Что там насчет пола?
Вырастет, выберет лично.
Девочка — ясно,
будет у нас красавицей,
мальчик? Так — настоящий рыцарь.
Теперь можно сидеть,
смотреть, как они развиваются,
И подрисовывать краской
радость у них на лицах.
Не забыть — лет в тринадцать —
нацарапать на каждом сердце.
Это больно, но ничего,
жить хотят — потерпят.
Около мальчика сразу посадят деревенце,
около девочки много всего налепят
(птички щебечут, розочки расцветают...
Что бы ещё? Ах, да — золотое колечко!
Чтобы однажды вечером пятого мая
произошла, наконец, эта важная встреча).
Дальше положено — нежное белое платье
(это рисуется тщательно, акварелью).
С этой секунды, кстати,
ты можешь не врать им:
типа любая любовь завершится постелью.
Нет, не любая, у этих всё будет иначе,
Тихая старость, весёлые милые внучки.
Самая малость осталась:
однажды со скуки
этую бумажку не выбросить.
Раз уж ты начал
род — продолжай.

Юрий АРБЕКОВ (Пенза)

КАПЛЯ РОСЫ

В рассветный час
издалека
светило алое вставало
и нехотя,
сквозь облака,
лучи-ресницы поднимало.

Дымило озеро,
как чан
с горячей ключевой водою,
вставал над озером туман
и падал
на траву росою.
А солнца первые лучи
в жемчужной россыпи росы,
как радуга,
переливались,
и в каждой капле отражались
и холм,
и озеро,
и дом...
Ведь мир
вместился в капле малой,
и даже солнца обруч алый
в ней отразился
целиком.
О, Русь моя!
В твоём просторе
я — капля малая,
и всё ж —
и в светлый праздник свой,
и в горе —
ты вся, о Русь,
во мне живёшь!

Людмила ЗАХАРОВА (г. Никольск)

Выдувальщик

На соломинке одуванчика
Мыльный пузырек дрожит...
Ворожит диво дивное мальчика,
Мальчик за ЧУДОМ бежит!..

Он бежит, спотыкаясь и падая,
Под ногами вращая ШАР...
Вечно круглое душу радует:
Творцу и художнику — дар...

Как соломинку одуванчика,
А на ней шар стеклянный огня,

Крутит трубку старик-выдувальщик,
Непонятное все же поняв...

Вспоминает бегущего мальчика...
Выдувальщик — философ в веках:
«Ах! Без детства и одуванчика
Чуда не было б в наших руках!»

Николай СИДЯКИН (с. Ст. Степановка Лунинского р-на)

ПАМЯТНОЕ МЕСТО

Я искренне верю: душа не стареет,
Какой бы у жизни ни значился срок.
А если устанет, её отогреет
Из лета летящий родной ветерок.
Он родом из детства, где синее небо
И запахи трав и духмяного хлеба
Наполнят до донышка душу твою.
Откроются звёзды. Их яркие брызги
На воды речные с небес упадут,
А вётер смиренных зелёные ризы
В рассвет неторопко с волной уплывут.
И ты улыбнёшься, озnob разгоняя,
Над рощей далёкой, над синей рекой —
как будто любовь, изначально святая,
Коснулась груди материнской рукой.
И сердце стучать начинает быстрее,
Безделицей кажется жизненный срок...
Я искренне верю: душа не стареет,
Когда в ней для памяти есть уголок.

Николай ЗАПЯТКИН (Пенза)

* * *

Пока орёл
Над скалами
Кружит,
Покуда с гор
Бежит Кура-река,
Он будет с нами,
В нас он будет жить

Не год, не два,
А многие века.

Пока стоят Казбек,
Эльбрус,
Тарханы,
Пока Сура
Не перестанет течь,
Все будут помнить
О смертельной ране...
Она сердца нам
Будет болью жечь.

Людмила ПЛЯЩЕВА (Пенза)

БЕССМЕРТНИК

Жара сжигает всё вокруг,
Водицу с жадностью глотает...
А вон, гляди, сияет круг —
Цветы как будто загорают.

Один как солнце — золотой,
Другой — коричневато-серый,
А третий — красно-огневой,
И синий есть среди них, и белый.

Они без «кровушки» растут,
Сухими так и остаются.
Но всем смертям назло цветут!
Они бессмертником зовутся.

Алексей СЕМЁНОВ (Пенза)

ВЕТЕР

Наконец-то запахло зимой.
Чарует холодный ветер.
Кто-то кричит: «Постой!» —
Готовит новые речи.
Это же мой святой,
Жаждет он новой встречи.
Я ему нужен любой —
Хоть утро, хоть день, хоть вечер.

«Пришлось рас прощаться с мечтой? —
Ветер на ушко шепчет. —
Приятно побыть с тобой,
Когда зажигаются свечи».
Вот так заливают водой
Сердце, что жарче печи.

И не каждый поймёт
простой,
По идее, обычной вещи:
Почему иногда зимой
Вниз опускаются плечи...

Валерий ПАЙКОВ
(г. Бизай-Айш, Израиль)

ИГРУШКИ

Ребёнку купили игрушку —
мобильник купили.
Где наши матрёшки, петрушки —
неужто сгубили?
А может быть, к счастью,
в музеях с охраной особой,
в коллекциях частных,
и глаз положил на них Сотбис?
А может, их в Красную книгу
вписали красные следопыты,
украсили лбы нимбом?..
А им привычными быть бы,
чтобы с ними играли (классно!),
трепали за шалость, конечно,
и всяких, безруких, безглазых,
любили бы бесконечно...
Всё начинается с первой игрушки,
с рисунков солнца,
с необъяснимой грусти
над слоником сломанным.
Всё начинается с пластиря
на лапу кошке, которую укусили.
Поздно мы начинаем плакать,
что всё упустили,
что дети растут жестокими,
словно души у них выжгли.

Жизнь начинается строками
о любви к близким.

Анатолий ХОХЛОВ (Пенза)

МОЯ ПТИЦА

Я не искал свою Жар-птицу
За синим морем, за бугром.
Она во сне мне не приснится:
Её я вижу ночью, днём.

И как мне ею не гордиться,
Когда я вижу наяву:
Россия — вот моя Жар-птица!
В беде и в счастье с ней живу.

Елена ТРУНОВА (г. Городище)

* * *

Моя родимая сторонушка:
На берегу грустит Алёнушка,
Стоят в закатном зареве леса,
Смолкают к ночи птичьи голоса...

А на заре в тумане голубом
Проснётся утро с первым соловьём.
В косе берёзы заблестит роса,
В траве... И выйдет солнце в небеса...

Из глубины земли возник,
Трепещет, бьётся радужный родник.
Живительна водица, хороша,
Как родины моей — Руси душа.

Гурген БАРЕНЦ (Гурген Сергеевич Карапетян)

* * *

Утро приходит
С улыбчивым солнцем,
Беззаботное, доброе,
И приносит с собой
Букет лучезарных надежд.

Вечер приходит
С бездомным, задиристым ветром,
Рассыпает надежды
И приносит с собой
Отчаянье и прозренье.

Но нам, любителям басен и сказок,
Сподручней упорно считать,
Что утро мудрее, чем вечер.

Анастасия УСТИНОВА
(г. Новокуйбышевск Самарской обл.)

* * *

Пускай всегда сбываются
Надежды и мечты,
Пусть солнце улыбается,
И будешь счастлив ты.

Пусть небо будет яркое,
И радость в дом войдёт,
И лучшими подарками
Нас встретит Новый год.

Для бабушки — косыночку.
Духи для мамы в дар.
А мне — морскую свиночку.
А папе — портсигар.

Пусть солнце светит яркое,
Чтобы весна пришла,
Ведь лучшего подарка я
Не жду и не ждала!

Алексей ТЕРЕНТЬЕВ

ВАНЯ И ДРАКОН
Новогодняя сказка-пародия

Как-то в давние годы
На Руси явился татъ.
Змий Горыныч из былины
Начал земли разорять.

Днём и ночью веселится,
Злой оправдывая рок.
Попытались сговориться —
Так потребовал оброк.
Да такой, что даже зубы
Скоро станут ни к чему.
Раскатал, однако, губы
На чужую-то суму.
Много сёл уже в полоне,
Разошелся, не унять:
«Я ж дракон, причем в законе,
Что и должен подтверждать».
И огнём при этом пышет,
Продолжая зло творить:
«Вот пришлёте вашу «крышу»,
С ней и буду говорить».
Издеваться, видно, вздумал —
Ропщет бедное село:
«Ты же сам вчера так дунул,
Что и крыши все снесло».

Тут и вспомнили Ивана,
Предъявить пора бы счет.
Он назначен для охраны,
Но пока лишь ест да пьет.
И хотя он парень славный,
Да от дел не виден прок.
А его ж совсем недавно
На второй избрали срок.
Пошумели, пороптали —
Кто же знал, что он таков?
Миром Ваню выбирали —
И послали ходоков.
Ходоки спросили строго:
«Ты защитник али как,
Если прямо у порога
Бушевать изволит враг?
Коли силушкою вышел
И с отвагою в груди,
Так зачем нам эта «крыша»?
Вот пойди и победи».
«Не вопрос, — ответил Ваня. —
Вот попарюсь и пойду,

Но пока не принял баню,
Не готовый я к труду».

А молва уже разносит,
Что Иван спешит на бой.
Может, мира Змий попросит
И уйдёт себе домой?
Змий готовится серьёзно.
Ведь никто ж не говорит,
Что его соперник грозный
В бане с веничком сидит.
На подходах баррикады
Из берёзы и сосны
Да укромные засады
Для противной стороны.
В месте главного удара
Самый мощный огнемёт,
И еще по флангам пара —
Это вам совсем не мёд.

Дни проходят — нет Ивана;
Всё сильней накал страстей,
А из вражеского стана
Никаких пока вестей.
Как известно, от безделья
Разлагаются войска,
Вот и Змий, отведав зелья,
Пошалить решил слегка.
Залились слезами бабы,
Закрестились мужики,
Как Горыныч, и не слабо,
Грянул громом вдоль реки.
Всё круша и разоряя,
По селу прошла волна,
И от Ваниного «рая»
Не осталось ни... бревна.
Хорошо ещё доспехи
Недалёко унесло.
Их потом не для потехи
Собирало всё село.
Вот тогда уже, по слухам,
Змия лютого браня,
Наш Иван собрался с духом
И велел седлать коня.

И рысцой на поле брани,
Где его заждался враг,
Потрусил неспешно Ваня,
А за ним толпа зевак.

Как положено герою:
Без обхода — прямо в лоб,
И за сто шагов до боя
Перешёл он на галоп.
Ну а Змий сидит в засаде,
Хочет тактику блюсти:
«Мы ж пока не на параде,
Лучше ближе подпустить».
Чтоб потом из всех орудий
Без стеснения в упор...
Победителей не судят —
И короткий разговор.
Хоть и Ваня шит не лыком:
Удался и в рост и вширь,
Да ещё прекрасен ликом,
Настоящий богатырь! —
Но с мечом, на огнемёты...
Это явно гибкий план
Для другого для кого-то,
Если это не Иван.

Всё затихло в ожиданье,
Змий к сражению готов,
Чтобы Ване в назиданье
Дать отпор из трёх голов.
Но за миг до изверженья
Клубов дыма и огня,
Вдруг застыл... от изумленья
Набок головы склоня.
Ваня тоже удивился,
Что случилось — не поймёт,
Даже конь остановился
И копытом землю бьет.
Вот и зрители на брёвнах
Стали громко рассуждать:
«Аль Горыныч неуёмный
Разучился воевать?»

Не разведка, не из штаба,
Просто голос изнутри
Подсказал Ивану: «Баба
Перед ним, а может, три?»
Ване сделалось неловко,
Боевой растаял пыл.
Не резон рубить головки
Те, которым, видно, мил.

А разгадка-то простая:
Стать змеёй о трёх голов
Трёх девиц колдун заставил,
Не дождавшись нежных слов.
Ну и вроде бы свободу
Обещал, как выйдет срок
Иль когда ему в угоду
Соберут большой оброк.
Но Иван узнал — до срока
Есть надёжный вариант.
Эти вести все сорока
Принесла за провиант:
«Чтоб скорей рассеять чары,
Надо в церковь, под венец».
Только Ване не пристало
На такой идти конец.
Ведь ему совсем негоже
Соглашаться на гарем.
Вот, что слева и моложе,
Ей готов он сдаться в плен.
«Да и та, что всех правее,
Может фору дать любой,
Но милее, что левее», —
Рассуждал он сам с собой.
«А вот в центре, та царица,
Но, похоже, очень зла.
Если б в змия обратиться,
Может, тоже бы сошла».
И пока народ, ликуя,
Бражкой радость разбавлял,
Думал Ваня: «Жизнь такую
Я врагу б не пожелал!
Вот другое дело другу...»
У него их целых два.

«Если б каждому — супругу...
Соглася ли? Едва!»

И, не мешкая, к обеду
Наш Иван позвал друзей.
Мол, отпраздновать победу
Хочет с братией своей.
Накрывая им поляну,
Ваня браги не жалел.
Дальше всё пошло по плану,
Как у многих славных дел.
Первый друг упал и сдался
После третьего ведра,
А второй и не ломался:
«От добра ль искать добра?»
Всю округу в день венчанья
Свадьба эта собрала.
Тройка молодцев с мечами
И со Змием в церковь шла.
Было там чему дивиться:
Как потом от алтаря
Отходили три девицы,
Ну и три богатыря.
Да, красавица жена,
Видно, каждому нужна.
Вкус отменный у злодея,
У злодея-колдуна.

P.S.
Только рано умиляться —
Как всегда у нас облом.
Очень может даже статься:
Мы врага пустили в дом.
Ведь Горыныч, бедолага,
Послан к нам не на откорм.
У него ж с собой бумага —
План «оранжевых» реформ...

АГАПОВ Юрий Петрович. Родился в 1939 г. в селе Митрофановка Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Работал в лесном хозяйстве Пензенской области. Председатель Совета по делам ветеранов при губернаторе Пензенской области.

АГАРКОВ Анатолий Егорович. Родился в 1954 году в пос. Увельском Челябинской обл. Окончил Челябинский политехнический институт. Молодым инженером пришёл на оборонный завод. Потом вернулся в Увельку, где работал журналистом, инструктором райкома КПСС, заместителем председателя комитета по строительству и архитектуре. В настоящее время — в службе безопасности санатория «Урал». Печатался в журналах: «Сибирские огни» (Омск), «Крещатик» (Киев), «Искатель» (Москва), «Литературные незнакомцы» (Москва), «Новый берег» (Копенгаген, Дания).

АЛЕКСАНДРОВА Алина Валериановна. Родилась в 1986 году в г. Пензе. Окончила Пензенский педагогический институт имени В.Г. Белинского. Студентка юридического факультета Пензенского государственного университета.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостиный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снежек...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

АНТИПОВ Владимир Викторович. Родился в 1952 г. в Пензе. Окончил Пензенский политехнический институт. Автор публикации в сборнике стихов участников городского конкурса «Доблесть отцов — сыновьям в наследство» (2005), альманаха «Берега». Участник поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура».

БАРАНОВ Дмитрий Игоревич. Родился в 1992 г. в Пензе. Учится в ПГТА. Участник клуба прозаиков «РостОК» при журнале

«Сура». Лауреат премии Лаврентия Загоскина, конкурса «Гранатовый браслет».

БЛОХИН Николай Федорович. Родился в 1952 году на Ставрополье. Окончил Ростовский-на-Дону государственный университет. Публиковался в альманахах «Голос Кавказа» (Пятигорск), «Ставропольский хронограф», «Литературное Ставрополье» (Ставрополь), «Литературный факел» (Москва), в «Общеписательской Литературной газете», «Московском литераторе». Автор тридцати книг, в том числе «Изгнание Параджанова», «Михаил Булгаков на Кавказе. Необыкновенные приключения доктора и писателя. 1919 — 1921», военной повести о родном отце «Бой в Овражном». Исследователь жизни и творчества выдающихся соотечественников Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Булгакова, Параджанова. Лауреат премии имени писателя Бориса Горбатова Союза журналистов Украины (1991). Член редколлегии альманаха «Литературное Ставрополье». Живет в Ставрополе. Член Союза журналистов России.

БОНЦЕВИЧ Лариса Вячеславовна. Родилась в 1958 г. в Мурманске. Окончила Пензенский политехнический институт. С 1975 года живет и работает в Пензе. Работала в Законодательном Собрании Пензенской области. Участница клуба прозаиков «РостОК» при журнале «Сура». Печаталась в журналах «Лампа и Дымоход» (Москва), «Сура» (Пенза), в литературном журнале «Точка зрения» (Казахстан). В настоящее время на пенсии.

ГУЗЁНИН Юрий Викторович. Родился в 1964 году в с. Синодское Шемышейского р-на Пензенской области. Трудился на предприятиях города связистом, электромонтажником, электромонтером, в настоящее время — строитель. Печатался в журнале «Сура», альманахе «Береста», сборниках «Пенза в поэзии», «Реванш», «Четверги». Участник поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура». Лауреат областного фестиваля им. Д. Злобиной.

ДАВЫДОВ Никита Владимирович. Родился в 1980 г. в Пензе. Работает на Пензенском хлебозаводе № 2. Участник клуба прозаиков «РостОК» при литературном журнале «Сура». Лауреат конкурса «Гранатовый браслет».

ДАРИН Дмитрий Александрович. Родился в 1964 году в Ленинграде. В 1986 году окончил МГИМО МИД СССР. Автор четырех поэтических сборников. Лауреат и с 2009 года председатель жюри поэтической премии им. С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами...». Член Высшего художественного Совета Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России,

член Международной ассоциации публицистов и писателей (МАПП), доктор экономических наук. Поэзия Дмитрия Дарина переведена на испанский, французский, болгарский, польский и другие европейские языки. В настоящее время живет в Москве.

КАЛЯШИНА Виктория Алексеевна. Родилась в 1990 г. в Пензе. Окончила Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (очная форма ФРЯиЛ) по специальности «Журналист с правом преподавания русского языка и литературы». Работала внештатным сотрудником телеканала «Мастерская ТВ», корреспондентом телекомпании «Местная» (г. Сочи). Лауреат 9-го открытого всероссийского фестиваля молодых поэтов «Мцыри» (2012 г., 1-е место); 10-го фестиваля (2014 г., Гран-при). Печаталась в газетах «Педагог» (Пенза, ПГПУ им. В.Г. Белинского), «Знамя труда» (Никольск), «Молодёжная волна» (Самара), в журналах «Сура» (Пенза), «Персонаж» (Уфа). Автор (в соавторстве) сборника стихотворений «Песни форели» (2014).

КОЗИНА Татьяна Николаевна. Родилась в 1952 году в Пензе. Окончила ПГПИ имени В.Г. Белинского. Доктор культурологии. Кандидат филологических наук. Профессор кафедры «Теория и методика дошкольного и начального образования». Автор монографий «Пасхальность в современной русской прозе» (Пенза, 2009); «Рождественский и святочный жанры в литературе конца ХХ — начала XXI веков» (Пенза, 2011); «Рождество и Святки: возвращение в современную прозу» (Saarbrucken, 2012). Почётный работник высшего профессионального образования.

МИХАЙЛОВ Валерий Федорович. Родился в 1946 году в г. Караганде. Окончил геофизический факультет Казахского политехнического института. Автор более 20 книг стихов и прозы. Печатался во многих литературных изданиях России и Казахстана. Произведения В. Михайлова переводились на английский, немецкий, корейский, казахский и другие языки. Стихотворения включены в ряд антологий: «Современное русское зарубежье» (М., 2005), «Молитвы русских поэтов. XI — XXI век» (М., 2011), «Русская поэзия. XXI век» (М., 2010) и других. Секретарь правления Союза писателей Казахстана, главный редактор литературно-художественного журнала «Простор». Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова. Живет в Алма-Ате.

НЕФЁДОВ Вячеслав Викторович. Родился в 1969 г. в с. Александровка Бековского р-на Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук, учёный-белинковед, вице-президент Фонда содействия развитию русской

культуры. Автор более 1500 публикаций в СМИ и научных сборниках. Автор эссе о Белинском «Чернорабочий литературы». Лауреат премии журнала «Сура».

ПОПЕЕВА Светлана Вячеславовна. Родилась в 1963 г. в г. Новоуральске Свердловской области. Окончила Кемеровский институт культуры по специальности «Режиссер массовых праздников». Журналистка «Любимой газеты». Автор книг «Анабиоз» и «Аnestезия». Член клуба «Поющие поэты» при журнале «Сура».

ПРОСЕКОВА Светлана Николаевна. Родилась в Волоколамске Московской обл. Окончила Московский государственный институт культуры. Является автором многих публикаций по теории и практике развития библиотечного дела. Кандидат педагогических наук. Библиотечный работник. С 1996 по 2011 гг. работала директором ЦУНБ им. Н.А. Некрасова. С 2010 по 2013 — советник мэра г. Москвы. Отмечена многими грамотами и благодарностями Правительства Москвы и Министерства культуры РФ. В настоящее время на пенсии. Заслуженный работник культуры РФ (2001). В «Суре» публикуется впервые.

ПУРИС Зинаида Владимировна. Родилась в 1954 году в Пензе. Окончила Куйбышевский государственный институт культуры (Самарская академия культуры и искусства). В настоящее время заведует вузовской библиотекой Пензенского филиала МНЭПУ. Публиковалась в журналах «Сура», «Мы», «Флорида», еженедельнике «Обзор» (США), газете «Наша Канада», «Зарубежные задворки» (Германия), в сборниках «Инкарнация счастья», «Великолепная десятка», «Согласование времен. Проза». С литературной критикой выступала на страницах литературных журналов «Сура», «Лампа и дымоход» (Москва), в интернет-изданиях ОРЛИТА (США), «Порт-фолио» (Канада).

РЯБОВ Роман Евгеньевич. Родился в 1975 г. в Пензе. Автор сборников стихов «Эскизы» (2003), «Комнатные растения» (2005), «Дарить» (2006), «Переход на кольцевую» (2007). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (номинация «Молодые дарования»). Член Союза писателей РФ.

САВИНА Мария Леонидовна. Родилась в 1932 г. в селе Старый Валовой Пачелмского района. Окончила ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работала педагогом. Автор книги «Не рвется дней связующая нить...» (2003). Автор публикаций в газетах «Пензенская правда», «Наша Пенза», «Пензенские вести». Отличник народного просвещения РСФСР.

САМАРИН Федор Юрьевич. Родился в 1957 г. в Казани. Прозаик, переводчик. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работал в газетах «Молодой ленинец», «Наша Пенза», «Комсомольская правда», в областном краеведческом музее, на областном телевидении, в телерадиокомпании «Наш дом». Был главным редактором журнала «Мир» (ОАЭ), заведующим отделом в журнале «Северные просторы» (г. Москва), корреспондентом издательского дома «Коммерсанть». Автор публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов РФ. Лауреат премии литературного журнала «Сура».

СЕРАФИМОВ Николай Михайлович. Родился в 1941 г. в Пятигорске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Военная специальность — морской артиллерист. Изучал баллистику. Автор книги «О месте дуэли М.Ю. Лермонтова» (2009).

СУХОВ Алексей Валерьевич. Родился в 1991 году в Пензе. Аспирант на кафедре литературы и методики ее преподавания ПГУ. Автор статьи в журнале «Современное есениноведение» (Рязань).

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет ПГПИ имени В.Г. Белинского. Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор»(2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскиющим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

ТЕРЁХИНА (ДОРОШИНА) Лидия Ивановна. Родилась в 1950 г. в деревне Тучковке Лунинского (Иссинского) района Пензенской области. Окончила ПГПИ им. В.Г. Белинского. Редактор отдела поэзии литературного журнала «Сура». Автор книг: «Формула судьбы», «Вязь», «Зимние вехи», «Ночной поезд», «Сезон остановившихся дождей», «Лучшая из лучших Фертляндия», «Сезон», «Стихотворения», «Вол-

ны житейского моря», «Августейшая любовь», «Любви последней благодать», «Конь и солнце», «Дороги для двоих» (в соавторстве с Даной Лобузной). Лауреат всероссийских премий «Моя малая родина», имени М.Ю. Лермонтова, Губернаторской премии в области литературы. Член Союза писателей РФ.

ТРУЧЕНКОВ Михаил Владимирович. Родился в 1974 г. в Пензе. Окончил исторический факультет ПГПУ им. В.Г. Белинского. Работал учителем истории. В настоящее время работает в сфере строительства. Участник клуба прозаиков «РостОК» при журнале «Сура». Проживает в Пензе. В «Суре» публикуется впервые.

ФЕДЯНИНА Любовь Сергеевна. Родилась в 1944 году в г. Кирове. Окончила факультет иностранных языков Пензенского государственного педагогического института. Учитель английского языка. Участница клубов «Я сень», «РостОК» при журнале «Сура». Печаталась в сборнике «Четверги» клуба «Я сень», журнале «Сура».

ФИЛИН Сергей Алексеевич. Родился в 1981 г. в Пензе. Печатался в журнале «Сура», лауреат конкурса Дины Злобиной. Участник поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура».

ХРАБРОВИЦКИЙ Александр Вениаминович. (3.11.1912 — 13.09.1989), литературовед, специалист по творчеству В.Г. Короленко. Родился в Санкт-Петербурге. Творческая деятельность началась с журналистской работы в газетах Москвы, затем Рязани, Пензы. Живя в Пензе, занимался масштабными краеведческими изысканиями, связанными с биографиями русских писателей. С 1952 года жил и работал в Москве. Автор многочисленных публикаций и нескольких книг, главная из которых — «В.Г. Короленко. летопись жизни и творчества 1917 — 1921 гг.» (1990).

ШИГИН Борис Владиленович. Родился в 1952 г. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Журналист, поэт. Автор многих поэтических книг и песенных альбомов. Публиковался в журналах «Москва», «День и ночь», «Русское эхо», «Подъем», «Странник», «Волга — XXI век», «Простор», в «Литературной газете», а также в Израиле, Италии, Германии, США. Главный редактор литературного журнала «Сура». Лауреат Всесоюзной премии имени Карпинского, губернаторских премий за достижения в области журналистики и литературы (1997, 2000, 2003), Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова (2007, 2008, 2014), премии Московской организации Союза писателей РФ «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М.Ю. Лермонтов. 1814 — 1841». Заслуженный работник культуры РФ.

Учредитель: ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала:

Геннадий ГОРЛАНОВ, Николай ИНЮШКИН, Александр ЛОМОВЦЕВ,
Марина ОСИПОВА, Юрий ПОЛЯКОВ, Елена СТОЛЯРОВА,
Валерий СУХОВ, Виктор ТЕРЕНТЬЕВ, Александр ТУГАРОВ,
Александр ТЮСТИН, Владимир ЮРАКОВ, Лариса ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Редакция:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Татьяна КАДНИКОВА — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — Олег СИРОТИН

Корректор — Светлана АНДРЕЕВА

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области. 16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте
областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), nika@zato.ru (редактор отдела прозы),
ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов прсыывать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналлов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 22.10.2014 года. Подписано в печать 22.11.2014 года. Бумага офсетная.

Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.

Заказ № 3914. Цена договорная. Тираж 1000 экз.

ОАО «Издательский дом «Мичуринск»

Отпечатано в обособленном подразделении Тамбовская типография «Пролетарский светоч».
Адрес: 392000, г. Тамбов, Моршанско шоссе, 14-а. Тел.: 8(4752)53-26-27; e-mail: stol-zak@mail.ru